ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Ковалёв Владимир Сергеевич

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЕС и ЕАЭС

Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Энтин Марк Львович

Москва – 2022

Оглавление.

Введение 4

Глава 1. Международная правосубъектность: теоретический подход..... 21

§1.1. Доктринальные подходы к определению международной правосубъектности международных (межправительственных) организаций и интеграционных объединений 21

§1.2. Международная правосубъектность и государственный суверенитет в «интеграционном измерении» 29

Глава 2. Международная правосубъектность Евразийского экономического союза как международной организации региональной экономической интеграции: современное состояние и перспективы 36

§2.1. ЕАЭС как субъект международного права 43

§2.2. Особенности правового регулирования внешнеторговой деятельности ЕАЭС в контексте его правосубъектности 47

§2.3. Особенности правового регулирования иной международной деятельности ЕАЭС в контексте его правосубъектности 67

Глава 3. Международная правосубъектность Европейского союза как интеграционного объединения: опыт и современное состояние 76

§3.1. Становление института международной правосубъектности ЕС 78

§3.2. Реализация международной правосубъектности ЕС на современном этапе: актуальные тенденции в рамках внешнеторговой компетенции 93

Глава 4. Правовые контуры Большого Евразийского партнерства сквозь призму реализации международной правосубъектности Евразийского экономического союза 107

§ 4.1. Правовой каркас БЕП: ЕАЭС – АСЕАН (АТР) – ШОС – СНГ..... 112

§ 4.2. Сопряжение евразийской интеграции и китайской инициативы «Один пояс, один путь»..... 122

Заключение..... 127

Список использованных источников..... 136

Введение.

Актуальность темы диссертационного исследования.

Интеграционные процессы находятся в постоянном развитии. Изменения экономических и политических отношений, и, как следствие, подходов к их регулированию, оказывают влияние на существующие интеграционные объединения. Они проходят проверку на эффективность, соответствие интересам государств-членов и их граждан, способность реализовывать свои функции в новых условиях.

Одним из ключевых направлений качественного развития интеграционных объединений можно назвать выработку совместных подходов к регулированию взаимодействия на внешнем контуре. На это указывает опыт структур такого типа. При этом совместное правовое регулирование отношений с третьими сторонами, прежде всего внешнеэкономических, оказывает позитивное влияние и на их внутреннее развитие: укрепляется общий рынок, устраняется фрагментарность правовой системы, расширяются сферы сотрудничества, взаимодействие становится более доверительным и взаимоинтересным.

Евразийский экономический союз (далее также – ЕАЭС, Союз, Евразийский союз) – наиболее амбициозный интеграционный проект на стыке Европы и Азии. Несмотря на непродолжительный по меркам истории период своего существования, он уже достиг значительных результатов в развитии, став опорой экономической модели государств-членов и неотъемлемым элементом архитектуры международных отношений.

Сегодня ЕАЭС связывает свое будущее с переходом на проектный этап интеграции, в том числе на внешнем треке. В Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (далее также – Стратегия-2025), утвержденных главами государств-членов 10 декабря 2020 года в рамках заседания Высшего Евразийского экономического совета (далее также – Высший совет, ВЕЭС), зафиксирована задача формирования Союза как значимого центра развития современного мира. В целях ее реализации необходимо своевременно адаптироваться к реалиям сегодняшнего дня, характерной

тенденцией которых является нивелирование устоявшихся в течение длительного времени международных обязательств.

Евразийский союз проявляет заметную активность в сфере международного продвижения. Используя предусмотренную Договором о ЕАЭС международную правосубъектность, Союзом заключены соглашения о свободной торговле с Вьетнамом, Сербией и Сингапуром, временное соглашение с Ираном, соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с КНР. Продолжаются торговые переговоры с Египтом, Израилем, запущен переговорный трек с Индией, а также с Ираном по поводу полноформатного соглашения. Проводятся или завершены исследования целесообразности заключения ряда аналогичных торговых сделок (например, с Индонезией, Монголией, ОАЭ).

ЕАЭС также установлены прямые отношения с ключевыми региональными объединениями – АСЕАН, СНГ, ШОС, Африканским союзом, МЕРКОСУР. Налажено взаимодействие в формате меморандумов с рядом правительств третьих стран (например, Бангладеш, Индонезия, Эквадор, Чили и другими) и международными организациями (например, ЕЭК ООН, ЮНКТАД, МТЦ и другими).

Три государства имеют статус наблюдателя при Союзе – Молдова, Куба, Узбекистан. Ведется работа по сопряжению евразийской интеграции и китайской инициативы «Один пояс, один путь», а также реализация концепции Большого Евразийского партнерства. Дальнейшие векторы находят свое отражение в Основных направлениях международной деятельности ЕАЭС, утверждаемых главами государств-членов ежегодно, Подходах к развитию торгово-экономического сотрудничества с основными партнёрами ЕАЭС на среднесрочную перспективу и других стратегических документах. На повестке дня находятся вопросы самостоятельного статуса ЕАЭС в ключевых международных организациях, а также совершенствования и углубления располагаемого инструментария международной деятельности в целом.

Именно совместное регулирование внешнеэкономической деятельности является одним из наиболее эффективных средств внутренней консолидации

ЕАЭС. Несмотря на высокую степень интегрированности экономик государств – членов, в Евразийском союзе все еще имеет место проявление национального протекционизма и желание получить краткосрочный результат взамен стратегического подхода к долгосрочному развитию. При консолидированной работе по выстраиванию внешнего правового контура внутренние противоречия зачастую снимаются сами собой в целях достижения общего результата. Он осязаем и понятен.

Данная работа приобретает особую актуальность ввиду резко меняющейся геополитической обстановки вокруг Евразийского союза и необходимости адекватной реакции со стороны его государств-членов, суть которой вполне могла бы заключаться в усилении роли евразийской интеграции как в решении внутриэкономических задач развития, так и в наращивании внешнеэкономической деятельности на перспективных направлениях для отстаивания собственных позиций и приоритетов. В целях активизации соответствующей деятельности, поиска наилучших форматов и недопущения возможных ошибок полезен сравнительный анализ лучших мировых интеграционных практик, включая Европейский союз (далее также – ЕС, Евросоюз).

За последнее десятилетие ЕС столкнулся со значительными внутренними и внешними вызовами (кризис Еврозоны, миграционный кризис, Brexit, пандемия COVID-19, центробежные тенденции в ряде стран ЕС, например, в Польше, Венгрии[1] и другие). В ответ на это страны ЕС значительно синхронизировали свои

[1] Начиная с 2015 года в Польше последовательно реализуется судебная реформа. Европейский союз подверг реформу жесткой критике как подрывающую основы и целостность европейской правовой системы и потребовал устранить имеющиеся нарушения. Было также принято решение Европейского суда о наложении на страну ежедневных штрафов в размере 1 млн евро до момента исполнения польским правительством требований Европейского союза. В свою очередь, 7 октября 2021 года Конституционный суд Польши признал верховенство Конституции Польши над европейским правом. См. подробнее: Правовой клинч во взаимоотношениях Варшавы и Брюсселя. // ИМЭМО РАН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imemo.ru/special-rubrics/eu-current-trends/text/legal-clinch-in-relations-between-warsaw-and-brussels (дата обращения: 27.02.2022); Court of Justice of the European Union Press Release N192/21. Luxembourg, 27 October 2021 Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2021-10/cp210192en.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

подходы к деятельности на международной арене, формируя собственную коллективную повестку, оказывающую влияние на региональную и глобальную архитектуру международных отношений. ЕС заключены многочисленные соглашения с третьими сторонами, обеспечена собственная представленность на площадке ООН и других организаций. Международная деятельность Евросоюза реализуется проактивно, задействуя имеющийся и создавая новый инструментарий реализации его международной правосубъектности.

В качестве одной из актуальных задач Евросоюза на сегодняшний день декларируется прагматичное формирование еще более выгодных условий внешнеэкономической деятельности и собственного развития, что зачастую происходит в ущерб другим игрокам, особенно тем, кто не стремится к однозначному следованию предлагаемой ЕС модели поведения. Практическими примерами реализации данной задачи могут служить: приоритизация двусторонних международных договоренностей на основе заново сформулированных «правил игры»[2] над универсальными нормами международного права; активное распространение выработанного в ЕС рамочного правового регулирования (например, низкоуглеродного экономического развития); использование санкционного инструментария. Также имеет место продвижение реформы ВТО, поиск подходов к взаимодействию с КНР, АСЕАН и другими.

Все вышеперечисленное укладывается в модель «открытой стратегической автономии», суть которой заключается в синергии проводимой политики внутри ЕС и на внешнем контуре в целях укрепления собственной безопасности, снижения односторонней зависимости в критически важных областях и установления в них

Результатом «противостояния» правительства Венгрии под руководством В. Орбана и институтов ЕС, обвиняющих руководство Венргии в подрыве демократических свобод в стране, стало инициирование Еврокомиссией 6 апреля 2022 года процедуры ответственности за серьезное нарушение ценностей ЕС в виде механизма «верховенства права». См. подробнее: EU finally launches rule-of-law probe against Hungary. // EUobserver. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://euobserver.com/rule-of-law/154672 (дата обращения: 27.04.2022).

[2] См. подробнее: Лавров С.В. О праве, правах и правилах. // Россия в глобальной политике. – 2021. – №4. – С. 8-20.

своих собственных приоритетов[3]. Следует признать, что у Европейского союза накоплены значительные ресурсы и потенциал, вырабатываются и применяются новые правовые механизмы реализации поставленных задач.

Изучение механизмов реализации международной правосубъектности Евразийского экономического союза, а также соответствующего опыта Европейского союза позволило наглядно продемонстрировать роль интеграционных объединений как субъектов международного права, проследить направления ее изменения с учетом текущей обстановки, а также оценить влияние международной правосубъектности на развитие самих структур.

В свою очередь, комплексное сравнительное рассмотрение сделало возможным установить закономерности в правовом регулировании внешней компетенции в двух схожих по институциональной природе объединениях, выявить сильные и слабые стороны, сходства и различия. На основе проведенного анализа предложены точки приложения дальнейших усилий в масштабе ЕАЭС и способы их правовой регламентации.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Рассматриваемые автором в рамках диссертации вопросы в российской и зарубежной юридической литературе изучаются, однако достаточно фрагментарно, в некотором отрыве друг от друга.

Фундаментальные вопросы международной правосубъектности, правовых аспектов интеграционных процессов, государственного суверенитета и трансформации его содержания через призму создания и функционирования международных организаций и интеграционных объединений исследованы в работах таких видных представителей отечественной юридической науки, как например: Г.М. Вельяминов, В.С. Нерсесянц, И.И. Лукашук, С.В. Черниченко.

---

[3] См. подробнее: Cagnin C., Muench S., Scapolo F., Stoermer E., Vesnic Alujevic L. Shaping and securing the EU`s Open Strategic Autonomy by 2040 and beyond. – Publications Office of the European Union. – Luxembourg, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC12599 (дата обращения: 28.02.2022).

Изучением основ права Евразийского экономического союза, его правовой природы, вопросов соотношения его норм и норм международного права в целом, а также их взаимодействия с отдельными правовыми порядками (в том числе правом ВТО), аспектов компетенции ЕАЭС и его органов занимается целый ряд представителей отечественной правовой науки, среди которых: А.С. Исполинов, А.Я. Капустин, В.М. Шумилов, М.Л. Энтин, К.А. Бекяшев, Д.С. Боклан, Н.Е. Тюрина, С. Ю. Кашкин, А.О. Четвериков, Р.А. Касьянов, Н.А. Соколова, Г.Г. Шинкарецкая, Я.С. Кожеуров, И.М. Лифшиц, А.А. Наку, Д.В. Иванов, О.В. Кадышева, А.С. Смбатян, А.Н. Каширкина. Важный вклад в изучение данных вопросов вносят судьи Суда ЕАЭС, в частности, Т.Н. Нешатаева, К.Л. Чайка, Д.Г. Колос, а также сотрудники Секретариата Суда К.В. Энтин, Е.Б. Дьяченко, Е.В. Бабкина, П.П. Мысливский. В диссертационном исследовании последнего нашли свое отражение актуальные аспекты статуса и международной правосубъектности ЕАЭС, сформулирована концепция «наднациональной международной организации»[4]. Отдельное внимание вопросу международной правосубъектности ЕАЭС уделили в своих работах Н.А. Соколова[5], Л.П. Ануфриева[6], К.А. Бекяшев и Д.К. Бекяшев[7].

---

[4] Мысливский П.П. Международно-правовое регулирование создания Евразийского экономического союза и способа разрешения споров. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Мысливский Павел Петрович. – Российский государственный университет правосудия. – Москва, 2015. – 34 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rgup.ru/rimg/files/_Автореферат_П.П.Мысливский.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

[5] См., например: Соколова Н.А. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права. // Lex russica (Русский закон). – 2017 – №11. – С. 47-57.

[6] См., например: Ануфриева Л.П. ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении. // Московский журнал международного права. – 2016. – №4. С. 48-62; Ануфриева Л.П. О некоторых теоретических подходах к праву евразийской интеграции и ее институционализации. // Lex russica (Русский закон). – 2017. – №9. – С. 116-126.

[7] См., например: Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К. Правовая природа международных интеграционных объединений. // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 199-207; Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза: монография. К.А. Бекяшев, Д.К. Бекяшев, С.Ю. Кашкин, Е.Г. Моисеев, Т.В. Сулейманов; ред. Е.Г. Моисеев. § 4 главы I «Международно-правовой статус Евразийского экономического союза» – М., 2014. – С. 36-50.

Тематика правового регулирования вопросов компетенции Европейского союза в сфере внешних сношений, международной правосубъектности ЕС, а также вопросов взаимодействия норм международного и европейского права в соответствующей сфере, права международных организаций и интеграционного права традиционно находят свое отражение в работах ведущих российских ученых в области международного и европейского права, среди которых можно выделить Л.М. Энтина, М.Л. Энтина, А.Х. Абашидзе, А.Н. Талалаева, М.Н. Марченко, К.А. Бекяшева, П.А. Калиниченко, Д.М. Лифшица, Д.К. Бекяшева, М.М. Бирюкова, С.Ю. Кашкина, А.О. Четверикова, В.В. Войникова, Р.А. Касьянова, Е.А. Торкунову, Б.Н. Топорнина, Е.Н. Егорову, Е.А. Павельеву, О.Ф. Артамонову, Ю.С. Безбородова и других. В разное время в российских научных изданиях выходили отдельные публикации, в которых непосредственно рассматривались вопросы международной правосубъектности ЕС[8].

Среди иностранных авторов, посвятивших свои исследования вопросам правового регулирования международной деятельности ЕС, а также тематике правовой природы интеграционных процессов с точки зрения международного права, можно отметить следующих: Я. Клабберс (J. Klabbers), Р. Вессел (R.A. Wessel), Д. Вервей (D.R. Verwey), Дж. Вейлер. (J. Weiler), А. Отт (A. Ott), Дж. Одерматт (J. Odermatt), М. Лафлин (M. Loughin), М. Кремона (M. Cremona). Весьма комплексными являются подготовленные П. Экхаутом (P. Eeckhout) и П-Я. Куипером (P-J.Kuijper) (в составе авторского коллектива) издания, посвященные праву внешних сношений ЕС[9], в которых достаточно подробно рассмотрены вопросы международной правосубъектности Евросоюза.

---

[8] См., например: Артамонова О.Ф. Международная правосубъектность Европейского союза. // Журнал российского права. – 2002. №8. – С. 143 – 151; Павельева Э. А. Формирование международной правосубъектности Европейского союза. // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 2(53). – С. 129-132; Егорова Е.Н. Правосубъектность Европейского союза и международное трудовое право. // Московский журнал международного права. – 2013. №1. – С. 142-151; Лифшиц И.М. Членство Европейского союза в международных организациях в контексте его правосубъектности. // Московский журнал международного права. – 2019. – №1. – С. 54-67.

[9] Eeckhout P. EU External Relations Law. – Oxford, 2012. – 622 p.; Kuijper P.J. [et al.]. The Law of EU External Relations. – Oxford, 2013. – 1092 p.

Практический интерес представляют некоторые опубликованные исследования представителей европейской дипломатии[10].

Сравнительно-правовой анализ регулирования международной правосубъектности ЕАЭС и ЕС в отдельных исследованиях до настоящего момента не проводился, что повышает ценность проделанной автором работы.

Объектом исследования в данной диссертации выступают общественные отношения, которые складываются в процессе реализации международной правосубъектности ЕАЭС и ЕС путем заключения двусторонних и многосторонних соглашений, правовой формализации взаимодействия с третьими странами, интеграционными объединениями и международными организациями, односторонних действий, имеющих соответствующие правовые последствия в рассматриваемой сфере.

Предметом исследования является обширный правовой массив, включающий Договор о ЕАЭС, акты органов ЕАЭС, договоры и соглашения ЕАЭС и его органов с третьей стороной, практика Суда ЕАЭС, учредительные договоры ЕС, акты вторичного права ЕС, договоры и соглашения ЕС, его институтов и органов с третьей стороной, практика Суда ЕС, иные акты институтов ЕС, а также национальные законодательства стран ЕАЭС и ЕС, право ВТО, решения международных судов (в частности, Международного суда ООН), а также доктринальный материал, объединяющий труды ведущих российских и зарубежных ученых по соответствующей проблематике.

Целью исследования являются установление содержания и механизмов реализации международной правосубъектности ЕАЭС и ЕС, роли ЕАЭС и ЕС как

[10] См., например: De Gucht K. The Common Foreign and Security Policy (CFSP): Is There Room for New Perspectives in the Aftermath of Maastricht? // Studia Diplomatica. – 1997. – Vol. 50. №2. – Pp. 49-83; de Schoutheete P., Andoura S. The Legal Personality of the European Union. – Egmont European Affairs Publication, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aei.pitt.edu/9083 (дата обращения: 24.02.2022).

субъектов международного права в современных условиях, а также выработка перспективных подходов регулирования соответствующей сферы в ЕАЭС.

Для достижения цели исследования автором были поставлены следующие **задачи**:

– установить содержание понятия «международная правосубъектность» в международном праве, проследить его доктринальное развитие с акцентом на международные (межправительственные) организации и интеграционные объединения;

– выявить соотношение понятий «международная правосубъектность» и «государственный суверенитет» через призму интеграционных процессов;

– определить различия в содержании международной правосубъектности международных (межправительственных) организаций и интеграционных объединений;

– установить источники и содержание международной правосубъектности ЕАЭС и ЕС;

– выявить и оценить практические механизмы реализации международной правосубъектности ЕАЭС и ЕС;

– выработать перспективные подходы к нормативно-правовому регулированию международной деятельности ЕАЭС, сформулировать предложения по совершенствованию механизмов реализации международной правосубъектности ЕАЭС.

Теоретическая основа исследования представлена трудами ведущих российских и зарубежных ученых по вопросам реализации международной правосубъектности, правовых аспектов интеграционных процессов, государственного суверенитета и трансформации его содержания через призму создания и функционирования международных организаций и интеграционных объединений, правовой природы ЕАЭС, вопросов соотношения норм права ЕАЭС

и норм международного права, регулирования международной правосубъектности ЕАЭС, правового регулирования вопросов компетенции Европейского союза в сфере внешних сношений и международной правосубъектности ЕС.

Нормативная основа исследования представлена Договором о ЕАЭС, актами органов ЕАЭС, договорами и соглашениями ЕАЭС и его органов с третьей стороной, практикой Суда ЕАЭС, учредительными договорами ЕС, актами вторичного права ЕС, договорами и соглашениями ЕС, его институтов и органов с третьей стороной, практикой Суда ЕС, иными актами институтов ЕС, а также национальными законодательствами стран ЕАЭС и ЕС, правом ВТО, решениями международных судов (в частности, Международного суда ООН). В качестве **эмпирической базы** исследования были использованы статистические, аналитические, информационные материалы, размещенные в открытом доступе, а также на официальных интернет-ресурсах Евразийской экономической комиссии (далее также – ЕЭК, Комиссия) и Суда ЕАЭС, Европейской комиссии (далее также – Еврокомиссия, ЕК) и других институтов ЕС, ряда международных организаций.

В рамках проведения исследования **были применены различные общенаучные и специальные методы научного познания**, среди которых можно выделить анализ, синтез, дедукцию, индукцию, аналогию, а также описательный, историко-сравнительный, системно-функциональный и институциональный методы. Особое значение имел сравнительно-правовой (компаративистский) метод, что позволило выявить и всесторонне изучить особенности исследуемого вопроса, продемонстрировать различия правового регулирования, выявить его пробелы. В свою очередь, применение методов аналогии и моделирования сделало возможным предложить конкретные механизмы дальнейшего совершенствования правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Научная новизна работы определяется темой диссертации и фрагментарностью научной разработанности изучаемой проблемы в российской и

зарубежной правовой науке.

В России исследуемая автором проблематика нашла свое отражение в ряде трудов отечественных авторов, однако данные вопросы рассматривались либо эпизодически (в контексте других, более глобальных тем), либо же применительно к какому-либо одному из аспектов (например, в контексте внешнеторговой деятельности ЕАЭС и ЕС, взаимодействия ЕС с международными организациями и так далее).

Относительно зарубежной доктрины можно отметить, что проблематика правосубъектности ЕС в ее различных проявлениях отражена в достаточной степени подробно, однако фактически отсутствуют аналогичные исследования Евразийского союза, а также какие-либо компаративистские исследования (ЕАЭС – ЕС).

В рамках диссертационного исследования автором доказана взаимосвязь совершенствования совместного правового регулирования внешнеэкономических отношений и внутренней консолидации интеграционных объединений, обоснована практикоориентированная модель расширения и углубления внешней компетенции ЕАЭС. Дальнейшее научное развитие получила концепция трансрегионального права[11]. Некоторые предлагаемые автором категории, например, роль мягкого права в реализации международной правосубъектности ЕАЭС и ЕС, до настоящего момента как в российской, так и в зарубежной науке отдельно не рассматривались.

Научная новизна проявляется в следующих выносимых на защиту положениях:

1. Различия в правовой природе международной (межправительственной) организации и международного (межгосударственного) интеграционного

[11] Концепция трансрегионального права активно развивается представителями Кафедры европейского права МГИМО. См. подробнее, например: Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Обратное в юридическое средневековье? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – №2. – С.35-43; Butler W.E., Entin M.L., Entina E.G., Torkunova E.A. Greater Eurasia: In Search of a Legal Order. // Polis. Political Studies. – 2020. – №. 4. – P. 9-23. (In Russ.); Entin M., Entina E., Torkunova E. In bk.: Current issues of international law and comparative law. Kaliningrad, 2022. – Ch. 6. – P. 77-102.

объединения связаны с возлагаемыми на них задачами и характером их полномочий.

Международные организации обеспечивают сотрудничество между своими государствами-членами и для этого наделяются дополнительными (не входящими в государственные) полномочиями.

Интеграционные объединения выступают едиными образованиями и с этой позиции регулируют не только вопросы своего внутреннего функционирования, но и взаимодействие с третьими странами, иными интеграционными структурами или международными организациями. В этих целях в их адрес государства-члены передают часть сугубо внутригосударственных полномочий, что предполагает их реализацию как внутри объединения (непосредственно на территории государств-членов), так и на внешнем контуре на основе собственной воли.

2. Правосубъектность классических международных организаций и интеграционных объединений строится на формально схожих основополагающих критериях, но разительно отличается с точки зрения своего содержания: задачами, для решения которых происходит наделение интеграционных объединений международной правосубъектностью, и механизмами ее реализации.

Основной задачей, которую решают интеграционные объединения посредством переданной им правосубъектности, является совместное регулирование взаимодействия с третьими сторонами и создание тем самым условий для укрепления внутреннего потенциала таких объединений. Учитывая тот факт, что интеграционные объединения имеют в своей основе первоочередную цель синхронизации экономических потенциалов их государств-членов, то и на внешнем контуре речь преимущественно идет о совместном регулировании внешнеэкономической деятельности с третьими сторонами.

Основной механизм – юридически обязывающие соглашения по данному предмету, а также юридически значимые действия в рамках многосторонних площадок. Ключевая роль по их подготовке, реализации и имплементации при этом отводится наднациональным институтам. А возникающие в результате обязательства относятся к интеграционному объединению в целом.

3. Евразийский экономический союз находится в стадии институциональной трансформации: из международной организации, в статусе которой он формально пребывает в соответствии со ст. 1 Договора о ЕАЭС, в интеграционное объединение. На это указывают четкие элементы наднациональности в его правовой природе (собственная правовая система, в рамках которой совместно создаваемое право вытесняет национальное право государств-членов в переданных на союзный уровень регулирования сферах; наличие наднациональных институтов (ЕЭК, Суд ЕАЭС); существенный объем наднациональной компетенции в рамках внутреннего функционирования, а также по ряду международных вопросов).

На текущем этапе в ЕАЭС механизмы реализации международной правосубъектности уже предусматривают совместное регулирование внешнеэкономических отношений с третьими сторонами на основе собственного волеизъявления Союза. Промежуточный либо динамический характер трансформации ЕАЭС характеризуется тем, что, во-первых, самостоятельное волеизъявление Союза все еще ограничено весьма узкими полномочиями в международной сфере, а, во-вторых, реализуется параллельно с волеизъявлением его государств-членов (например, стороной внешнеторговых соглашений Союза являются и его государства-члены, страны Союза самостоятельно заключают соглашения, регулирующие вопросы торговли услугами и режима инвестиций, а также всеобъемлющие соглашения).

Совершенствование механизмов реализации международной правосубъектности ЕАЭС посредством расширения его международной компетенции, повышения роли его наднациональных институтов в проводимой работе, устранения фрагментарности правового регулирования внешнеэкономической деятельности государств-членов и Союза в целом, а также дополнения инструментария его деятельности на внешнем контуре механизмами мягкого права, опосредующими правовое регулирование внешнего взаимодействия Союза, и приобретения самостоятельного статуса ЕАЭС в международных организациях и многосторонних соглашениях позволят ему выйти на новый организационно-правовой уровень, а именно завершить трансформацию

из международной организации в интеграционное объединение, что укрепит Союз как снаружи, так и изнутри. Реальное положение дел затем может быть закреплено формально путем внесения изменений в ст. 1 Договора о ЕАЭС.

4. Инструменты мягкого права на сегодняшний день эффективно дополняют классический правовой инструментарий ЕС в сфере внешних действий и могут рассматриваться как механизмы опосредованной реализации международной правосубъектности ЕС в трех измерениях:

– Мягкое право устанавливает детально описываемый порядок реализации правовых норм более высокого порядка, служащих его юридической основой;

– Фиксирует основные содержательные установки для единообразного применения в рамках международных, в первую очередь, торговых переговоров и принятия юридически значимых решений на многосторонних площадках;

– Создаёт необходимый уровень правовой и политической определенности как для государств-членов ЕС, так и для внешних партнеров.

В ЕАЭС инструменты мягкого права, как в рассматриваемой сфере, так и в целом, пока еще не получили надлежащего применения. Соответствующий механизм может активнее использоваться в правовой системе Евразийского союза при его «донастройке» с учетом особенностей и актуального этапа развития права ЕАЭС.

5. Евразийский экономический союз является узловым звеном формирующегося Большого Евразийского партнерства. На базе внутреннего и внешнего правового регулирования Союза может быть создана модель трансрегионального права, представляющего собой взаимодополняющую комбинацию национального, наднационального и международного права. Эффективным инструментом создания такой модели является международная правосубъектность ЕАЭС, посредством реализации которой может быть сформировано ядро евразийского трансрегионального права. Это позволит избежать возможных противоречий и коллизий разноуровневых правовых порядков, создав более прогрессивный правовой режим.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что автором комплексно изучено содержание и механизмы реализации международной правосубъектности ЕАЭС и ЕС, установлены соответствующие закономерности деятельности ЕАЭС и ЕС как субъектов международного права в современных условиях, предложены новые правовые подходы к регулированию механизмов реализации международной правосубъектности ЕАЭС.

Результаты исследования носят ярко выраженный практический характер ввиду объективной необходимости выработки новых подходов регулирования международной деятельности Евразийского экономического союза и продолжения качественного внутреннего развития объединения, что предусмотрено Стратегией-2025. В настоящий момент правительства стран ЕАЭС и Евразийская экономическая комиссия проводят работу по ее реализации.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Диссертация была подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре европейского права МГИМО МИД России.

Результаты диссертационного исследования внедрены в работу Евразийской экономической комиссии в 2020-2022 гг.

В частности, укрепление международной правосубъектности ЕАЭС было включено в перечень приоритетов работы текущей каденции (2020-2024 годы) Коллегии Евразийской экономической комиссии под председательством М.В. Мясниковича.

Предложения автора инкорпорированы в Основные направления международной деятельности ЕАЭС на 2020 и 2021 годы, утвержденные Высшим Евразийским экономическим советом 11 декабря 2020 года и 10 декабря 2021 года соответственно. Автор принял непосредственное участие в разработке Меморандума о взаимопонимании между ЕЭК и Секретариатом ШОС, Меморандума о взаимодействии между ЕЭК и Правительством Республики Узбекистан, планов совместных мероприятий по сотрудничеству ЕЭК и АСЕАН, Исполнительного комитета СНГ, где также нашли свое отражение заключения и

предложения, сформулированные в рамках диссертационного исследования.

Концептуальные предложения автора по построению Большого Евразийского партнёрства были использованы в рамках подготовки и проведения сессии «Большое евразийское партнерство в эпоху технологической трансформации» Петербургского международного экономического форума в 2021 году, а также сессии «АСЕАН-ЕАЭС-ШОС: интеграционный сегмент Большого Евразийского партнерства» в рамках ПМЭФ-2022.

Автор презентовал некоторые результаты диссертации в ходе выступления в рамках секции «Новейшие тенденции в правовом регулировании интеграционных процессов и трансрегионального сотрудничества» на XIII Конвенте РАМИ (14-16 октября 2021 года, МГИМО МИД России), а также использовал их в ходе подготовки разрабатываемого в ЕЭК учебного пособия по проблематике евразийской интеграции.

По теме диссертации автором были опубликованы следующие научные статьи (некоторые в соавторстве) **в рецензируемых научных изданиях (перечень ВАК):**

1. Ковалёв В.С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях / Ковалёв В.С. // Право и управление. XXI век. – 2021. – Т. 17. № 1(58). – С. 13-23.

2. Ковалёв В.С. Практические результаты и новые горизонты евразийской интеграции / Мясникович М.В., Ковалёв В.С. // Международная жизнь. – 2021. – № 11. – С. 4-15.

3. Ковалёв В.С. Устойчивое развитие и климатическая повестка как инструменты укрепления интеграции в ЕАЭС / Ковалёв В.С. // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 11(162). – С. 36-39.

Научные статьи в изданиях, входящих в международную реферативную базу Scopus:

4. Kovalev V. New Trade and Economic Regionalism: a Space of Opportunities in Greater Eurasia / Entin M., Galushko D., Kovalev V. // InterEULawEast. – 2021. – № 8 (2). – Pp. 161-174.

В прочих изданиях:

5. Ковалёв В.С. Миссия ЕАЭС-2025: региональный центр экономического развития и опора Большой Евразии / Мясникович М.В., Ковалёв В.С. // Наука и инновации. – 2021. – № 1(215). – С. 4-11.

Структура диссертации обусловлена объектом, целями и задачами диссертационного исследования и состоит из введения, четырех глав (объединяющих 9 параграфов), заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Международная правосубъектность: теоретический подход.

§ 1.1. Доктринальные подходы к определению международной правосубъектности международных (межправительственных) организаций и интеграционных объединений.

Институт международной правосубъектности получил свое широкое теоретическое обоснование и масштабную доктринальную проработку.

Международная правосубъектность в крайне общем виде может определяться как способность лица быть субъектом международного права[12] либо свойство того или иного образования, придающее ему статус субъекта международного права[13]. Данные формулировки отражают подход к определению международной правосубъектности с позиции общей теории права. По мнению С.Н. Братуся, «в известном смысле термин “правосубъектность” не является обозначением нового понятия, отличного от понятия “субъекта права”»[14]. И действительно, по мере изучения международной правосубъектности мы исследуем в первую очередь признаки, природу и модели поведения субъектов международного права[15], тем самым ставим их в самый центр всей системы международных отношений, что в полной мере оправданно их ролью.

Следующим шагом необходимо определиться с функциональной нагрузкой субъектов международного права, связанной с реализацией международной правосубъектности. Ведь руководствуясь господствующими классическими международно-правовыми подходами, определяющее значение имеет

---

[12] Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. – М, 2015. – С. 206; Вельяминов Г.М. Международная правосубъектность // Советский ежегодник международного права. 1986. – М, 1987. – С. 77-97.

[13] Международное право в 2 ч. Часть 1: учебник для академического бакалавриата / под. ред. А. Н. Вылегжанина. – 3-е изд. перераб. и доп. – М., 2016. – С.74.

[14] Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. – М., 1950. – С. 6.

[15] Лихачев М.А. Понимание международной правосубъектности в ракурсе иных, смежных категорий. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – №33(214). – С. 74-81.

ее содержание, а именно способность субъекта обладать правами и обязанностями, нести ответственность в случае нарушения международно-правовых норм[16].

Помимо этого, как отмечал И.И. Лукашук, наличие у образования международной правосубъектности связано с его способностью «непосредственно участвовать в создании и осуществлении его норм»[17], то есть заключать международные договоры и исполнять их. Ему вторил С.В. Черниченко, который считал, что «международное нормотворчество – одна из существенных черт международной правосубъектности в отличие от правосубъектности во внутригосударственном плане»[18]. А по мнению Д.Б. Левина важными признаками международной правосубъектности являются участие субъекта в международных правоотношениях и наличие у него автономной воли[19].

Таким образом, международная правосубъектность предполагает активные действия субъекта международного права, связанные с его участием в международных отношениях на основе собственно принятых решений. Подобная точка зрения получила широкое распространение. Руководствуясь изложенным подходом, к субъектам международного права следует относить государства, государственно-подобные образования, нации, народы, борющиеся за самоопределение, и международные (межправительственные) организации.

В то же время отметим, что сторонники другого, современного подхода, среди приверженцев которого можно выделить, например, И.П. Блищенко, Г.В. Игнатенко, А.В. Ковлера[20], полагают возможным в качестве субъектов

---

[16] Международное право в 2 ч. Часть 1: учебник для академического бакалавриата / под. ред. А. Н. Вылегжанина. – 3-е изд. перераб. и доп. – М., 2016. – С.74.

[17] Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – М., 2005 – С. 34

[18] Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. – М., 1993. – С. 29.

[19] Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. – М., 1974. – С.39

[20] Нефедов Б.И. Катехизис аспиранта кафедры международного права: учебное пособие / Б.И.Нефедов; отв. ред. А.Н.Вылегжанин. МГИМО МИД России. – М, 2018. – С. 233. См. также: Международное публичное право: учебник / под ред. К.А. Бекяшева. Глава V «Субъекты международного права. К вопросу о международной правосубъектности индивида». – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1999. – С. 120; Ковлер А.Н. Антропология права. – М., 2002. С. 376-388 и др.

международного права позиционировать всех, кто обладает потенциальной возможностью участия в правоотношениях, им урегулированных. В таком случае субъектный состав международно-правовых отношений может быть дополнен, например, юридическими и физическими лицами, неправительственными организациями.

Значительный рывок в эволюции института «международной правосубъектности» в международном праве связан с созданием и началом активной деятельности в XX веке таких международных (межправительственных) организаций, как, сначала, Лига Наций, а затем Организация Объединенных Наций. Они были наделены новыми полномочиями по международным политическим вопросам[21] в целях значительного переустройства всей системы международных отношений[22].

Международные (межправительственные) организации традиционно рассматриваются как вторичные или производные субъекты международного права, наделенные соответствующей функциональной, а не универсальной правосубъектностью, *ipso facto*. В основе их правосубъектности находится четко выраженная воля первичных субъектов (государств), непосредственно закрепленная в учредительном договоре или уставе такой организации. Это самый простой и прямой способ наделения международной (межправительственной) организации правосубъектностью[23].

Помимо этого, правосубъектность может быть передана такой организации «косвенно» или «подразумеваемо» *(на англ. «implicitly»)*, посредством закрепления за ней определенных функций. К такому мнению пришел Международный суд

---

[21] Hickey J. E. Jr. The Source of International Legal Personality in the 21st Century. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scholarlycommons.law.hofstra.edu/faculty_scholarship/563 (дата обращения: 23.02.2022).

[22] Collins R. The League of Nations and the Emergence of International Administration: Finding the Origins of International Institutional Law. // Revista Española de Derecho Internacional – 2019. – Vol. 71. № 2. – Pp. 285-294. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.revista-redi.es/wp-content/uploads/2019/09/13_foro_collins-1.pdf (дата обращения: 23.02.2022).

[23] de Schoutheete P., Andoura S. The Legal Personality of the European Union. Egmont European Affairs Publication, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aei.pitt.edu/9083 (дата обращения: 24.02.2022).

ООН в своем консультативном заключении от 11 апреля 1949 года по итогам рассмотрения дела относительно возмещения ущерба, понесенного на службе ООН. В частности, было отмечено, что «ООН была призвана осуществлять и пользоваться и фактически осуществляет и пользуется определенным набором функций и прав, что можно объяснить только обладанием ей значительной степенью международной правосубъектности и способностью действовать на международной арене. В настоящее время это высший тип международной организации, и она не смогла бы осуществить намерения своих основателей, если бы была лишена международной правосубъектности. Следует признать, что ее члены, возложив на нее определенные функции с сопутствующими обязанностями и ответственностью, наделили ее компетенцией, необходимой для эффективного выполнения этих функций»[24]. Таким образом, по мнению Международного суда ООН, переданная на уровень международной (межправительственной) организации компетенция[25] в данном случае является основанием и ее международной правосубъектности. Данный вывод получил свое теоретическое закрепление как в зарубежной, так и в российской науке.

Британский юрист Я. Броунли предложил 3 признака международной (межправительственной) организации, обладающей правосубъектностью, а именно:

– постоянное объединение государств с собственными органами управления;

---

[24] Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations, International Court of Justice, Advisory Opinion of April 11th, 1949. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

[25] Здесь и далее «компетенция» понимается как совокупность предметов ведения, властных и иных полномочий. Понятия «компетенция» и «полномочия» не противопоставляются друг другу. Подробнее см.: Жбанков В. А. Эволюция компетенции Европейского Союза и ее отражение в европейском праве. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Жбанков Владимир Александрович. – Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина. – Москва, 2009. – 25 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eulaw.edu.ru/informatsiya/avtoreferaty-po-pravu-evropejskogo-soyuza/zhbankov-v-a-evolyutsiya-kompetentsii-evropejskogo-soyuza-i-ee-otrazhenie-v-evropejskom-prave (дата обращения: 04.03.2022).

– различия в юридических полномочиях и целях деятельности между организацией и ее государствами-членами;

– наличие юридических полномочий, реализуемых на международном уровне, а не только в рамках национальных систем одного или нескольких государств[26].

В свою очередь, С.А. Гуреев определил основные признаки международной (межправительственной) организации, среди которых:

– «четко определенные цели создания международной организации и вопросы, которые государства-члены передают ей для организации сотрудничества в определенных областях;

– международная правосубъектность, объединяющая в себе правоспособность и дееспособность, и право организации разрабатывать различные документы. Решения, принимаемые высшими органами ММПО, – это правила, которые имеют рекомендательный характер. В них отражается автономная воля международной организации, отличная от воли каждого государства-члена»[27].

Резюмируя вышеизложенное, предположим, что в одном случае – при закреплении правосубъектности в учредительном договоре или уставе международной (межправительственной) организации – именно обладание ей является основанием наделения организации соответствующими полномочиями по деятельности на внешнем контуре.

При обратной ситуации, а именно при первичном закреплении определенных целей организации и передачи ей полномочий для их достижения в учредительных документах, происходит подразумеваемая «донастройка» ее международной правосубъектности. Такую ситуацию также можно назвать «фактической правосубъектностью». Как в первом, так и во втором варианте правосубъектность и полномочия тесно связаны и не могут иметь место друг без друга.

---

[26] Brownlie I. Principles of Public International Law, 6th edition. – Oxford, 2003. – P. 649.

[27] Гуреев С.А. Субъекты международного права. // Московский журнал международного права. – 2012. – №1. – С. 29-48.

Теперь зададимся вопросом: для каких задач международные (межправительственные) организации наделяются правосубъектностью?

Ответ очевиден. Основная функциональная нагрузка международных (межправительственных) организаций приходится на решение уставных задач, находящихся в территориальных пределах данной организации. Конечно же, в целях обмена опытом и информацией, международные (межправительственные) организации взаимодействуют и с иными субъектами международного права, однако это является их не основной, а «факультативной» задачей. Ведь инициировавшие их создание государства-члены в полной мере оставляют за собой компетенцию по международному взаимодействию с отдельными третьими сторонами и могут вполне успешно решать данные вопросы самостоятельно.

Следовательно, правосубъектность международных (межправительственных) организаций нацелена на обеспечение сотрудничества входящих в них государств по заданному предмету ведения.

Еще одно направление усложнения международного ландшафта связано с развитием интеграционных процессов.

Г.М. Вельяминов охарактеризовал международную интеграцию как «процесс, обеспечиваемый международно-правовыми средствами и направленный на постепенное образование межгосударственного, экономически, а возможно, и политически единого целостного пространства, зиждущегося на общем рынке общения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы»[28].

Ю.С. Безбородов сделал акцент на международно-правовых аспектах интеграционного сближения. По его мнению, интеграция представляет собой процесс объединения правовых систем с помощью международно-правовых средств с целью достижения единообразия правового регулирования, связанный с деятельностью правосоздающих субъектов в международном праве. Помимо этого, данный процесс сопровождается более высокой степенью согласованности

[28] Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. – М, 2015. – С. 435

воль государств[29]. Следовательно, важно установить международно-правовой статус интеграционных объединений.

Посвятившие изучению вопросов интеграционного права значительное количество своих трудов К.А. Бекяшев и Д.К. Бекяшев отмечали, что «по своему правовому статусу международные интеграционные объединения могут создаваться как в форме международной межправительственной организации, так и в иной форме. В зависимости от этого объединения либо обладают международной правосубъектностью, либо нет. Вне всякого сомнения, международные интеграционные объединения, созданные в форме международной организации, являются субъектами международного права и обладают всеми необходимыми качествами международной правосубъектности»[30]. То есть, по мнению, К.А. Бекяшева и Д.К. Бекяшева, интеграционные процессы в своем результате не ведут к созданию нового субъекта международного права. Данный вывод, по нашему мнению, хоть и является господствующим в науке, но далеко не однозначным. В ходе практического анализа деятельности Евразийского экономического союза и Европейского союза во второй и третьей главах настоящего диссертационного исследования нами сделаны на этот счет соответствующие заключения.

Не разделяют К.А. Бекяшев и Д.К. Бекяшев и позицию Ю.С. Безбородова относительно отчуждения государствами в пользу наднациональных органов интеграционных объединений части своего суверенитета[31]. Серединную точку зрения в этих вопросах занимает С.Ю. Кашкин, говоря об ограничении (большем или меньшем) самостоятельности государств в рамках их участия

---

[29] Безбородов Ю. С. Международно-правовая интеграция: подходы к пониманию феномена. // Российский юридический журнал. – 2012. – № 1. – С. 62-67. См. также: Безбородов Ю.С. Интеграция как международно-правовой метод правовой конвергенции. // Lex russica (Русский закон). – 2017. – №12. – С. 124-132.

[30] Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К. Правовая природа международных интеграционных объединений. // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 199-207.

[31] Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К. Правовая природа международных интеграционных объединений. // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 199-207.

в интеграционных процессах, но исключая утрату ими государственного суверенитета, «по крайней мере де-юре: в противном случае интеграция утратит качество международной»[32].

Полагаем, что международные интеграционные процессы и создаваемые в рамках них организации *sui generis*, то есть интеграционные объединения, являются сложными по своей природе и содержанию явлениями, в полной мере отражающими тенденции глобализации. Необходимо при этом четко отделять их от классических международных (межправительственных) организаций. В этих целях представляется целесообразным оценить взаимосвязь международной правосубъектности и трансформации понятия «суверенитет» в «интеграционном измерении».

Ведь как резонно заметил социолог А. Этциони, «в начале XXI века закончились сразу две эры – эра империй и эра национального суверенитета»[33].

[32] Кашкин С.Ю. Понятие международной образовательной интеграции: социальные и правовые аспекты. // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2016. – № 3. – С. 26-28.

[33] Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 2004. – 384 с.

§ 1.2. Международная правосубъектность и государственный суверенитет в «интеграционном измерении».

Известный юрист Л. Оппенгейм трактовал суверенитет как полную независимость в пределах страны и за ее пределами. При этом в своих трудах он указывал на относительный характер суверенитета в рамках глобального миропорядка: «суверенитет как нечто исключающее зависимость от какой-либо власти другого государства есть независимость. Он является внешней независимостью, поскольку дело касается свободы действий государства за пределами его границ во взаимоотношениях с другими государствами. Однако независимость не есть неограниченная свобода государства делать все, что ему угодно. Один тот факт, что государство является членом семьи народов, ограничивает его свободу действий по отношению к другим государствам, по той причине, что такие действия не должны вмешиваться в их дела»[34]. Схожих взглядов придерживался и немецкий теоретик права Г. Кельзен[35].

Заметим, что для целей настоящего диссертационного исследования интерес представляет именно «внешний» аспект суверенитета, проявляющийся в рамках отношений, урегулированных международным правом.

Как отметил С.В. Черниченко, «международное право не наделяет государство суверенитетом, но основывается на его признании»[36]. Данный вопрос также затрагивал И.И. Лукашук, констатирующий, что «международное право создается суверенной властью государств и обеспечивается ей. Со своей стороны международное право служит гарантией суверенитета…Суверенитет может быть реальным только в условиях международного правопорядка»[37].

Важными аспектами с точки зрения теоретической основы исследуемой темы являются соотношение государственного суверенитета, его внешней

---

[34] Оппенгейм Л. Международное право / пер. с англ. Т. 1. – М., 1948. – С. 260-261.

[35] Kelsen H. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts. – Tübingen, 1928. – S. 187-190.

[36] Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. – М., 1993. – С. 150.

[37] Лукашук И.И. Глобализация. Государство. Право. XXI век. – М., 2000. – С. 141.

составляющей, и международной правосубъектности, а также возможности ограничения суверенитета со стороны иных, отличных от государств, субъектов международного права. Рассмотрим эти вопросы поэтапно.

Существует мнение о том, что суверенитет является основанием международной правосубъектности[38]. Согласимся с тем, что суверенитет выступает явлением более объемного и фундаментального содержания, чем международная правосубъектность, однако наиболее целесообразно говорить о их прямой взаимозависимости, чем о первичности того либо иного понятия.

Может ли суверенитет в таком случае быть ограничен иными субъектами международного права, в частности, международными (межправительственными) организациями?

И.И. Лукашук занял на этот счет однозначную позицию: «суверенитет государств не ограничивается международными организациями, так как государства передают им не часть своего суверенитета, а отдельные полномочия, и даже не полномочия, а их осуществление»[39]. Этот тезис подтверждается также положениями упомянутого нами ранее консультативного заключения Международного Суда ООН, в котором определено, «что ничто в характере международных организаций не дает оснований рассматривать их как некую форму «сверхгосударства». Организация – орган сотрудничества государств, а не надгосударственная власть»[40].

Соглашаясь с представленным подходом, предположим, что никакая международная (межправительственная) организация не может возвышаться над суверенными государствами и, следовательно, никакие её полномочия не могут превосходить суверенные полномочия входящих в нее государств. Данные

---

[38] Осветимская И.И. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2017. – № 2. – С. 150-168.

[39] Лукашук И.И. Глобализация. Государство. Право. XXI век. – М., 2000. – С. 141.

[40] Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations, International Court of Justice, Advisory Opinion of April 11th, 1949. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

суждения будут в полной мере оправданными для тех структур, где господствующим на всех уровнях принятия решений является принцип «консенсуса», что оставляет их «под контролем государств и в сфере влияния их правительств»[41].

Совсем иная ситуация имеет место в том случае, когда «государство передает соответствующим межгосударственным объединениям часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, как это имеет место в ЕС и частично в ЕАЭС»[42]. В этом, по нашему мнению, и лежит правовой «водораздел» между международной (межправительственной) организацией и международным (межгосударственным) интеграционным объединением.

Международные организации, как было отмечено выше, обеспечивают сотрудничество между своими государствами-членами и для этого наделяются дополнительными (не входящими в государственные) полномочиями. Следовательно, отношения между этими государствами продолжают осуществляться исключительно на основе норм международного права.

Интеграционные объединения выступают едиными образованиями и с этой позиции регулируют не только вопросы своего внутреннего функционирования, но и взаимодействие с третьими странами, иными интеграционными структурами или международными организациями. В этих целях в их адрес государства-члены передают (а не делегируют) часть сугубо внутригосударственных полномочий, затрагивающих, как отмечала Т.Н. Нешатаева, «управление территорией, населением и взаимоотношениями с другими акторами международной жизни»[43]. По сути, речь идет об умножении сил и возможностей каждого из участников процесса интеграции[44].

---

[41] Губарец Д.П. Евразийский экономический союз: современный взгляд на феномен наднациональности. // Право и экономика. – 2018. – №10. – С. 117-124.

[42] Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К. Правовая природа международных интеграционных объединений. // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 199-207.

[43] Нешатаева Т. Н. Интеграция и наднационализм. // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. – 2014. – Вып. 2 (24). – С. 243-248.

[44] Бордачёв Т.В. Суверенитет и интеграция. // Россия в глобальной политике. – 2007. – Т. 5. № 1. – С. 65-77.

Международное право (посредством соответствующего международного договора) только создает интеграционные объединения. Отношения же в рамках них по переданным на наднациональный уровень предметам ведения начинают регулироваться совместно создаваемым правом, постепенно вытесняющим право национальное[45].

В этой связи и правосубъектность интеграционных объединений существенно отличается от правосубъектности международных организаций, несмотря на то, что обе основаны на формально схожих критериях.

Основной задачей, которую решают интеграционные объединения посредством переданной им правосубъектности, является совместное регулирование взаимодействия с третьими сторонами и создание тем самым условий для укрепления внутреннего потенциала таких объединений. Учитывая тот факт, что интеграционные объединения имеют в своей основе первоочередную цель синхронизации экономических потенциалов их государств-членов, то и на внешнем контуре речь преимущественно идет о совместном регулировании внешнеэкономической деятельности с третьими сторонами. Ведь самостоятельно осуществлять данную задачу государства-члены уже не могут в силу переданных на наднациональный уровень полномочий.

Как результат, основным механизмом реализации такой правосубъектности становятся юридически обязательные соглашения и аналогичные действия на международной арене, в результате чего возникают относящиеся к интеграционному объединению в целом международные обязательства. Здесь можно провести вполне четкую параллель между действиями отдельных государств и интеграционных объединений. Полагаем, что при таком сравнении обнаруживается большая общность в части содержания и механизмов реализации международной правосубъектности, чем при сравнении интеграционных объединений и международных организаций.

---

[45] Entin M., Entina E., Torkunova E. In bk.: Current issues of international law and comparative law. Kaliningrad, 2022. – Ch. 6. – P. 77-102.

В контексте рассмотренных аспектов внимания заслуживает вопрос, поднятый С.Г. Стоякиным в его статье «Международная интеграция и государственный суверенитет»: «при каких условиях развития международная интеграция воздействует на государственный суверенитет?»[46]. Именно воздействует, а не ограничивает, девальвирует либо нарушает.

Следуя логике приведенных выше дефиниций международной интеграции, а также исходя из комплексного анализа её современных примеров, следует говорить о стремлении к созданию в рамках интеграционных процессов особой конструкции, сочетающей в себе как отдельные свойства международной (межправительственной) организации, так и в большем количестве признаки национального государства, и характеризующейся рядом критериев, среди которых:

– обособленная система управления, опирающаяся на наднациональные органы, принимающие независимые решения прямого действия и не только на основе «консенсуса», но и путем альтернативного голосования;

– собственная правовая система и единое юрисдикционное пространство, функционирование которых обеспечивается единым правоприменением и тесным сотрудничеством наднационального и национальных судов;

– широкий круг компетенции, переданный на наднациональный уровень, предполагающий реализацию соответствующих полномочий как внутри объединения, так и на внешнем контуре во взаимодействии с третьими сторонами на основе собственной воли и другие[47].

---

[46] Стоякин С.Г. Международная интеграция и государственный суверенитет // Право и государство: теория и практика. – 2018. – №10 (166). – С.74-79.

[47] Соответствующие критерии также находят свое обоснование в зарубежной и отечественной науке. См., например: Klabbers J. An Introduction to International Institutional Law. 2nd ed. – Cambridge, 2009. – P. 24-25; Кашкин, С.Ю. Основы интеграционного права: учеб. пособие / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков; отв. ред. С. Ю.Кашкин. Глава 3 §3 «Наднациональность интеграционных организаций» – С. 91-103; Губарец Д.П. Евразийский экономический союз: современный взгляд на феномен наднациональности. // Право и экономика. – 2018. – №10. – С. 117-124.

В совокупности данных критериев ученые-юристы говорят о конституционализации и, как следствие, переносе конституционных теорий с национального уровня на наднациональный[48]. В данном случае можно предположить и факт определенного трансферта элементов государственного суверенитета в целях формирования у такой конструкции особого свойства или характеристики – прообраза «интеграционного суверенитета». Ведь реализовать глобальные цели посредством узкого функционала в полной мере не представляется возможным[49].

Достаточно точно на этот счет высказался еще в 1999 году Л.М. Энтин, отметив, что «государственный суверенитет скорее всего постепенно уступит место совместному (коллективному) осуществлению суверенных государственных прерогатив»[50]. Отчасти это уже происходит на практике.

Здесь важно оговориться, что, по нашему мнению, речь не должна идти о непосредственном отчуждении какой-либо части суверенитета, так как мы в полной мере разделяем подход отнесения суверенитета к ключевому свойству государства. Из этого следует, что отказаться от элемента этого самого свойства невозможно без качественного изменения самого субъекта. При этом нами усматривается конструирование этого свойства у интеграционного объединения, являющегося новым образованием, сформированным по воли государств[51]. В этой связи оправданным и сбалансированным представляется тезис профессора О.М. Мещеряковой: «интеграционное право в процессе своего развития обогащает концепцию суверенитета новым содержанием»[52].

---

[48] См. подробнее: Чайка К.Л. Конституционализация как тенденция развития интеграционных объединений. // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. № 5. – С. 145-161.

[49] Ковалёв В.С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях. // Право и управление. XXI век. – 2021. – Т. 17. № 1(58). – С. 13-23.

[50] Энтин Л.М. XXI век и судьба суверенного государства (Тезисы). Космополис. Альманах. – М, 1999. – С. 62.

[51] Ковалёв В.С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях. // Право и управление. XXI век. – 2021. – Т. 17. № 1(58). – С. 13-23.

[52] Мещерякова О.М. Суверенитет и интеграционное сообщество: теория и практика // Государства и право. – 2014. – №8. – С. 59-64.

Аргументируем представленные позиции и заключения практическими примерами в последующих главах диссертационного исследования.

Глава 2. Международная правосубъектность Евразийского экономического союза как международной организации региональной экономической интеграции: современное состояние и перспективы.

Евразийский экономический союз был создан Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией в результате подписания 29 мая 2014 года Договора о ЕАЭС, который вступил в силу с 1 января 2015 года.

Как отметил в своей программной статье, опубликованной в 2011 году в газете «Известия», Президент России В.В. Путин, «мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»[53]. Там же евразийский интеграционный проект был назван «исторической вехой не только для трех наших стран *(прим. – Беларусь, Казахстан, Россия),* но и для всех государств на постсоветском пространстве»[54]. Этот тезис нашел свое непосредственное и быстрое практическое применение: в 2015 году к ЕАЭС в качестве полноправных членов присоединились Армения и Кыргызстан, в 2018 году статус наблюдателя при Союзе получила Молдавия, а в 2020 – Узбекистан.

Идея евразийской интеграции насчитывает уже более 27 лет и впервые была концептуально сформулирована Первым Президентом Казахстана – Елбасы Н.А. Назарбаевым в стенах МГУ в 1994 году. Евразийский союз имеет весьма прочный историко-культурный и политический фундамент, большое значение принадлежит совместному опыту стран в рамках общего советского периода. В то же время в его основе лежат, в первую очередь, экономические и географические причины. Еще до момента институционализации в формате ЕАЭС евразийская интеграция прошла классические этапы своего развития, куда относится формирование Таможенного союза и Единого экономического

---

[53] Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. // Известия. – 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/news/502761?page=2 (дата обращения: 12.12.2021).

[54] Там же.

пространства[55].

Таким образом, создание ЕАЭС стало результатом стремительного по меркам истории, но последовательного перехода на качественно новый этап интеграции постсоветских государств. В его основе лежит стремление к консолидации потенциалов несколько отличающихся по структуре экономик региона путем сближения либо унификации регуляторики, устранения внутренних административных издержек и барьеров в торговле, повышения эффективности кооперации. Основная цель – достижение синергетического эффекта, выравнивание разноскоростных траекторий развития, содействие суверенному экономическому росту государств-членов и повышение конкурентоспособности их экономик. Это принципиально новая модель интеграции с учетом тенденции отказа от развернутых международных правил и долгосрочных договоренностей, характерных сегодня для ряда крупных экономик и мировых трендов развития. Посредством создания Евразийского союза сконструирована площадка для взаимовыгодного экономического сотрудничества его членов, а также продвижения интеграционных торгово-экономических инициатив во всем регионе[56].

За прошедший с момента своего создания период Евразийский экономический союз сформировался как международная организация региональной экономической интеграции. Он в полной мере соответствует ее формально-юридическим признакам. Например, в Договоре о ЕЭАС нет жестких положений, «подчиняющих национальное право государств-членов совместно создаваемому им праву интеграционного объединения», что зачастую трактуется как «обязательное условие успешного наднационального строительства»[57]. Схожую или коррелирующую точку зрения разделяют многие представители российской

---

[55] Ковалёв В.С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях. // Право и управление. XXI век. – 2021. – Т. 17. № 1(58). – С. 13-23.

[56] Мясникович М.В., Ковалёв В.С. Миссия ЕАЭС-2025: региональный центр экономического развития и опора Большой Евразии. // Наука и инновации. – 2021. – № 1(215). – С. 4-11.

[57] Энтин М.Л., Энтина Е.Г. В поисках партнерских отношений – XI: Россия и Европейский Союз в 2021 – первой половине 2022 годов: Научная монография. – М., 2022. – С. 387.

юридической науки[58].

Одновременно в ЕАЭС присутствуют и четкие элементы наднациональности, позволяющие, по нашему мнению, говорить о нем как о формирующимся интеграционном объединении.

Во-первых, в соответствии со ст. 6 Договора о ЕАЭС, Союз обладает собственной правовой системой (правом Союза), что стало важной новеллой Договора о ЕАЭС[59]. Ее элементами являются как международные договоры (то есть классические источники международного права, на основе которых создан Союз и регулируются базовые вопросы его функционирования), так и решения органов ЕАЭС: как институтов межнационального сотрудничества (Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета (далее также – Евразийский межправсовет, ЕМПС), так и наднационального регулирующего органа – Евразийской экономической комиссии[60]. Система источников и их правовых норм иерархически структурирована. Решения по вопросам, переданным на союзный уровень, могут приниматься не только консенсусом, но и квалифицированным большинством (в Коллегии ЕЭК), они имеют прямое действие в государствах – членах ЕАЭС и непосредственно применяются национальными органами. По мнению Судьи Суда Евразийского экономического союза К.Л. Чайки, в ЕАЭС формируется автономная правовая система, а Суд ЕАЭС последовательно отстаивает прямое действие,

---

[58] См., например: Бекяшев К.А. ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. – 2014. – №11. – С.14-16; Интеграционное право в современном мире. Сравнительно-правовое исследование: монография. // Под ред. С.Ю. Кашкина. – М.,2015. – 416 с.; Иванов. Д.В. Левина М.М. Международно-правовое сотрудничество Евразийского экономического союза с региональными комиссиями ООН: современный этап. // Московский журнал международного прав. – 2020. – №2. – С. 22-39.

[59] Шумилов В.М., Боклан Д.С., Лифшиц И.М. Правовые новеллы договора о Евразийском экономическом союзе. // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – №4. – С. 88-100.

[60] Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 18.02.2022).

непосредственное и единообразное применение и приоритет права Союза[61]. Это говорит о существовании в рамках Союза совместно создаваемого права, которое вытесняет национальное право государств-членов в переданных на союзный уровень регулирования сферах.

Во-вторых, сформирована система наднациональных институтов ЕАЭС, куда относятся уже упомянутые Евразийская экономическая комиссия, а также Суд Евразийского экономического союза.

На сегодняшний день существуют определенные субъективные сложности в практическом исполнении решений Суда ЕАЭС, некоторые вопросы связаны с ограниченностью субъектного состава потенциальных заявителей. Согласно Статусу, Суд Союза непосредственно не уполномочен создавать своими решениями прецедентное право, а также толковать положения Договора о Союзе в юридически обязательном формате[62].

Однако Суд ЕАЭС уже признал свои же решения в качестве обязательных для него прецедентов и проводит значительную работу по развитию правовой системы Евразийского союза[63]. В рамках реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года планируется масштабная работа по дальнейшему совершенствованию институциональной системы ЕАЭС[64].

---

[61] Чайка К.Л. Конституционализация как тенденция развития интеграционных объединений. // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. № 5. С. 145-161.

[62] Статут Суда Евразийского экономического союза. Приложение №2 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 18.02.2022).

[63] См. подробнее: Мысливский П.П. Исполнение решений и консультативных заключений Суда Евразийского экономического союза. // Московский журнал международного права. – 2021. №3. С. 78–97; Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность. // Международное правосудие. – 2017. – №3 (23). – С.76-95.

[64] Это предусмотрено направлением 9 «Обеспечение максимально действенной институциональной системы Союза, гарантирующей выполнение принятых договоренностей» Стратегических направлений развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года. Утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета №12 от 11 декабря 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения: 18.12.2021).

В-третьих, на уровень ЕАЭС передан существенный объем компетенций в экономической сфере, включая вопросы таможенного союза, таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, внешнеторговой политики в части торговли товарами, конкурентной политики на трансграничных рынках, технического регулирования, санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер, некоторых аспектов государственных и муниципальных закупок, промышленных и сельскохозяйственных субсидий и так далее.

ЕАЭС стремится к полномасштабному обеспечению «4 свобод» – свободы движения товаров, лиц, услуг и капитала. Фактически функционирует общий рынок товаров, а граждане могут свободно перемещаться и работать в каждой из стран, получая при этом объем необходимых трудовых и социальных гарантий. Ведется интенсивная работа по «донастройке» «4 свобод». В рамках Союза государства стремятся проводить согласованные и скоординированные политики в ключевых сферах их экономик[65].

Евразийский союз наделен международной правосубъектностью, на основе которой реализует возложенные на него наднациональные полномочия в международной сфере. То есть совместные подходы на внешнем контуре постепенно заменяют односторонние национальные действия.

Таким образом, ЕАЭС уже проделал объективно большую работу по практическому воплощению в жизнь положений его учредительного Договора. В ряде западных публикаций данный тезис нередко ставится под сомнение[66],

---

[65] Ковалёв В.С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях. // Право и управление. XXI век. – 2021. – Т. 17. № 1(58). – С. 13-23.

[66] См., например: De Micco P. When Choosing Means Losing: The Eastern Partners, the EU, and the Eurasian Economic Union. // Study. Directorate-General for External Policies. European Parliament. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/549026/EXPO_STUD%282015%29549026_EN.pdf (дата обращения: 24.02.2022); Myths and misconceptions in the debate on Russia. How they affect Western policy, and what can be done? // Chatham House Report. – 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2021-05/2021-05-13-myths-misconceptions-debate-russia-nixey-et-al_0.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

однако реальная ситуация налицо. ЕАЭС по праву называют вторым в мире по глубине интеграции региональным объединением[67].

Сегодня наблюдается фактическая трансформация Евразийского экономического союза из международной организации (в статусе которой он пребывает согласно ст. 1 Договора о ЕАЭС) в интеграционное объединение.

Исходим из того, что «наднациональность не есть свойство организации и ее органов, которое обнаруживается внезапно. Это скорее проявление определенного этапа ее развития…»[68]. Как сформулировала Т.Н. Нешатаева, «компетенция наднационального союза расширяется до вопросов, традиционно входящих в компетенцию правительств, а решения органов международного института распространяются на физических и юридических лиц, действующих на территории государств-членов. Кроме того, организация наднационального типа принимает на себя и функции в области международных отношений с третьими государствами и другими международными организациями»[69].

В связи с вышеизложенным, согласимся с П.П. Мысливским, отметившим в своем диссертационном исследовании переход в рамках Евразийского союза от межправительственного к функциональному методу и уже характеризующего международно-правовой статус ЕАЭС как «наднациональная международная организация»[70]. При этом все же отметим, что данный статус понимается нами

---

[67] Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» «Евразийская экономическая интеграция: между абсолютными и относительными выгодами». Бордачев Т., Лихачева А., Королев А., Малашенкова О., Сафранчук И., Малютина Д. – М.,2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.valdaiclub.com/files/26831 (дата обращения: 24.12.2021); ЕАЭС занял 2-е место после Евросоюза по уровню институциональной интеграции. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-zanyal-2-e-mesto-posle-evrosoyuza-po-urovnyu-institutsionalnoj-integratsii (дата обращения: 21.10.2021).

[68] Губарец Д.П. Евразийский экономический союз: современный взгляд на феномен наднациональности. // Право и экономика. – 2018. – №10. – С. 117-124.

[69] Нешатаева Т. Н. Интеграция и наднационализм. // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. – 2014. – Вып. 2 (24). – С. 243-248.

[70] Мысливский П.П. Международно-правовое регулирование создания Евразийского экономического союза и способа разрешения споров. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Мысливский Павел Петрович. –

не как свершившийся факт, а как цель, горизонт развития Союза.

Данная точка зрения не является монолитной, например, Н.А. Соколова и Н.П. Ануфриева сходятся во мнении о том, что «ЕАЭС обладает качеством субъекта международного права, а именно статусом международной правосубъектной организации регионального характера, не имеющей так называемой «наднациональной» или «надгосударственной» природы»[71].

Однако в ходе анализа различных аспектов реализации международной правосубъектности Евразийского экономического союза аргументируем представленную нами позицию практическими примерами.

Российский государственный университет правосудия. – Москва, 2015. – 34 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rgup.ru/rimg/files/_Автореферат_П.П.Мысливский.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

[71] См., подробнее: Соколова Н.А. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права. // Lex russica (Русский закон). – 2017 – №11. – С. 47-57; Ануфриева Л.П. ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении. // Московский журнал международного права. – 2016. – №4. С. 48-62; Ануфриева Л.П. О некоторых теоретических подходах к праву евразийской интеграции и ее институционализации. // Lex russica (Русский закон). – 2017. – №9. – С. 116-126.

§ 2.1. ЕАЭС как субъект международного права.

Международная правосубъектность с первого дня существования Евразийского союза зафиксирована в ст. 1 Договора о ЕАЭС[72].

Стоит отметить, что правосубъектность Союза на сегодняшний день исходит исключительно из нормативного закрепления и не предполагает использования концепции «подразумеваемых полномочий» в силу особенностей институциональной и правовой системы. За этим жестко следят государства-члены ЕАЭС, пресекая любую возможность Союза, в целом, или ЕЭК, в частности, выйти за очерченные в Договоре о ЕАЭС рамки.

Данный кейс стал еще более очевидным в процессе реализации Стратегии-2025, когда даже при экспертной проработке ее пунктов, некоторые из которых находятся «за пределами» Договора о Союзе, поднимаются вопросы об отсутствии соответствующей компетенции. Полагаем, что исправить данную ситуацию мог бы Суд ЕАЭС, применив рассмотренную в первой главе диссертации с теоретической точки зрения концепцию «подразумеваемых полномочий». Полезной с этой точки зрения может быть и практика Суда ЕС, которой мы уделим пристальное внимание в третьей главе диссертации.

Вопросы международной деятельности ЕАЭС освещены в ст. 7 Договора. Так, Союз в пределах своей компетенции может осуществлять международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями и самостоятельно либо совместно с государствами-членами заключать с ними международные договоры по вопросам, отнесенным к его компетенции[73]. Данная формулировка статьи Договора о Союзе позволяет убедиться в том, что ЕАЭС имеет возможность проявлять в рамках внешнего взаимодействия свою волю, которая не является

---

[72] Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 18.02.2022).

[73] Там же.

простой суммой воль его государств-членов[74]. Таким образом, в тех сферах, регулирование которых передано на уровень Евразийского экономического союза, государства-члены формально ограничены в заключении международных соглашений с третьими странами без участия органов ЕАЭС[75]. Практическая сторона данного вопроса будет рассмотрена несколько ниже.

Процедура заключения Союзом международных договоров, что является ключевым механизмом реализации правосубъектности интеграционных объединений, регулируется специальным Соглашением в рамках ЕАЭС[76]. На сегодняшний день данная работа проводится при исключительной координации государств-членов на площадке ЕЭК. Предложение о заключении международного договора вносится государством-членов, членом Совета Комиссии или третьей стороной[77]. На основании предусмотренной разделом IX Договора о ЕАЭС компетенции, основным видом международных договоров Союза можно назвать торговые соглашения. В рамках подготовки таких документов необходимо предварительное создание совместных исследовательских групп (СИГ) по изучению целесообразности их заключения.

Отдельным документом установлен порядок осуществления международного сотрудничества Евразийского союза. В соответствии с п. 10 данного Порядка, «Евразийская экономическая комиссия вправе подписывать с третьими государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями документы, не являющиеся международными

---

[74] Данильцев А.В., Глазатова М.К. ЕАЭС как субъект мировой торговли и торговой политики: между новым регионализмом. // В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС. / Под науч. ред. Т.А. Мешковой. – М., 2020. – С. 32-46.

[75] Турланов Д.А., Турланова И.М. Международно-правовые аспекты внешнеторговой политики Евразийского экономического союза. // Московский журнал международного права. – 2021. №3. – С. 63-76.

[76] Соглашение о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями. Подписано 14 мая 2018 года, вступило в силу 16 декабря 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417799/itia_16052018 (дата обращения: 18.12.2021).

[77] Там же.

договорами»[78]. К таким документами, в абсолютном большинстве, относятся меморандумы о взаимодействии (взаимопонимании). В рамках Порядка также зафиксированы достаточно подробные алгоритмы осуществления контактов представителей органов ЕАЭС с официальными лицами третьих сторон[79].

Основные направления международной деятельности Евразийского союза на ежегодной основе утверждаются Высшим Евразийским экономическим советом, а Подходы к развитию торгово-экономического сотрудничества с основными партнерами ЕАЭС на среднесрочную перспективу являются документом с горизонтом планирования в пять лет и также утверждаются главами государств (в рамках ВЕЭС). Данные документы проходят все уровни нормотворческого процесса ЕАЭС (Коллегия ЕЭК, Совет ЕЭК, Высший Евразийский экономический совет) и фиксируют основные отправные точки международного продвижения Союза.

Ст. 109 Договора о ЕАЭС и Положением о статусе государства-наблюдателя при ЕАЭС[80], утвержденным решением ВЕЭС от 14 мая 2018 г. № 8 (с изменениями, внесёнными решением ВЕЭС от 10 декабря 2021 № 21[81]) предусмотрен институт государства-наблюдателя при Союзе.

Анализ положений всех вышеперечисленных документов, а также практики функционирования Евразийского союза позволяет сделать вывод о том, что его

---

[78] Порядок осуществления Евразийским экономическим союзом международной деятельности. Утвержден Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года №99. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635551006672796548.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

[79] Порядок осуществления Евразийским экономическим союзом международной деятельности. Утвержден Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года №99. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635551006672796548.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

[80] Положение о статусе государства – наблюдателя при Евразийском экономическом союзе. Утверждено Решением Высшего Евразийского экономического совета от 14 мая 2018 года №9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417792/scd_16052018 (дата обращения: 18.03.2022).

[81] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 10 декабря 2021 № 21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01231077/err_21012022_21_doc.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

международное сотрудничество на сегодняшний день опосредуется следующими механизмами реализации международной правосубъектности:

− заключение международных договоров (торговых соглашений);

− заключение меморандумов о взаимодействии (взаимопонимании);

− предоставление статуса государства – наблюдателя третьим странам;

− юридически значимое взаимодействие в рамках своих полномочий с международными организациями и интеграционными объединениями.

Получается, что среди механизмов реализации международной правосубъектности ЕАЭС можно выделить как относящиеся исключительно к практике зрелых интеграционных объединений (достигших стадии таможенного союза) международные договоры (торговые соглашения), так и классические инструменты международных организаций (заключение меморандумов). При этом предоставление статуса государств-наблюдателей третьим странами и деятельность на многосторонних площадках в одинаковой степени свойственны и тем, и другим. Все это еще раз указывает на динамичный этап развития (трансформацию из международной организации в интеграционное объединение) Евразийского экономического союза.

Рассмотрим упомянутые механизмы реализации правосубъектности Союза в практической плоскости.

§ 2.2. Особенности правового регулирования внешнеторговой деятельности ЕАЭС в контексте его правосубъектности.

Одной из основных целей Евразийского экономического союза является «всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики»[82]. Ее достижение связано с обеспечением полноценного, системного и экономически выгодного взаимодействия Евразийского союза и его государств-членов с третьими сторонами. Единый режим торговли товарами представляет собой один из ключевых принципов функционирования таможенного союза в рамках ЕАЭС[83].

Договор о ЕАЭС создал необходимый правовой базис для регулирования соответствующих вопросов: раздел IX «Внешнеторговая политика» формулирует ее основополагающие принципы, методы и инструменты. Так, в п. 3 ст. 33 отмечается, что «внешнеторговая политика реализуется через заключение Союзом самостоятельно либо совместно с государствами-членами в сферах, в которых органы Союза принимают обязательные для государств-членов решения, международных договоров с третьей стороной, участие в международных организациях либо автономное применение мер и механизмов внешнеторговой политики»[84]. Практический интерес для целей настоящего диссертационного исследования представляют первые два из представленных в приведенном пункте направления работы (то есть механизма реализации международной правосубъектности).

В соответствии со ст. 7 Договора о ЕАЭС решение о подписании международных договоров Союза, к которым следует относить и соглашения

---

[82] Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 18.02.2022).

[83] Европейское право. Отрасли права Европейского Союза и Евразийского экономического союза: учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. – М.,2021. – С. 78.

[84] Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 18.02.2022).

о свободной торговле, принимает Высший совет[85]. Для подписания также необходимо соблюдение определенных национальными законодательствами внутригосударственных процедур. В том случае, когда международные соглашения затрагивают как компетенцию государств-членов ЕАЭС, так и самого Союза, они подписываются от лица каждого из государств-членов ЕАЭС, а также от лица Союза в целом.

На сегодняшний день действуют четыре торговых соглашения ЕАЭС с третьими странами, три из которых предполагают создание зон свободной торговли, а именно:

1. Соглашение о свободной торговле с Вьетнамом (заключено 29 мая 2015 года, вступило в силу 5 октября 2016 года);

2. Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли с Ираном (заключено 17 мая 2018 года, вступило в силу 25 октября 2019 года);

3. Соглашение о свободной торговле с Сербией (подписано 25 октября 2019 года, вступило в силу 10 июля 2021 года).

Непреференциальный характер имеет Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китайской Народной Республикой (заключено 17 мая 2018 года, вступило в силу 25 октября 2019).

С учетом характера соглашений, а также дат их вступления в силу, более или менее объективную оценку имплементации представляется возможным дать только соглашению о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом.

В рамках соглашения о ЗСТ с Вьетнамом предусмотрено обоюдное снижение ставок ввозных таможенных пошлин, при этом сохранены некоторые элементы тарифной защиты по ряду наиболее чувствительных позиций (на такие товары, как, например, чай, кофе, некоторые товары легкой промышленности, консервированные огурцы, крахмал, растворимые напитки, трубы, автомобили,

[85] Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 18.02.2022).

ввозные таможенные пошлины ЕАЭС не подлежат снижению)[86]. В свою очередь, ввозные таможенные пошлины для экспортеров ЕАЭС были одномоментно обнулены более чем на 59% товарных позиций, в отношении еще 29% товаров такое обнуление постепенно происходит в течение переходного периода (5-10 лет). Таким образом ЕАЭС получил преференциальный доступ товаров в ключевых для собственных производителей промышленном и сельскохозяйственном секторах. Неохваченными при этом остаются порядка 12% товарной номенклатуры[87].

В соглашении о ЗСТ с Вьетнамом также установлены обязательства сторон по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, отражены такие направления кооперации, как содействие устойчивому развитию, электронная коммерция, государственные закупки, закреплены единые принципы защиты конкуренции. Документ повышает прозрачность применения правил торгового регулирования, предусмотрено тесное сотрудничество между таможенными службами и уполномоченными органами в сфере технического, санитарного и фитосанитарного регулирования, что урегулировано в дополнительном Протоколе о реализации обмена информацией[88]. Определенного внимания заслуживает так называемая «эволюционная оговорка», которая предусматривает в качестве обязательства сторон обеспечение пересмотра соглашения в случае возможных изменений в международных экономических отношениях в будущем, в том числе в рамках ВТО, а также в целях дальнейшего развития и углубления сотрудничества.

Согласно отчету, подготовленному в ЕЭК и рассмотренному Советом Комиссии, преимуществами режима свободной торговли ЕАЭС с Вьетнамом в Союзе воспользовались поставщики пшеницы, кукурузы, свинины, кокса,

---

[86] Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны. Подписано 29 мая 2015 года, вступило в силу 5 октября 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%92%d1%8c%d0%b5%d1%82%d0%bd%d0%b0%d0%bc/EAEU-VN_FTA.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

[87] Там же.

[88] Там же.

грузовых автомобилей, детского питания, а также некоторых видов пищевых и нефтепродуктов. Однако верхние строчки среди поставляемых во Вьетнам товаров заняли уголь и металлопродукция, не входящие в перечень договоренностей о снижении таможенных пошлин. Отмечена необходимость активизации взаимодействия с Вьетнамом в рамках ЗСТ. Правительства государств Союза запланировали изучение возможности увеличения объемов экспорта по товарным позициям, по которым с момента вступления соглашения в силу произошло снижение или обнуление ввозных таможенных пошлин[89].

Несмотря на неоднозначные тенденций реализации соглашения с Вьетнамом – экспорт за период его действия увеличился лишь на 9,9%, а импорт возрос на 64,1%[90] – именно данная ЗСТ стала пробой пера в договорном механизме реализации международной правосубъектности Союза и заложила первый камень в фундамент инфраструктуры взаимодействия ЕАЭС с растущим Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Особенностью Временного соглашения ЕАЭС с Ираном является снижение либо устранение контрагентами ввозных таможенных пошлин по несколько ограниченному товарному охвату – 55% от общего экспорта стран ЕАЭС (промышленные и сельскохозяйственные товары: металлы, косметика, некоторые виды электронного и механического оборудования, а также мясная и масложировая продукция, кондитерские изделия и другие) и 49% от общего объема товарных поставок Ирана в страны ЕАЭС (овощи, фрукты, сухофрукты, некоторые изделия из цветных металлов, строительные материалы, посуда, ковры и другие)[91].

---

[89] ЕАЭС изучит возможность активизации экспорта в рамках ЗСТ с Вьетнамом. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-izuchit-vozmozhnost-aktivizatsii-eksporta-v-ramkah-zst-s-vetnamom (дата обращения: 15.03.2022).

[90] Там же.

[91] Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны. Подписано 17 мая 2018 года, вступило в силу 27 октября 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Interim%20Agreement%20EAEU-Iran_final.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

Существенная роль Временного соглашения видится в повышении прозрачности и предсказуемости регулирования торговых отношений. Стороны взяли на себя дополнительные обязательства по обеспечению режимов наибольшего благоприятствования и национального режима в отношении всех групп товаров в двусторонней торговой корзине и организации транспарентного таможенного сотрудничества, установили ограничения на стоимость услуг по оформлению экспорта и импорта в целях недопущения создания косвенных барьеров в торговле, условились организовать полноформатный информационный обмен и не допускать злоупотребления со стороны привилегированных участников торговых отношений *(прим. – монополий и государственных компаний),* обеспечивать свободу транзита[92].

Важно отметить инструментарий торгово-экономического сотрудничества, заложенный в документе и реализованный в части создания двустороннего бизнес-диалога, ответственными агентами которого стали Деловой совет ЕАЭС и Иранская палата по торговле, промышленности, горному делу и сельскому хозяйству.

В настоящий момент ЕАЭС и Иран проводят работу по пролонгации Временного соглашения и ведут переговоры о создании полноценной зоны свободной торговли[93].

25 октября 2019 года в рамках заседания Евразийского межправительственного совета в Москве состоялось подписание Соглашения о свободной торговле ЕАЭС и его государств-членов, с одной стороны, и

---

[92] Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны. Подписано 17 мая 2018 года, вступило в силу 27 октября 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Interim%20Agreement%20EAEU-Iran_final.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

[93] ЕАЭС и Иран провели второй раунд переговоров по соглашению о свободной торговле. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-iran-proveli-vtoroy-raund-peregovorov-po-soglasheniyu-o-svobodnoy-torgovle (дата обращения: 21.03.2022).

Республики Сербии, с другой стороны. Данный документ гармонизировал правовое регулирование торговых отношений между Сербией и Беларусью, Казахстаном и Россией, с которыми уже ранее были подписаны двусторонние соглашения, а также создал необходимый базис для взаимодействия данной европейской страны с Арменией и Кыргызстаном. Таким образом, были установлены единые правила торговли в формате ЕАЭС-Сербия.

Соглашение обладает серьезным экономическим потенциалом для каждой из стран Союза с точки зрения специфики их промышленных и сельскохозяйственных секторов. В то же время на четких и понятных для контрагента условиях открыт огромный рынок ЕАЭС: предоставлена возможность беспошлинных поставок порядка 95,5% от всех товарных позиций. Посредством соглашения Сербия также получила потенциальный доступ к уже оформившим свои преференциальные режимы торговли с ЕАЭС растущим азиатским рынкам[94].

Стороны уделили серьезное внимание вопросам гармонизации технического регулирования и санитарных и фитосанитарных мер, что имеет серьезное значение для либерализации торговых процессов с учетом их специфики, а также созданию необходимых инструментов взаимного диалога по вопросам реализации соглашения и разрешения споров на основе современных тенденций[95].

Соглашение о ЗСТ с Сербией вступило в силу 10 июля 2021 года. В текущих геополитических реалиях документ имеет стратегическое значение для Евразийского союза.

В достаточной степени прогрессивным является пакетный подход к созданию так называемых «всеобъемлющих зон свободной торговли», начало реализации которого положено подписаниями Рамочного соглашения о всеобъемлющем

---

[94] Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербией, с другой стороны. Подписано 25 октября 2019 года, вступило в силу 10 июля 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%a1%d0%b5%d1%80%d0%b1%d0%b8%d1%8f/Agreement.pdf (дата обращения: 18.01.2022).

[95] Там же.

экономическом сотрудничестве[96] и Соглашения о свободной торговле[97], состоявшимся 1 октября 2019 года на площадке ВЕЭС между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой. Суть данного подхода заключается в охвате, помимо классической торговли товарами, сфер торговли услугами и инвестиций, координация полномасштабной работы при этом должна осуществляться на союзном уровне.

Относительно торговли товарами соглашение о ЗСТ с Сингапуром предусматривает беспошлинный доступ товаров из ЕАЭС на сингапурский рынок, а также содержит обязательства сингапурской стороны о неиспользовании в отношении них средств защиты внутреннего рынка в виде одностороннего повышения ставок ввозных таможенных пошлин (соответствующим правом Сингапур обладает в рамках его соглашений с ВТО). В отношении товарных позиций из Сингапура ЕАЭС взял на себя обязательства по одномоментному обнулению ввозных таможенных пошлин на 40% товарной номенклатуры, а также повышению преференциального охвата до 87% в рамках переходного периода (3-10 лет)[98].

Документ отражает взаимные обязательства относительно применения международных стандартов лицензирования, осуществления технического регулирования и применения санитарных и фитосанитарных мер, а также мер защиты внутреннего рынка, механизмов взимания обязательных сборов и платежей. Принимая во внимание высокотехнологичный характер экономики Сингапура и актуальность сотрудничества в сфере технологий, в периметр

---

[96] Рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Республикой Сингапур. Подписано 1 октября 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%a1%d0%b8%d0%bd%d0%b3%d0%b0%d0%bf%d1%83%d1%80/EAEU-Singapore%20Framework%20Agreement.pdf (дата обращения: 18.02.2022).

[97] Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны. Подписано 1 октября 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%a1%d0%b8%d0%bd%d0%b3%d0%b0%d0%bf%d1%83%d1%80/EAEU-Singapore%20FTA_Main%20Agreement.pdf (дата обращения: 18.02.2022).

[98] Там же.

соглашения также попали вопросы электронной торговли, интеллектуальной собственности, государственных закупок, экологии и обеспечения конкуренции[99].

Однако для начала реализации пакета соглашений с Сингапуром необходимо достижение договоренностей в части услуг и инвестиций, пока еще не входящих в компетенцию ЕАЭС, в ходе двусторонних переговоров стран ЕАЭС с данным партнером[100].

Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китайской Народной Республикой было заключено 17 мая 2018 года и вступило в силу 25 октября 2019 года. В его основе лежит идея сопряжения евразийской интеграции и китайской инициативы «Один пояс, один путь». Соответствующие установки были изложены в совместное заявление о сотрудничестве России и Китая по сопряжению строительства ЕАЭС и экономического пояса Шелкового пути[101].

Соглашение носит непреференциальный характер, то есть не предполагает отмены пошлин или автоматического снижения нетарифных барьеров, но в то же время созданы возможности системной работы для всех участников экономической жизни сторон, включая меры по упрощению процедур торговли и таможенного регулирования, сотрудничество в антимонопольной сфере, применение согласованных подходов по вопросам технического регулирования и СФС-мер, секторальное взаимодействие в области транспорта, инфраструктуры, финансов,

---

[99] Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны. Подписано 1 октября 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%a1%d0%b8%d0%bd%d0%b3%d0%b0%d0%bf%d1%83%d1%80/EAEU-Singapore%20FTA_Main%20Agreement.pdf (дата обращения: 18.02.2022).

[100] Лекция Председателя Коллегии ЕЭК М.В. Мясниковича в МГИМО МИД России «ЕАЭС: эффективность – ответы на вызовы и угрозы». // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/speech/lekciya-predsedatelya-kollegii-eek-mv-myasnikovicha-v-mgimo-mid-rossii-eaes-effektivnost--otvety-na-vyzovy-i-ugrozy (дата обращения: 23.03.2022)

[101] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 года. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 15.03.2022).

цифровизации[102].

Учреждена и активно работает Совместная комиссия по реализации соглашения. Реализуются конкретные двусторонние проекты, например, Евразийский агроэкспресс[103].

В рамках взаимодействия с КНР 6 июня 2019 года также было подписано отдельное Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики, которое вступило в силу 21 ноября 2020 года[104]. Документ направлен на создание юридически значимого информационного обмена между сторонами.

В 2021 году товарооборот стран ЕАЭС с Китаем достиг рекордных 166,5 млрд долл., что составляет 19,73% от всей внешней торговли Евразийского союза[105].

Сегодня в повестке Евразийского экономического союза находится целый ряд переговорных треков. На завершающем этапе переговоры о создании ЗСТ ЕАЭС и Египта – одной из наиболее развитых стран Африки. Продолжаются переговоры с Израилем. По словам Председателя Коллегии ЕЭК М.В. Мясниковича, большой

---

[102] Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами – членами, с одной стороны, и КНР, с другой стороны. Подписано 17 мая 2018 года, вступило в силу 25 октября 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20русский%20%28EAEU%20alternate%29%20final.pdf (дата обращения: 03.02.2022).

[103] Премьер-министры стран ЕАЭС одобрили реализацию совместного проекта «Евразийский агроэкспресс». // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/premer-ministry-stran-eaes-odobrili-realizatsiyu-sovmestnogo-proekta-evraziyskiy-agroekspress (дата обращения: 15.03.2022).

[104] Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики. Подписано 6 июня 2019 года, вступило в силу 21 ноября 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01522104/iatc_17062019 (дата обращения: 03.02.2022).

[105] По данным официальной статистики ЕЭК. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2021/12/E202112_2_1.pdf (дата обращения: 21.03.2022).

интерес для ЕАЭС представляет заключение соглашения о свободной торговле с Индией – это огромный, второй после КНР, рынок. Все необходимые решения приняты, содержательные переговоры планируется начать в 2022 году. По инициативе Объеденных Арабских Эмиратов в марте 2022 года Коллегией ЕЭК рассмотрен вопрос о создании совместной исследовательской группы (СИГ) по изучению перспектив заключения аналогичного соглашения с ОАЭ[106]. СИГ с Индонезией завершила свою работу в марте 2022 года, продолжает функционировать СИГ с Монголией.

Стратегия развития евразийской экономической интеграции до 2025 года четко закрепляет «дальнейшее формирование договорно-правовой базы Союза и его государств-членов с третьими странами и их интеграционными объединениями по вопросам формирования преференциальных торговых режимов, развития и всестороннего углубления торгово-экономического сотрудничества»[107]. Реализация данного пункта требует определенной «донастройки» правовой инфраструктуры Союза, включая как расширение и совершенствование инструментария международной правосубъектности, так и повышение роли Евразийской экономической комиссии. Это могло бы стать залогом успеха в продвижении внешнеэкономических интересов государств-членов ЕАЭС[108].

Как замечает О.И. Пименова, во многих сферах функционал Евразийской экономической комиссии сегодня сводится к предоставлению площадки

---

[106] Лекция Председателя Коллегии ЕЭК М.В. Мясниковича в МГИМО МИД России «ЕАЭС: эффективность – ответы на вызовы и угрозы». // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/speech/lekciya-predsedatelya-kollegii-eek-mv-myasnikovicha-v-mgimo-mid-rossii-eaes-effektivnost--otvety-na-vyzovy-i-ugrozy (дата обращения: 23.03.2022)

[107] Стратегические направления развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года. Утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета №12 от 11 декабря 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения: 18.12.2021

[108] Турланов Д.А., Турланова И.М. Международно-правовые аспекты внешнеторговой политики Евразийского экономического союза. // Московский журнал международного права. – 2021. №3. С. 63-76.

для переговорного процесса государств-членов[109]. Это утверждение резонно, государства-члены зачастую воспринимают евразийскую интеграцию в большей степени прагматично, чем стратегически, предпочитая принимать решения «по нижней планке», но здесь и сейчас, чем руководствоваться более глобальными целями. Такая парадигма характерна и для внешнеторговой сферы.

Например, согласно п.1 ст.2 Соглашения о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями, «наднациональная часть» ЕЭК (Коллегия Комиссии) не является субъектом инициативы о заключении международного договора[110]. Полагаем, что эта норма должна подвергнуться корректировке. Рассматривая Комиссию в качестве основного «драйвера» перспективной повестки Союза и говоря о необходимости повышения ее организационной роли, на что, в частности, обращал внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин[111], можно было бы передать ей функционал по инициативной разработке первичного текста соответствующего международного договора, во взаимодействии с заинтересованной третьей стороной и при участии стран ЕАЭС. Такой подход способствовал бы как повышению эффективности деятельности Комиссии, так и росту ответственности членов Коллегии (министров) и должностных лиц ЕЭК, что прямо предусмотрено направлением 9 «Обеспечение максимально действенной институциональной системы Союза, гарантирующей выполнение принятых договоренностей»

---

[109] Пименова О.И. Правовая интеграция в Европейском союзе и в Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ. // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14. №1. – С. 76-93.

[110] Соглашение о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями. Подписано 14 мая 2018 года, вступило в силу 16 декабря 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417799/itia_16052018 (дата обращения: 18.12.2021).

[111] Выступление Президента России В.В. Путина на заседании Высшего Евразийского экономического совета 19 мая 2020 года. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/63367 (дата обращения: 18.07.2021).

Стратегии-2025[112].

Ввиду политических особенностей процесса создания, формально жесткого экономического целеполагания и актуального этапа своего развития, ЕАЭС пока еще не накладывает на входящие в него страны прямые ограничения в отношении свободы осуществления внешнеэкономической деятельности[113]. Государства-члены нередко предпочитают ориентироваться на самостоятельное выстраивание торговых отношений с внешними партнерами, воспринимая участие в евразийской интеграции не как существенную возможность по наращиванию собственного экспортно-промышленного потенциала, а лишь как один из векторов внешнеторговой политики[114]. Таким образом, приведенный нами ранее в текущей главе тезис о формальной невозможности заключения международных соглашений государствами-членами с третьими сторонами без участия органов ЕАЭС в тех сферах, регулирование которых передано на уровень Евразийского экономического союза, имеет некоторые особенности при реализации и зачастую преодолевается отдельными странами путем заключения всеобъемлющих соглашений.

Показательным в этом отношении может служить Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Европейским союзом и Европейским сообществом по атомной энергии и их государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Армения, с другой стороны. Соглашение было подписано 24 ноября 2017 года, то есть тогда, когда Армения уже более чем два

---

[112] Стратегические направления развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года. Утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета №12 от 11 декабря 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения: 18.12.2021).

[113] Войников В.В., Энтина Е.Г., Энтин М.Л. Перспективы, потребности и подводные камни конституциализации ЕС и ЕАЭС. // Полис. Политические исследования. – 2019. – №4. – С. 89-103.

[114] Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл., к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апр. 2019 г. / Т. В. Бордачев, К. О. Вишневский, М. К. Глазатова и др.; отв. ред. Т. А. Мешкова. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2019. – С. 97.

года была членом ЕАЭС, и вступило в силу 1 марта 2021 года[115]. Документ создает правовую базу для углубления политического и экономического сотрудничества между Арменией и ЕС и либерализации торговли (чему посвящена существенная его часть – раздел 6 «Торговля и связанные с ней вопросы»), в том числе на основе сближения ее национального законодательства с правом ЕС. Удивляет, что в соглашении нет даже упоминания о Евразийском экономическом союзе, в то время как ссылка на договоры в рамках ЕС содержится в преамбуле. Кроме того, весьма странно говорить о сближении национального законодательства Армении с правом ЕС и использовании его лучших практик, например, в торговле товарами или в таможенной сфере[116], регулирование которых передано на наднациональный уровень.

Аналогичный пример – Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Казахстан, с другой стороны, подписанное 21 декабря 2015 года и вступившее в силу 1 марта 2020 года[117]. Здесь имеют место все те же проблемы: ссылка в преамбуле соглашения на способствование «взаимному пониманию и сближению своего законодательства и нормативной правовой базы для дальнейшего укрепления взаимовыгодных связей и устойчивого развития»[118], а также весьма подробная регламентация соответствующих вопросов в наднациональных для ЕАЭС сферах торговли товарами, таможенного и технического регулирования, а также в таких важных для дальнейшей интеграции областях, как государственные закупки, режимы инвестиций, промышленность,

---

[115] Comprehensive and enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part. Signed on 24 November 2017, entered into force on 1 March 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22018A0126(01)&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

[116] См., например: ст. 117, ст. 123 Соглашения.

[117] Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Kazakhstan, of the other part. Signed on 21 December 2015, entered into force on 1 March 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22016A0204(01)&from=EN (дата обращения: 08.05.2022).

[118] Там же.

малые и средние предприятия, энергетика, транспорт и другие. И все это в рамках действующего членства Казахстана в ЕАЭС, где он занимает одну из лидирующих позиций.

Какие выводы можно сделать?

Во-первых, заключение подобных соглашений инкорпорирует своеобразный «иностранный элемент» в правоотношения внутри Союза, закладывая тем самым «мину замедленного действия». Ведь право ЕС находится в постоянной динамике, следовательно, Армения и Казахстан будет вынуждены подстраиваться под все новое нормативное регулирование, не имея возможности повлиять на него. В один момент коллизия норм права ЕАЭС и ЕС просто неминуема. В заложниках оказываются и другие государства-члены ЕАЭС, стремящиеся к созданию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, а также формированию соответствующей внешнеторговой политики в соответствии с Договором о ЕАЭС.

Во-вторых, определенный дисбаланс происходит в правовой системе Евразийского союза, не предусматривающей подобные соглашения в иерархии своих правовых норм как таковые.

В-третьих, речь может идти не только о правовых, но и о конкретных измеряемых негативных экономических эффектах. Особую актуальность рассматриваемый вопрос приобретает в контексте санкционного давления ЕС на Российскую Федерацию и Республику Беларусь в 2022 году.

Наконец, в-четвертых, о каком будущем расширении и углублении интеграции в ЕАЭС по новым, представляющим интерес и перспективы сферам может в такой ситуации идти речь? Вопрос риторический. Даже в том случае, если иные государства-члены Союза окажутся в какой-то момент готовы расширить его наднациональную компетенцию, это будет всегда противоречить уже принятым обязательствам Армении и Казахстана перед ЕС. Таким образом, соответствующие инициативы в рамках Евразийского союза будут априори блокироваться.

Описанная ситуация является результатом, при чем не единственным[119], определенной фрагментарности правового регулирования в ЕАЭС и демонстрирует прямую взаимосвязь внешнего и внутреннего правовых контуров. Полагаем, что в целях ее исправления на первом этапе следовало бы предусмотреть введение обязательной нотификации двусторонних соглашений государств ЕАЭС с третьими странами в Евразийской экономической комиссии[120], а также закрепление за ЕЭК полномочий по подготовке ежегодных отчетов о соответствии данных документов Договору о ЕАЭС и праву Евразийского экономического союза в целом. Рассмотрение таких отчетов целесообразно проводить в рамках заседаний Коллегии ЕЭК, принимая решение об утверждении путем голосования квалифицированным большинством, дабы исключить возможность его блокирования заинтересованной стороной в тех органах Союза, где решения принимаются консенсусом. Данное предложение можно было бы реализовать в формате пилотного проекта на основе решения Высшего Евразийского экономического совета.

На втором этапе оптимальным решением было бы включить в Договор о ЕАЭС поправки, согласно которым в случае несоответствия положений соглашений государств-членов с третьими странами, заключаемых самостоятельно, положениям, установленным Договором о ЕАЭС и правом Союза в целом, применению подлежат именно последние. Полномочия по принятию окончательного решения рационально передать Суду Союза, а рассмотрение

---

[119] Еще одним актуальным примером являются консультации, проведенные Первым заместителем главы Администрации Президента Республики Казахстан Т. Сулейменовым и Специальный представителем Президента по международному сотрудничеству Е. Казыханом в Еврокомиссии в конце марта 2022 года. По их итогам были даны весьма противоречивые комментарии относительно намерения Казахстана соблюдать санкции ЕС в адрес России и Беларуси, что может вступить в противоречия с обязательствами страны в рамках Евразийского экономического союза. См. подробнее: Kazakh official: We will not risk being placed in the same basket as Russia. // Euractiv. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.euractiv.com/section/central-asia/interview/kazakh-official-we-will-not-risk-being-placed-in-the-same-basket-as-russia (дата обращения: 31.03.2022).

[120] Мясникович М.В., Ковалёв В.С. Практические результаты и новые горизонты евразийской интеграции. // Международная жизнь. – 2021. – № 11. – С. 4-15.

проводить на основании заявления Комиссии[121] по итогам принятия Коллегией ЕЭК вышепредложенного отчета. Суд ЕАЭС в данном случае следует наделить полномочиями судебного контроля в отношении не только Договоров ЕАЭС с третьей стороной, как это предлагает, например, судья Суда Союза Д.Г. Колос[122], но и применительно к соответствующим соглашениям государств-членов Союза с третьей стороной в том случае, если они затрагивают вопросы наднациональной компетенции. Это помогло бы снять коллизии между нормами национального, наднационального и международного права, придать надлежащую однозначность и единство правовой системе ЕАЭС. Воздерживаясь от каких-либо действий по регулированию своих экономических связей с третьими странами в индивидуальном порядке, все участники интеграционного проекта получат вытекающие из этого преимущества, включая укрепление внутреннего рынка.

Для должной реализации предлагаемых новаций требуется и соответствующий им содержательный компонент: Союз должен что-то предложить своим государствам-членам взамен ограничения их свободы действий. На сегодняшний день в ЕАЭС значимые вопросы внешнеторговой политики проходят долгое согласование, зачастую утопая в межгосударственной бюрократии и теряя свою актуальность. Как следствие – упущенное время, отсутствие единообразия в подходах и синергии внутрисоюзной и международной повесток. Механизмы реализации международной правосубъектности должны стать реальным средством продвижения «евразийских приоритетов».

Несмотря на упомянутое отсутствие наднациональной компетенции ЕАЭС в сфере внешней торговли услугами, что признается экспертами как существенный барьер для развития интеграции[123], Стратегия-2025 предполагает возможность

---

[121] В данном случае нами презюмируется наделение Комиссии в обозримом будущем правом обращаться в Суд ЕАЭС.

[122] Колос Д. Г. Оспаривание международных договоров в Суде Евразийского экономического союза: теоретический анализ. // Правоведение. – 2019. Т. 63. № 3. – С. 412-428.

[123] Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл., к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апр. 2019 г. / Т. В. Бордачев,

«привлечения Комиссии по инициативе заинтересованных государств-членов к их переговорам с иностранным государством (союзом государств) по торговле услугами и режиму инвестиций с целью содействия координации государств-членов в рамках ст. 38 Договора»[124]. Реализация данного пункта могла бы заключаться в инициативной разработке ЕЭК модельных рекомендаций (по сути, инструментов мягкого права), охватывающих ряд универсальных установок для включения в проекты обсуждаемых странами ЕАЭС соглашений в этой сфере в интересах всего Союза. Такой документ хоть и не является юридически обязательным, однако компетенция по его изданию прямо предусмотрена п. 13 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением №1 к Договору о ЕАЭС[125]. Коллегия Комиссии уже принимала схожие акты, например, в сферах транспорта и инфраструктуры, технического регулирования, трудовой миграции и других[126]. Представляется возможным отнести предлагаемые документы к опосредованным механизмам реализации международной правосубъектности. Практика применения мягкого права в этих целях могла бы найти свое более масштабное применение и в ЕАЭС в целом.

Полагаем, что Евразийскому союзу необходимо предложить собственное

К. О. Вишневский, М. К. Глазатова и др.; отв. ред. Т. А. Мешкова. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2019. – С. 98.

[124] Стратегические направления развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года. Утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета №12 от 11 декабря 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения: 18.12.2021).

[125] Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 18.02.2022).

[126] См., например: Рекомендация Коллегии ЕЭК №34 «О развитии мультимодальных и транзитных перевозок в рамках Евразийского экономического союза». Принята 29 декабря 2020 года, опубликована 31 декабря 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428313/err_31122020_34 (дата обращения: 18.07.2021); Рекомендация Коллегии ЕЭК №7 «О Методических рекомендациях по разработке программ государств-членов Евразийского экономического союза в области защиты прав потребителей». Принята 1 марта 2021 года, опубликована 9 марта 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428716/err_09032021_7 (дата обращения: 18.07.2021).

видение и в отношении климатической повестки, которое затем продвигать, задействуя механизмы международной правосубъектности ЕАЭС, а именно включая соответствующие положения в проекты торговых и торгово-экономических соглашений.

Базовые решения уже приняты на высшем уровне. 14 октября 2021 года Главы государств Евразийского союза утвердили совместное заявление об экономическом сотрудничестве государств-членов ЕАЭС в рамках климатической повестки[127]. А в соответствии с Распоряжение ЕМПС учреждена рабочая группа высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств-членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки[128]. Это демонстрирует принципиальную готовность стран Евразийского союза к последующей совместной работе.

Необходимо выработать консолидированный подход к совершенствованию права Союза, имея в виду последующее включение вопросов «зеленой повестки» в компетенцию ЕАЭС и наделение Комиссии соответствующими полномочиями. Это непростой вопрос, он требует четкого следования стратегии действий[129].

Начнем с того, что Комиссией уже подготовлен и опубликован доклад «О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов «зеленой» экономики и концептуальных подходах в Евразийском экономическом

---

[127] Заявление об экономическом сотрудничестве государств-членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/966/Zayavlenie-ramka-.pdf (дата обращения: 16.02.2021).

[128] Распоряжение Коллегии ЕЭК № 150 «О рабочей группе высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств – членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки». Принято 28 сентября 2021 года, опубликовано 30 сентября 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01430200/err_30092021_150 (дата обращения: 21.01.2022).

[129] Ковалёв В. С. Устойчивое развитие и климатическая повестка как инструменты укрепления интеграции в ЕАЭС. // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 11(162). – С. 36-39.

союзе»[130], а также ведется разработка Концепции по внедрению принципов «зеленой» экономики в ЕАЭС и Дорожной карты климатической повестки Союза[131].

Следующий шаг – договориться о разделении зон ответственности между государствами-членами и Евразийским союзом, а именно:

1. Не допустить искажения конкуренции на внутреннем рынке ЕАЭС ввиду негармонизированной регуляторики. Площадку Евразийского союза следует использовать для координации подходов с учетом сохранения национальной компетенции и одновременного соблюдения Договора о ЕАЭС при ее реализации. А также для экспертной работы по выработке нетривиальных решений с учетом международного опыта. То есть повысить доверие стран Союза к друг другу и Комиссии, уйти от чрезмерного национального протекционизма к немного позабытому «чувству локтя».

2. Дать ЕАЭС возможность реализовать свой потенциал как международной организации и предоставить ему (в лице Евразийской экономической комиссии) полномочия по представлению скоординированной позиции государств-членов ЕАЭС в климатической сфере при осуществлении международного взаимодействия, в том числе в рамках переговоров с третьими сторонами по заключению новых соглашений[132].

Целенаправленное наращивание числа, повышение качества и диверсификация внешних торгово-экономических соглашений с максимально

---

[130] Аналитический доклад «О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов «зеленой» экономики и концептуальных подходах в Евразийском экономическом союзе». // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/939/Doklad_Zelenaya_ekonomika_PDF_sayt.pdf (дата обращения: 23.03.202

[131] Лекция Председателя Коллегии ЕЭК М.В. Мясниковича в МГИМО МИД России «ЕАЭС: эффективность – ответы на вызовы и угрозы». // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/speech/lekciya-predsedatelya-kollegii-eek-mv-myasnikovicha-v-mgimo-mid-rossii-eaes-effektivnost--otvety-na-vyzovy-i-ugrozy (дата обращения: 23.03.2022).

[132] Ковалёв В. С. Устойчивое развитие и климатическая повестка как инструменты укрепления интеграции в ЕАЭС. // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 11(162). – С. 36-39.

широким кругом третьих стран, безусловно, является залогом дальнейшего поступательного развития ЕАЭС.

§ 2.3. Особенности правового регулирования иной международной деятельности ЕАЭС в контексте его правосубъектности.

Как было отмечено в § 2.1, Евразийская экономическая комиссия уполномочена подписывать с третьими сторонами документы о сотрудничестве (меморандумы и другие), не являющиеся международными договорами, что закреплено в п. 10 Порядка осуществления Евразийским экономическим союзом международной деятельности[133]. От лица Комиссии такие документы может подписывать Председатель или член Коллегии Комиссии, после рассмотрения текста меморандума с участием государств-членов Коллегией ЕЭК и предоставления ее соответствующим актом полномочий на подписание. Это еще один инструмент реализации международной правосубъектности Евразийского союза.

С точки зрения содержания представленные документы носят рамочный характер, создавая тем самым правовую инфраструктуры для дальнейшего взаимодействия, определяют основные сферы сотрудничества на основе компетенции сторон, в некоторых случаях предусматривают создание совместных рабочих групп и подготовку развернутых планов мероприятий по их реализации.

На текущий момент Комиссией заключены 26 меморандумов/деклараций о сотрудничестве/взаимопонимании с правительствами, министерствами и ведомствами третьих стран, 12 меморандумов (и иных документов в форме, например, программы сотрудничества, декларации о партнерстве) с региональными интеграционными и межгосударственными объединениями, а также 44 меморандума (и иных документов) с международными организациями[134].

---

[133] Порядок осуществления Евразийским экономическим союзом международной деятельности. Утвержден Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года №99. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635551006672796548.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

[134] См., например: Основные направление международной деятельности ЕАЭС на 2022 год. Утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 10 декабря 2021 года №20. [Электронный ресурс]. – Режим

Как также отмечалось нами выше, ст. 109 Договора о ЕАЭС предусмотрен институт государства-наблюдателя при Союзе, который конкретизируется Положением о статусе государства-наблюдателя при ЕАЭС, утвержденным решением ВЕЭС от 14 мая 2018 г. № 8 (с изменениями, внесёнными решением ВЕЭС от 10.12.2021 № 21). В рамках взаимодействия с заинтересованной в получении статуса государства-наблюдателя стороной, а также в ходе работы с уже получившим такой статус государством реализуется международная правосубъектность ЕАЭС.

Соответствующий статус был предоставлен на основании решений Высшего Евразийского экономического совета Республике Молдова[135] (14 мая 2018 года), Республике Куба[136] (11 декабря 2020 года) и Республике Узбекистан[137] (11 декабря 2020 года). Стоит обратить внимание на то, что данные государства приобрели соответствующий статус в рамках процедуры, основанной на предыдущей редакции Положения о статусе государства-наблюдателя при ЕАЭС, что предполагало своего рода упрощенный порядок его предоставления и

доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01431074/err_21012022_20 (дата обращения: 18.03.2022); Раздел «Международное сотрудничество» официального сайта Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo (дата обращения: 18.12.2021).

[135] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 14 мая 2018 года №9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01217708/scd_16052018_9_doc.pdf (дата обращения: 18.12.2021).

Необходимо обратить внимание на то, что после смены политической власти в Республике Молдова в 2020 году новое руководство страны публично высказывало сомнение в корректности проведенных внутригосударственных процедур, необходимых для получения статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС. См., например: Санду: законность получения Молдавией статуса наблюдателя в ЕАЭС необходимо уточнить. // Информационное агентство ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10129755 (дата обращения: 18.12.2021); МИД Молдавии: статус страны в ЕАЭС как наблюдателя был неправильно юридически оформлен. // Информационное агентство ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12949287 (дата обращения: 18.12.2021).

[136] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года №13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428322/err_12012021_13 (дата обращения: 18.12.2021).

[137] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года №14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428324/err_12012021_14 дата обращения: 18.12.2021).

фактически не учитывало содержательное участие в этом процессе ЕЭК.

В сегодняшних правовых реалиях[138] ситуация существенно изменилась. Так, заинтересованное в получении такого статуса государство первоначально обращается к Председателю Коллегии ЕЭК с просьбой о проведении консультаций и выражает готовность соблюдать положения ст. 109 Договора о ЕАЭС, а также руководствоваться вышеупомянутым Положением. Комиссия, в свою очередь, уполномочена на проведение предварительного анализа экономической целесообразности предоставления статуса государства-наблюдателя, по итогам проведения которого организует консультации с государствами-членами ЕАЭС. В дальнейшем именно Комиссия уведомляет заинтересованную страну о результатах консультаций. Только после проведения необходимых процедур и наличия положительного заключения заинтересованное государство может направить по дипломатическим каналам на имя Председателя Высшего совета письменное обращение с просьбой о предоставлении ему статуса государства-наблюдателя при Союзе. Поступившее обращение рассматривается по существу в органах ЕАЭС (Коллегия Комиссии, Совет ЕЭК, ВЕЭС). Таким образом, именно ЕЭК на сегодняшний день играет ключевую роль в процессе предоставления данного статуса, оставляя на уровне органов межнационального сотрудничества исключительно вопрос принятия политического решения.

Следует отметить, что статус государства-наблюдателя при ЕАЭС наделяет его обладателя рядом полномочий. Так, предполагается назначение должностного лица (представителя), на постоянной основе уполномоченного на регулярное взаимодействие с Комиссией и ее органами, с возможностью формирования его аппарата. Представитель, сотрудники его аппарата и другие представители государства-наблюдателя вправе участвовать по приглашению в заседаниях консультативных органов при Комиссии, а также в заседаниях Коллегии Комиссии и Совета Комиссии без права голоса, получать необходимые документы и

---

[138] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 10 декабря 2021 № 21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01231077/err_21012022_21_doc.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

информацию, не являющиеся ограниченными к распространению. Главы государства и правительства государства-наблюдателя могут присутствовать по приглашению на заседаниях Высшего совета и Евразийского межправительственного совета в соответствии с порядками организации проведения указанных заседаний[139].

Ярким примером эффективного взаимодействия ЕАЭС с государством-наблюдателем можно назвать работу с Республикой Узбекистан, проявившей инициативу о более глубоком участии в деятельности Евразийского союза по ряду направлений (вопросы климатической повестки, цифровизация грузовых железнодорожных перевозок, электронная торговля, реализация проекта ускоренных железнодорожных перевозок сельскохозяйственной продукции «Евразийский агроэкспресс»)[140].

Отдельного внимания заслуживает юридически значимое взаимодействие Евразийского союза с международными организациями, в чем достаточно полно находит свою реализацию международная правосубъектность интеграционных объединений. Речь, в первую очередь, идет о получении самостоятельного статуса в таких организациях. Целью получения такого статуса должно стать не абстрактное международное позиционирование и обмен опытом (что свойственно для классических международных организаций), а конкретное продвижение интересов и инициатив Союза на многосторонних международных площадках. На сегодняшний день это направление реализации международной правосубъектности ЕАЭС находится в активной проработке.

Государства-члены ЕАЭС руководствуются нормами и правилами ВТО

---

[139] Положение о статусе государства – наблюдателя при Евразийском экономическом союзе. Утверждено Решением Высшего Евразийского экономического совета от 14 мая 2018 года №9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417792/scd_16052018 (дата обращения: 18.03.2022).

[140] Межправсовет поддержал участие Узбекистана в работе по отдельным проектам ЕАЭС. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/mezhpravsovet-podderzhal-uchastie-uzbekistana-v-rabote-po-otdelnym-proektam-eaes (дата обращения: 17.03.2022).

в рамках осуществления внешнеторговой деятельности, о чем говорится еще в преамбуле Договора о ЕАЭС[141]. Активизация сотрудничества с ВТО нашла отражение в Стратегии-2025 (п. 11.7.6), что предусматривает «получение Союзом статуса наблюдателя в отдельных органах ВТО по перечню, утверждённому Советом Комиссии»[142]. Процедура приобретения такого статуса со стороны ВТО регламентирована в Приложении №3 к Правилам процедуры Генерального совета ВТО (WT/L/161)[143]. Считаем принципиально важным впоследствии закрепить за Комиссией возможность представлять единую позицию Союза по вопросам наднациональной внешнеторговой повестки в тех органах организации, где будет приобретён статус наблюдателя.

В то же время существенно осложняет данную работу принятое рядом членов ВТО в одностороннем порядке заявление в отношении Республики Беларусь (принято заявление о прекращении рассмотрения заявки о присоединении к ВТО) и в отношении Российской Федерации (принято заявление о лишении ее режима наибольшего благоприятствования в торговле)[144].

Однако названные причины не являются сдерживающими в контексте предоставления Комиссии соответствующих полномочий, ведь реализовать их возможно и в рамках многосторонних торговых переговоров о создании новой международной торговой системы, что в полной мере укладывается в логику складывающейся международной ситуации и является еще более ценным.

---

[141] Подробнее о соотношении правовых режимов ВТО и ЕАЭС см., например: Боклан Д.С. Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 223-236.

[142] Стратегические направления развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года. Утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета №12 от 11 декабря 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения: 18.12.2021).

[143] Rules of Procedure for Sessions of the Ministerial Conference and Meetings of the General Council. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/L/161.pdf (дата обращения: 11.01.2022).

[144] Joint Statement on Aggression by the Russian Federation against Ukraine with the Support of the Republic of Belarus. WT/GC/244 15 March 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/244.pdf (дата обращения: 18.04.2022).

В отношении последнего нами сформулированы ряд предложений в четвертой главе диссертации.

Отдельное внимание в Стратегии-2025 (п. 11.7.5) и в практической работе ЕЭК уделяется проработке совместно с государствами-членами действий, направленных на приобретение Евразийским союзом статуса члена Всемирной таможенной организации. Это обусловлено передачей, в соответствии с Договором о Союзе, значительного массива правового регулирования таможенной сферы на наднациональный уровень в ЕАЭС. 29 марта 2022 года Коллегия ЕЭК приняла распоряжение о создании рабочей группы по взаимодействию с ВТамО[145].

Представленным направлениям деятельности по проработке соответствующего инструментария реализации международной правосубъектности Союза уделяется внимание и на национальном уровне в странах ЕАЭС. Например, подпунктом 8 п. 2 Постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 23 июня 2021 года №427-СФ предусматривается рекомендовать Правительству Российской Федерации «содействовать получению ЕАЭС статуса наблюдателя в органах Всемирной торговой организации и статуса члена Всемирной таможенной организации, а также присоединению к основополагающим документам этих организаций»[146].

В части взаимодействия с Организацией Объединенных Наций приоритетом для Евразийского союза является приобретение статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН (п. 11.7.1 Стратегии-2025). Проводится координация с внешнеполитическими ведомствами стран Союза в целях принятия

---

[145] ЕЭК создала рабочую группу по взаимодействию со Всемирной таможенной организацией. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/eek-sozdala-rabochuyu-gruppu-po-vzaimodeystviyu-so-vsemirnoy-tamozhennoy-organizatsiey (дата обращения: 30.03.2022).

[146] Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 23 июня 2021 года №427-СФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://council.gov.ru/media/documents/pdf/1lnocTF5Nwf0QFlBeZOZpD6AFpLfzAbk.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

соответствующей резолюции ГА ООН[147].

На сегодняшний день сотрудничество ЕАЭС с ООН осуществляется, в первую очередь, по проблематике устойчивого развития, а также в рамках обмена лучшими интеграционными практиками с другими интеграционными объединениями на ее площадке. Договором о ЕАЭС и основополагающими документами, составляющими право Союза, охвачены все 17 Целей устойчивого развития и 108 из 169 их ключевых задач. Такое положение дел позволяет учитывать идейное содержание Повестки в области устойчивого развития[148] по всем направлениям деятельности Союза[149]. Значительным представляется организационно-методологический вклад ЕАЭС в содействие достижению ЦУР как в своем регионе, так и на глобальном уровне. Евразийский союз стал первым среди организаций региональной экономической интеграции, проанализировавшим, на каком уровне в нем находится выполнение Целей в области устойчивого развития. Комплексный доклад «Показатели достижения ЦУР ООН в регионе ЕАЭС» был подготовлен Комиссией, а затем представлен на Политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию в Нью-Йорке в 2017 году. По итогам проведенной работы ЕЭК инициировала разработку методологии оценки достижения ЦУР в Евразийском союзе. Предложенная модель является принципиально новой и учитывает наднациональные меры, что позволяет посмотреть на достижение ЦУР в «интеграционном разрезе»[150].

Вопросы климата, охраны окружающей среды и «зеленой» трансформации экономики представляют собой одну из ключевых сфер Повестки в области

---

[147] Стратегические направления развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года. Утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета №12 от 11 декабря 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения: 18.12.2021).

[148] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 года. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1 (дата обращения: 06.10.2021).

[149] См. подробнее: Ковалёв В.С. Устойчивое развитие и климатическая повестка как инструменты укрепления интеграции в ЕАЭС. // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 11(162). – С. 36-39.

[150] Там же.

устойчивого развития ООН, достаточно конкретно регламентированную на международном уровне. Важнейшее значение в данной сфере принадлежит Рамочной конвенция ООН об изменении климата и Парижскому соглашению. Сторонами данных документов выступают все государства-члены Евразийского экономического союза. В этой связи представляется целесообразной проработка вопроса приобретения ЕАЭС статуса наблюдателя Рамочной конвенции ООН об изменении климата. В соответствии с параграфом 6 ст. 7 РКИК, получение такого статуса предоставляет возможность принимать участие в Конференции сторон Конвенции, что в совокупности с предложенным выше закреплением за ЕЭК полномочий по представлению скоординированной позиции государств-членов ЕАЭС в климатической сфере создаст дополнительные условия для продвижения позиций Евразийского союза в мире[151] и развития собственных евразийских подходов к регулированию соответствующих вопросов внутри Союза.

Отдельно отметим тесное взаимодействие ЕЭК с региональными комиссиями и структурами системы ООН, среди которых ЕЭК ООН, ЭСКАТО ООН, ЭКЛАК ООН и другие[152]. Стоит при этом сказать, что такое взаимодействие ведется, в основном, в формате обмена информацией и организации совместных мероприятий, что не предполагает использования какого-либо продвинутого инструментария реализации международной правосубъектности.

Таким образом, на текущем этапе развития в ЕАЭС механизмы реализации международной правосубъектности уже предусматривают совместное регулирование внешнеэкономических отношений с третьими сторонами на основе собственного волеизъявления Союза. Это можно назвать фактором трансформации ЕАЭС из международной (межправительственной) организации

---

[151] Ковалёв В.С. Устойчивое развитие и климатическая повестка как инструменты укрепления интеграции в ЕАЭС. // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 11(162). – С. 36-39.

[152] См. подробнее: Иванов Д.В. Левина М.М. Международно-правовое сотрудничество Евразийского экономического союза с региональными комиссиями ООН: современный этап. // Московский журнал международного прав. – 2020. – №2. – С. 22-39.

в интеграционное объединение. Промежуточный характер такой трансформации характеризуется тем, что, во-первых, волеизъявление все еще ограничено весьма узкими полномочиями Союза в международной сфере, а также, во-вторых, реализуется параллельно с волеизъявлением его государств-членов (например, стороной внешнеторговых соглашений Союза являются и его государства-члены, страны Союза самостоятельно заключают соглашения, регулирующие вопросы торговли услугами и режима инвестиций, а также всеобъемлющие соглашения).

Дальнейшее развитие Евразийского экономического союза должно быть связано с углублением и укоренением наднациональных начал в его деятельности как на внешнем, так и на внутреннем контуре. Это позволит Евразийскому союзу выйти на новый организационно-правовой уровень, а именно завершить трансформацию из международной организации в интеграционное объединение, что укрепит Союз как снаружи, так и изнутри. Реальное положение дел затем может быть закреплено формально путем внесения изменений в ст. 1 Договора о ЕАЭС.

Полезным в этом плане может быть интеграционный опыт иных объединений, в первую очередь, Европейского союза. Рассмотрим данные вопросы в третьей главе диссертации.

Глава 3. Международная правосубъектность Европейского союза как интеграционного объединения: опыт и современное состояние.

Европейские сообщества (Европейское объединение угля и стали, Европейское экономические сообщество и Европейское сообщество по атомной энергии), ряд из которых являются предшественниками Европейского союза, были созданы путем подписания учредительных договоров в 1951 и 1957 годах как классические международные (межправительственные) организации на основании норм международного права.

Однако постепенно, в результате трансформации целей и задач, возложенных на них государствами-членами, произошло обособление данных организаций как от международного, так и от национального правовых порядков, следствием чего стала их существенная автономизация и формирование собственной правовой системы[153]. Право ЕС обрело истинное верховенство и прямое действие на территории объединения[154].

На практике происходило наделение сообществ дополнительными широкими полномочиями, по своей сути сравнимыми с теми, которые присущи отдельным государствам. В некоторых случаях ряд сугубо национальных прерогатив и предметов ведения передавались непосредственно на европейский уровень, образуя так называемую «исключительную компетенцию». Соответствующие нормы учредительных договоров расширялись и дополнялись путем их толкования Судом ЕС. Одновременно происходила перестройка институциональной и управленческой систем, обрастание атрибутами (например, институт «европейского гражданства»), работа на внешнем контуре становилась все более активной и самостоятельной. Все эти процессы сопровождались поэтапной и

---

[153] Klamert M. The Autonomy of the EU (and of EU Law): Through the Kaleidoscope. // European Law Review. – 2017. – Vol. 42. №. 6. – Pp. 815-830.

[154] Калиниченко П.А. Принципы прямого действия и верховенства в праве ЕС. // Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая: Коллективная монография к 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / Под общей редакцией В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – М.,2021. – С. 356-374.

неукоснительной кодификацией, по сути, конституционализацией[155].

Как достаточно емко сформулировал в своей докторской диссертации С.Ю. Безбородов, «в чистом виде интеграция в международном праве – это «дитя» особых международных организаций, ушедших от методов координации в сторону субординации и интеграции. Это организации с особой наднациональной правовой природой, придающей им некую гибридность»[156]. Именно такую трансформацию и прошел Евросоюз.

На сегодняшний день ЕС, правовой каркас которого был определен Лиссабонским договором, является организацией *sui generis*[157], то есть интеграционным объединением – особой конструкцией, описанной нами с теоретической точки зрения в первой главе диссертационного исследования.

Европейский союз продолжает свое развитие, преодолевая многочисленные трудности и ставя перед собой задачу углубления интеграции и институциональной трансформации в целях сохранения интеграционного объединения и, в целом, самой европейской идеи[158].

---

[155] Войников В.В., Энтина Е.Г., Энтин М.Л. Перспективы, потребности и подводные камни конституциализации ЕС и ЕАЭС. // Полис. Политические исследования. – 2019. – №4. – С. 89-103.

[156] Безбородов Ю.С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Безбородов Юрий Сергеевич. – Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург, 2019. – 31 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/78056/1/urfu2058.pdf (дата обращения: 05.03.2022).

[157] Klabbers J. Sui Generis? The European Union as an International Organization. // A Companion to European Union Law and International Law. Ed. by D. Patterson, & A. Södersten. –Wiley Blackwell, 2016. – Pp. 1-15.

[158] Войников В., Энтин М., Энтина Е. Углубление интеграции и институциональная трансформация. // Международные процессы. – 2020. – Т. 18. № 4(63). – С. 6-35.

§ 3.1. Становление института международной правосубъектности ЕС.

Европейские сообщества с момента своего образования обладали закрепленной в учредительных договорах международной правосубъектностью (например, ст. 210 Договора об учреждении ЕЭС[159], ст. 101 Договора о учреждении Евратома[160]). Наделение же ей Европейского союза, что сегодня непосредственно закреплено в ст. 47 Договора о ЕС[161], произошло только в результате изменений, внесенных Лиссабонским договором[162]. Этому предшествовали более 15 лет (с момента подписания Маастрихтского договора в 1992 году и до вступления в силу Лиссабонского договора в 2009 году) правовой неопределенности либо «фактической правосубъектности»[163]. Такая ситуация, однако, не мешала ЕС на практике реализовывать полномочия в сфере внешних сношений, что следовало из изначально предусмотренной компетенции его предшественников в отношении общей торговой политики.

В свою очередь, положения, регулирующие внешние действия европейских интеграционных объединений (по сути, полномочия действовать вне своих границ), появились в учредительных договорах далеко не сразу,

---

[159] Treaty establishing the European Economic Community. Signed on 25 March 1957, entered into force on 1 January 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:11957E/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

[160] Treaty establishing the European Atomic Energy Community. Signed on 25 March 1957, entered into force on 1 January 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11957A/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

[161] Consolidated version of the Treaty on European Union (with amendments by the Treaty of Lisbon. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 08.01.2022).

[162] Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12007L/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

[163] Павельева Э. А. Формирование международной правосубъектности Европейского союза. // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 2(53). – С. 129-132.

а при последующем внесении изменений фрагментарно инкорпорировались в их разные разделы. Таким образом, регулирование было неполное и несовершенное.

Лиссабонский договор внес определенную ясность и в этот вопрос путем закрепления общих положений относительно внешних действий Евросоюза (часть 5 ДЕС «Общие положения о внешних действиях ЕС и специальные положения об Общей внешней политике и политике безопасности», объединяющая два одноименных раздела[164]) и более четкого отражения внешней компетенции ЕС. Последнее подверглось весьма детальной и исчерпывающей классификации в рамках части 5 ДФЕС «Внешние действия ЕС», состоящей из следующих разделов:

– общие положения о внешних действиях Союза;

– общая торговая политика;

– сотрудничество с третьими странами и гуманитарная помощь;

– ограничительные меры;

– международные соглашения;

– взаимодействие Союза с международными организациями и третьими странами и делегации Союза;

– «оговорка о солидарности»[165].

Обратим внимание на то, что на сегодняшний день в тексте ДЕС и ДФЕС тесно переплетены аспекты внешних действий ЕС, основанных на его исключительной компетенции и ее толковании, и положения относительно Общей внешней политики и политики безопасности (далее – ОВПБ)[166]. Таким образом был

---

[164] Consolidated version of the Treaty on European Union (with amendments by the Treaty of Lisbon. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 08.01.2022).

[165] Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (with amendments by the Treaty of Lisbon. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

[166] Следует отметить, что в период функционирования системы «трех опор» *(«three pillars»),* введенной Маастрихтским договором, вопросы ОВПБ рассматривались скорее как предмет межгосударственного сотрудничества членов ЕС, то есть не предполагали автономию воли Евросоюза как интеграционного

достигнут правовой баланс между полномочиями ЕС и его правосубъектностью, соответствующий реальному положению дел.

Интересно заметить, что такая подробная регламентация внешних действий ЕС, не свойственная даже самим его государствам-членам, в полной мере подтверждает сделанные в первой главе диссертации заключения относительно вытеснения в рамках интеграционных объединений национального регулирования совместным наднациональным. У стран ЕС нет никакой необходимости регламентировать данные положения, например, в своих законодательных актах, так как ведение данными вопросами передано в Евросоюз.

Международная правосубъектности Европейского союза и его предшественников – Европейских сообществ – исходит как из прямого указания учредительных актов, так и из подразумеваемых полномочий, которые следуют из необходимости достижения целей таких актов.

Как отметила Н.Г. Ищенко, «концепция “подразумеваемых полномочий” *(implied powers)*, сформулированная в Конституции США 1787 года, в дальнейшем нашла свое отражение не только в конституционном праве некоторых государств с сильной президентской властью, но и в международном праве, а именно в праве международных организаций»[167].

Соответствующие положения о «подразумеваемых полномочиях» применительно к международным организациям содержались и в консультативном заключении Международного суда ООН от 11 апреля 1949 года[168], о чем упоминалось в первой главе настоящей диссертации. По мнению

объединения – особого субъекта международного права. Подробнее см., например: Энтин М.Л. Правовые основы внешней политики Европейского Союза. // Московский журнал международного права. – 2003. – №4. – С. 86-116; Wessel R.A. The legal dimension of European foreign policy. // Handbook of European Foreign Policy. Edited by Aarstad Å.K., Drieskens E., Jørgensen K.E., Laatikainen K. Tonra B. – London, 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ris.utwente.nl/ws/portalfiles/portal/5598731/wessel103.pdf (дата обращения: 08.03.2022).

[167] Ищенко Н.Г. К вопросу о подразумеваемых полномочиях Европейского союза. // Закон и право. – 2019. – №11. С. 25-31.

[168] Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations, International Court of Justice, Advisory Opinion of April 11th, 1949. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

И.И. Лукашука, под подразумеваемыми полномочиями международной организации следует понимать такие полномочия, которые «прямо ее уставом не предусмотрены, но необходимы для достижения поставленных им целей»[169]. При этом также имела место позиция, что «против таких полномочий не должно быть выдвинуто возражений со стороны члена этой организации»[170].

Правовая конструкция «подразумеваемых полномочий» обрела свое особенное звучание в рамках европейского интеграционного проекта, способствовав формированию реального объема международной правосубъектности и диверсификации механизмов ее реализации, что было необходимого для достижения актуальных целей интеграции, трансформации «фактической правосубъектности» в реальную, а также правового статуса ЕС из «международной организации» в «интеграционное объединение».

Это стало результатом многолетней практики по интерпретации положений учредительных актов Судом ЕС (дело *ERTA*, дело *Kramer*, заключение *по проекту Соглашения об учреждении Европейского фонда консервации судов внутреннего водного транспорта*, заключение *о Конвенции МОТ №170*, серия дел *«Open Skies»* и другие)[171]. Компетенция Евросоюза была фактически расширена путем толкования учредительного договора одним из его институтов[172], причем до того предела, который необходим для достижения его внутренних целей. При этом в одном из своих заключений Суд ЕС специально разъяснил, что он не расширяет понятие внутренней компетенции до включения в нее внешней, однако в ряде случаев необходимые меры внутри ЕС могут иметь и внешнее измерение[173].

---

[169] Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть: Учебник для студентов юридических факультетов и вызов. – М., 2010. – С. 36.

[170] Шумилов В.М. Международное право: учебник.3-е изд., испр. и доп. – М., 2016. – С. 69.

[171] См. подробнее, например: Eeckhout P. EU External Relations Law. – Oxford, 2012. – 622 p.

[172] Лифшиц И.М. Членство Европейского союза в международных организациях в контексте его правосубъектности // Московский журнал международного права. – 2019. – №1. – С. 54-67.

[173] Opinion 1/94. 15.11.1994. Competence of the Community to conclude international agreements concerning services and the protection of intellectual property – Article 228 (6) of the EC Treaty. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:3568c114-591b-4373-bb72-53523ffd70ce.0002.03/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 12.01.2022).

На сегодняшний день нормативную основу подразумеваемых полномочий закрепляет ст. 352 ДФЕС, п.1 которой гласит: «Если в рамках направлений политики, определенных в Договорах, действие Союза представляется необходимым для достижения одной из целей, предусмотренных Договорами, а последние не предоставили соответствующих полномочий, то Совет, постановляя единогласно по предложению Комиссии и после одобрения Европейского парламента, принимает уместные положения. Когда эти положения принимаются Советом в соответствии со специальной законодательной процедурой, он также постановляет единогласно по предложению Комиссии и после одобрения Европейского парламента»[174]. Помимо этого, в ч. 2 ст. 3 ДФЕС непосредственно зафиксирована «исключительная компетенция ЕС по заключению международных соглашений, когда такое заключение предусмотрено в законодательных актах Союза или необходимо для того, чтобы обеспечить возможность ЕС реализовать свою внутреннюю компетенцию, или в той мере, в какой оно способно затрагивать общие правила или изменять их действие»[175].

В соответствии с предложенной М.Л. Энтиным концепцией «внешнего сопровождения», «предоставление ЕС компетенции принимать регулятивные акты в целях достижения поставленных перед ним целей наделяет его правом вступать для этого в международные соглашения»[176]. Следовательно, в том, что касается регулирования всего объема экономического сотрудничества с третьими странами и международными организациями, ЕС обладает той же компетенцией, что и

---

[174] Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (with amendments by the Treaty of Lisbon. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

[175] Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (with amendments by the Treaty of Lisbon. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

[176] Энтин М.Л. «Конституционно-правовые» основы международной деятельности ЕС и практическая политика. // Ежемесячное интернет-издание «Вся Европа». – 2008. – №3 (20). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://alleuropa.ru/?p=2485 (дата обращения: 12.02.2022).

в отношении, например, таможенного союза, т.е. исключительной, и пользуется ей самым интенсивным образом.

Таким образом, целостность и эффективность внутреннего экономического пространства, то есть внутреннего рынка – фундамента Евросоюза – обеспечивается двойной системой правового регулирования: внутренний контур закрывается учредительными договорами и вторичным правом Евросоюза, а внешний – международными соглашениями, создающими внешние правовые режимы как интегральную часть внутреннего европейского права. Оба правовых измерения в равной степени «стягивают» единое экономическое пространство[177].

Все это предполагает и своего рода обратный эффект для стран ЕС: по данным (внешнеэкономическим) вопросам они утратили полномочия действовать в индивидуальном порядке на внешнем контуре. Совместное правовое регулирование общей торговой политики преимущественно вытеснило одностороннее национальное, даже по таким вопросам, как торговля услугами, торговые аспекты интеллектуальной собственности и прямые иностранные инвестиции, где соответствующие двусторонние соглашения могут иметь место пока они не будут заменены соглашениями ЕС.

Еще в процессе вступления в ЕС от потенциального члена зачастую настоятельно требуют выйти из соглашений, которые в будущем теоретически могли бы нанести ущерб его *(прим. – Евросоюза)* единообразному функционированию. Это заложено в самой сердцевине европейской правовой системы[178]. Например, на переговорах о вступлении Сербии в ЕС Брюссель настаивал на денонсации Соглашения о свободной торговле между Сербией и ЕАЭС[179], которое было подписано 25 октября 2019 года и вступило в силу 10 июля

---

[177] Британия после брекзита = The United Kingdom after brexit: [монография] / [отв. ред. К.А. Годованюк]. – М., 2021. – С. 14.

[178] Энтин М.Л., Энтина Е.Г. В поисках партнерских отношений – XI: Россия и Европейский Союз в 2021 – первой половине 2022 годов: Научная монография. – М., 2022. – С. 412.

[179] EU warns Serbia to cancel free trade pact with Russia if it wants to join bloc // Euronews. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.euronews.com/2019/08/28/eu-warns-serbia-to-cancel-free-trade-pact-with-russia-if-it-wants-to-join-bloc (дата обращения: 15.07.2021).

2021 года[180]. За счет тесной интеграции внутренней и внешней компетенции Евросоюз представляет собой монолитное объединение, в рамках которого сначала достигается необходимый внутренний баланс интересов, а затем проводится целенаправленное их продвижение во вне. Международная правосубъектность ЕС имеет твердый и прочный фундамент, что позволяет на практике использовать широкий круг механизмов ее реализации.

С теоретической точки зрения, «существенная особенность статуса субъектов международного права состоит в том, что они непосредственно участвуют в создании и осуществлении его норм»[181]. Следовательно, одним из наиболее явных свидетельств наличия международной правосубъектности ЕС можно назвать возможность заключать международные соглашения, в том числе торговые сделки. Это же одновременно является и одним из наиболее эффективных механизмов ее реализации. О последнем, в частности, упоминал бывший Еврокомиссар по торговле К. де Гюхт[182].

Возможность заключать торговые соглашения была у Европейского экономического сообщества, что следует из Римского договора 1957 года. Сообщество было уполномочено на разработку и реализацию общих правил экспорта и импорта товаров, общих правил применения антидемпинговых и других защитных мер, торговых преференций, а также участие в торгово-экономических соглашениях с третьими странами и международными организациями[183]. А в 1970 году Суд Сообщества признал исключительную компетенцию ЕЭС в сфере общей

---

[180] Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами – членами, с одной стороны, и Республикой Сербия, с другой стороны. Подписано 25 октября 2019 года, вступило в силу 10 июля 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%a1%d0%b5%d1%80%d0%b1%d0%b8%d1%8f/Agreement.pdf (дата обращения: 15.07.2021).

[181] Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. – М., 2005. – С. 23.

[182] De Gucht K. The Common Foreign and Security Policy (CFSP): Is There Room for New Perspectives in the Aftermath of Maastricht? // Studia Diplomatica. – 1997. – Vol. 50. №2. – Pp. 49-83.

[183] Европейское право. Отрасли права Европейского Союза и Евразийского экономического союза: учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. – М.,2021. – С. 72.

торговой политики[184]. Это было необходимо в целях создания условий для углубления сотрудничества внутри объединения, что затем реализовано посредством внесения изменений в учредительные договоры, начиная с принятия Единого европейского акта в 1986 году.

В период «фактической правосубъектности» ЕС также имел возможность заключать торговые сделки через Европейское сообщество. Вопросы торговли услугами и торговых аспектов интеллектуальной собственности были выведены за контур наднациональной компетенции и предполагали принятие в отношении их заключения совместных и согласованных решений. Единство «духа» и «буквы» европейского закона в этом вопросе было подтверждено в уже упомянутом нами ранее заключении Суда ЕС, в котором говорится, что Сообщество и его государства-члены обладают совместной компетенцией заключить ГАТС и ТРИПС[185].

Цели общей торговой политики закреплены в ст. 206 актуальной редакции ДФЕС:

– гармоничное развитие мировой торговли;

– постепенная отмена ограничений международной торговли;

– постепенная отмена ограничений на прямые иностранные инвестиции;

– снижение таможенных и иных барьеров[186].

При этом господствующий ранее подход в отношении торговли услугами и торговых аспектов интеллектуальной собственности применим и сегодня в соответствии со ст. 207 ДФЕС (в том числе в отношении «особо значимых» видов

---

[184] Европейское право. Отрасли права Европейского Союза и Евразийского экономического союза: учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. – М.,2021. – С. 72.

[185] Opinion 1/94. 15.11.1994 Competence of the Community to conclude international agreements concerning services and the protection of intellectual property - Article 228 (6) of the EC Treaty. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:3568c114-591b-4373-bb72-53523ffd70ce.0002.03/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 12.01.2022).

[186] Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (with amendments by the Treaty of Lisbon. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

услуг, таких как услуги в сфере культуры и аудиовизуальные услуги, а также социальные, медицинские и образовательные услуги)[187]. В частности, при принятии решений о заключении соглашений в сфере торговли услугами, торговых аспектов интеллектуальной собственности и прямых иностранных инвестиций требуется консенсус в Совете ЕС, в то время как по вопросам торговли товарами предусмотрено голосование квалифицированных большинством.

С тем, чтобы наиболее полно реализовать свои международные полномочия, окончательно зафиксировать их переход на наднациональный уровень и закрепиться как полноправный субъект международного права, Европейское экономическое сообщество, Европейское сообщество и Европейский союз заключили торгово-экономические соглашения со многими партнерами по всему миру. Исторически они также являлись и политическим инструментом для продвижения принципов и ценностей Евросоюза, так как общая торговая политика реализуется на основе общих принципов и целей внешнеполитической деятельности ЕС[188].

В зависимости от страны, с которой Брюссель ведет переговоры, уровня ее экономического развития и характера выстраиваемых отношений, а также предполагаемого наполнения, разрабатываемые и затем заключаемые соглашения классифицируются следующим образом:

– Соглашения о таможенных союзах, предполагающие устранение таможенных пошлин в двусторонней торговле и установление единого таможенного тарифа либо одинаковых правил торговли для третьих стран.

– Соглашения об ассоциации, стабилизации (углубленные и расширенные), соглашения о свободной торговле и соглашения об экономическом партнерстве.

---

[187] Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (with amendments by the Treaty of Lisbon. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

[188] См. подробнее: Британия после брекзита = The United Kingdom after brexit: [монография] / [отв. ред. К.А. Годованюк]. – М., 2021. – С. 15; Право внешней политики и политики безопасности Европейского союза / Е. Ф. Довгань, П. А. Калиниченко, Н. О. Мороз [и др.]. – Минск, 2020. – С. 15.

Данный тип соглашений преследует цель снижения либо устранения таможенных пошлин во взаимной торговле.

– Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, создающие рамочные условия для развития двусторонних экономических отношений и обеспечивающие сохранение таможенных пошлин на определенном уровне[189].

В свою очередь, в доктринальных источниках соглашения ЕС зачастую подразделяются на[190]:

– Торговые соглашения «первого поколения», ориентированные в основном на торговлю товарами. Например, Соглашение о свободной торговле со Швейцарией (действует с 1975 года), Соглашение о таможенном союзе с Турцией (действует с 1996 года), Соглашение о свободной торговле с Республикой Корея (действует с 2015 года), Соглашение о свободной торговле с Вьетнамом (действует с 2020 года).

– Соглашения об экономическом партнерстве с отдельными странами и региональными объединениями, направленные на постепенную либерализацию их экономик и открывающие для них доступ на рынок ЕС. Например, действуют Евро-Средиземноморское соглашение об ассоциации с Израилем (с 2000 года) и Египтом (с 2004 года). В 2007 году подписано Соглашение о стабилизации и ассоциации с Черногорией (вступило в силу в 2010 году), в 2008 – с Сербией (вступило в силу в 2013 году). Были заключены и многосторонние соглашения такого типа, например, с 2008 года применяется Соглашение об экономическом партнерстве с Карибским форумом (Карифорум), а с 2016 года – Соглашение об экономическом партнерстве с западноафриканскими государствами, Экономическим сообществом западноафриканских государств и Западноафриканским экономическим и валютным союзом.

---

[189] Types of EU trade agreement. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements (дата обращения: 12.04.2022).

[190] См., например: Британия после брекзита = The United Kingdom after brexit: [монография] / [отв. ред. К.А. Годованюк]. – М., 2021. – С. 15-16.

Две данные группы соглашений и на сегодняшний день являются наиболее многочисленными и применяемыми.

– Торговые соглашения «нового» или «второго поколения», предмет которых выходит за торговлю товарами, охватывая вопросы торговли услугами, режима инвестиций, торговых аспектов интеллектуальной собственности, экологических и трудовых стандартов, государственных закупок и так далее. Именно по данной группе соглашений неоднократно возникали опасения относительно достаточности компетенции Евросоюза для их заключения. Это, например, Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение с Канадой (подписано в 2016 году, частично применяется с 2017 года), Соглашение об экономическом партнерстве с Японией (подписано в 2018 году, вступило в силу в 2019 году). Практика показала, что такие соглашения в результате их имплементации приносят наибольший эффект.

– Углубленные и всеобъемлющие зоны свободной торговли, нацеленные на расширение и углубление политического и экономического сотрудничества с ЕС. Такие соглашения были заключены пакетным принципом (вместе с соглашениями об ассоциации) с Грузией, Молдовой и Украиной (подписаны в 2014 году, применяются с 2016 года).

– Отдельными видами соглашений можно назвать Соглашение о выходе Великобритании из ЕС, вступившее в силу 1 февраля 2020 года, а также Соглашение о торговле и сотрудничестве ЕС с Великобританией, которое стало нормативной основой сотрудничества сторон в период пост-брекзита и начало действовать в 2021 году.

Возвращаясь к теории, обратим внимание на то, что ряд ученых, например, А.Я. Капустин, О.Ф. Артамонова[191] сомневаются в наличии правосубъектности ЕС вопреки осуществляемому объему прав и обязанностей. Некоторый скептицизм относительно возможности заключать международные договоры по вопросам

[191] См., например: Капустин А.Я. Европейский союз: интеграция и право. – М., 2000. – С.52; Артамонова О.Ф. Международная правосубъектность Европейского союза // Журнал российского права. – 2002. – №8. – С.143-151.

торговой и внешней политики, не согласовывая это с государствами-членами, высказывал и П. Экхоут[192], а У. Эверлинг противопоставлял правосубъектность Сообщества и отсутствие таковой у Союза в период их совместного (либо параллельного) сосуществования[193].

Однако можно посмотреть на это и с другой стороны. Важными характеристиками институциональной модели ЕС являются внутреннее единство и сбалансированность. Противопоставление одних институтов другим, даже если в некоторых (в частности, в Совете ЕС) интерговернментализм фактически превалирует над наднационализмом, выглядит весьма условным. В ст. С раздела I Маастрихтского договора была зафиксирована необходимость обеспечить единство институциональной структуры ЕС, а также согласованность его международной деятельности, ответственность за что была возложена как раз на Совет ЕС и Европейскую комиссию[194]. А в соответствии с актуальной редакцией ДЕС (ст. 13), целевой установкой всех институтов ЕС является «проведение в жизнь его ценностей, осуществление его целей, служение его интересам, интересам его граждан и государств-членов, а также обеспечение последовательности, эффективности и преемственности его политики и действий» [195].

В период с 1992 по 2009 гг. Европейский союз вступал в международные отношения преимущественно через Европейское сообщество. В ст. В раздела I

---

[192] Eeckhout P. The European Union and the International Law under the Treaty of Lisbon. // Blog of the European Journal of International Law. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ejiltalk.org/the-european-union-and-international-law-under-the-treaty-of-lisbon (дата обращения: 10.01.2022).

[193] Everling U. Reflections on the Structure of the European Union. // Common Market Law Review. – 1992. – Vol. 29. № 6. – Pp. 1053-1077.

[194] Treaty on European Union. Signed on 7 February 1992, entered into force on 1 January 1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11992M/TXT&from=EN (дата обращения: 07.01.2022).

[195] Consolidated version of the Treaty on European Union (with amendments by the Treaty of Lisbon. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 08.01.2022).

Маастрихтского договора зафиксирована необходимость способствовать утверждению индивидуальности *(identity)* Союза на международной арене[196]. Такая формулировка, по сути, предполагала наделение ЕС той самой «фактической правосубъектностью», так как индивидуальность в международных отношениях безусловно предполагает самостоятельные волевые действия.

Кроме того, следует отметить, что со вступлением в силу Маастрихтского договора в правовые рамки ЕС было инкорпорировано полицейское и судебное сотрудничество по уголовным делам в виде так называемой «третьей опоры» *(«third pillar»)*[197]. Учитывая, что данные вопросы до этого момента времени выходили за границы компетенции Европейского сообщества, а соответствующая деятельность требовала отраслевого взаимодействия с третьими странами, ЕС сам заключил ряд соглашений в этой сфере, например соглашения об экстрадиции[198] и правовой помощи[199] с США. Ввиду вышеназванных причин, стороной данных документов выступил именно Евросоюз, несмотря на то, что обязательства по ним могли быть на практике исполнены только его государствами-членами. Данный кейс еще раз подтверждает стремление к наделению ЕС правосубъектностью уже в рамках Маастрихтского договора.

В качестве наглядного примера использования Европейского сообщества для формализации международного взаимодействия ЕС и, как следствие, его обладания фактической правосубъектностью, можно привести сотрудничество со Всемирной торговой организацией, где членом, наравне со своими

---

[196] Treaty on European Union. Signed on 7 February 1992, entered into force on 1 January 1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11992M/TXT&from=EN (дата обращения: 07.01.2022).

[197] Vermeulen G. A. EU conventions enhancing and updating traditional mechanisms for judicial cooperation in criminal matters. // Revue internationale de droit penal. – 2006. – №1-2 (Vol. 77). – P. 59-95.

[198] Agreement on extradition between the European Union and the United States of America. Signed on 25 June 2003, entered into force on 1 February 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22003A0719(01)&from=EN (дата обращения: 13.05.2022).

[199] Agreement on mutual legal assistance between the European Union and the United States of America. Signed on 25 June 2003, entered into force on 1 February 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22003A0719(02)&from=EN (дата обращения: 13.05.2022).

государствами-членами, изначально (с 1 января 1995 года) стало именно Европейское сообщество. Упомянутое выше решение Суда ЕС в ноябре 1994 года было принято как раз ввиду необходимости урегулировать вопрос членства ЕС и его государств-членов в ВТО. После вступления в силу Лиссабонского договора (с 1 декабря 2009 года) статус члена ВТО получил уже Европейский союз.

Как отмечала Е.Н. Егорова, «внешние полномочия Европейского союза по заключению международных соглашений имеют решающее значение для способности государств ЕС действовать в рамках МОТ»[200].

Внимания заслуживает и положение Евросоюза на площадках ООН. В 1974 году был приобретен статус постоянного наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН, а в 2011 году ЕС получил возможность выступать на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН. ЕС является полноценным членом с правом голоса в таких организациях системы ООН, как, например: Комиссия ООН по устойчивому развитию, Форум по лесам ООН, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, а также обладает статусом наблюдателя в Совете Безопасности ООН и имеет право представлять там собственную позицию. Евросоюз внедрил Повестку в области устойчивого развития ООН практически во все сферы своей деятельности[201]. Для этого в 2017 году запущен инструмент нового «Европейского консенсуса по развитию» – совместный план действий, разработанный институтами ЕС и его государствами-членами[202]. То есть внешнее измерение сотрудничества снова становится драйвером внутреннего развития. Помимо всего перечисленного, Европейский союз выступает стороной в более чем 50

---

[200] Егорова Е.Н. Правосубъектность Европейского союза и международное трудовое право. // Московский журнал международного права. – 2013. №1. – С. 142-151.

[201] Ковалёв В.С. Устойчивое развитие и климатическая повестка как инструменты укрепления интеграции в ЕАЭС. // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 11(162). – С. 36-39.

[202] The New European Consensus on Development «Our World, Our Dignity, Our Future». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/european-consensus-on-development-final-20170626_en.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

международных соглашениях в рамках ООН, например, в Рамочной конвенция ООН об изменении климата и Парижском соглашении.

Во всех вышеперечисленных случаях ЕС, являясь единственным подобным субъектом, выступает на одном уровне с государствами. Самостоятельный статус ЕС в международных организациях является яркой демонстрацией механизма реализации его международной правосубъектности. Можно предположить, что вступая во взаимоотношения с Евросоюзом на тех же условиях и в тех же форматах, что и с независимыми государствами, международное сообщество признает не просто функциональную международную правосубъектность ЕС (как у международной организации), но и наличие у него нечто большего – определенного свойства – «прообраза интеграционного суверенитета», что предоставляет ему возможность полноценно и активно участвовать в международных отношениях и характеризует его как особый субъект международного права[203]. Это одновременно становится и фактором внутренней консолидации интеграционного объединения, что подтверждают и представленные нами в первой главе диссертации теоретические заключения.

Имея на руках объемное понимание источников, процесса становления и содержания международной правосубъектности ЕС, перейдем к рассмотрению практических аспектов ее реализации в условиях сегодняшнего дня.

[203] Ковалёв В.С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях. // Право и управление. XXI век. – 2021. – Т. 17. № 1(58). – С.13-23.

§ 3.2. Реализация международной правосубъектности ЕС на современном этапе: актуальные тенденции в рамках внешнеторговой компетенции.

Как было установлено, реализация международной правосубъектности ЕС в сфере исключительной компетенции, а именно в рамках общей торговой политики, а также в рамках реализации поставленных перед ним целей в других областях, в основном осуществляется посредством заключения соглашений с третьими сторонами и участия в работе профильных международных организаций. Соответствующая деятельность тесно связана с мерами, предпринимаемыми в сфере ОВПБ. Однако зададимся вопросом, что и каким образом опосредует данный классический инструментарий и что способствует его дальнейшему практическому претворению в жизнь?

18 февраля 2021 года Еврокомиссией была представлена новая Стратегия торговой политики Евросоюза (далее также – торговая стратегия), опубликованная в форме сообщения, адресованного Европейскому парламенту, Совету ЕС, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов[204]. Предыдущая торговая стратегия ЕС также появилась на свет в аналогичной оболочке 5 октября 2015 года.

С формально-юридической стороны вопроса этот документ является разновидностью акта мягкого права *(soft law)*. Как отмечал профессор Ф. Снайдер, термин «мягкое право» используется в ЕС для обозначения неких правил поведения, которые в принципе не обладают обязательной юридической силой, но при этом могут иметь важное практическое значение[205]. В ст. 288 ДФЕС среди правовых актов Союза выделены рекомендации и заключения, которые можно

---

[204] Communication from the Commission to the European parliament, the Council, the European economic and Social Committee and the Committee of the Regions Trade Policy Review – An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy. №COM (2021) 66 final, dispatched on 18 February 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:5bf4e9d0-71d2-11eb-9ac9-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 08.12.2021).

[205] Snyder F. Soft Law and Institutional Practice in the European Community. // EUI Working Papers in Law. – 1993. – №5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cadmus.eui.eu/handle/1814/101 (дата обращения: 08.12.2021).

отнести к мягкому праву[206]. Однако в ходе деятельности ЕК получили свое развитие и другие акты мягкого права, среди которых сообщение *(communication)*, программа действий *(action programme)*, Белая книга *(White paper)*, Зеленая книга *(Green paper)* и другие. В то же время, ни в договорах, ни в заключениях судов ЕС термин «мягкое право» никогда не использовался[207].

Одним из ранних примеров применения мягкого права в ЕС можно считать сообщение Еврокомиссии относительно последствий принятия Судом ЕС решения по делу *Cassis de Dejion* от 3 октября 1980 года[208] и Белая книга по вопросу завершения создания внутреннего рынка ЕС от 14 июня 1985 года[209]. Данные акты Еврокомиссии был направлены на обобщение регулирования внутреннего рынка и обеспечение его дальнейшего единообразия.

В целях совершенствования модели управления ЕС, что стало еще более очевидным ввиду институционального кризиса второй половины 1990-х годов, практика использования инструментов мягкого права постепенно находит свое всё более частое применение. Например, важное значение в сфере налогообложения имело принятое в 1998 году сообщение Комиссии «Налоговая политика в Европейском союзе – приоритеты на следующие годы». Дальнейшее распространение получили акты мягкого права в сфере конкуренции, оказания государственной помощи и т.д.

Новые походы были концептуально оформлены в Белой книге по вопросу

---

[206] Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (with amendments by the Treaty of Lisbon. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

[207] Берлингуэр А. «Мягкое право» против «жесткого права» в Европейском союзе. // Современное право. – 2012. – №12. – С. 119-124.

[208] Communication from the Commission concerning the consequences of the judgment given by the Court of Justice on 20 February 1979 in case 120/78 ('Cassis de Dijon'), dispatched on 3 October 1980. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31980Y1003(01)&from=EN (дата обращения: 08.03.2022).

[209] Completing the internal market: white paper from the Commission to the European Council № COM (1985) 310 final, dispatched on 14 June 1985. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51985DC0310&from=EN (дата обращения: 08.03.2022).

управления, Плане действий по вопросу упрощения и развития регуляторной среды, Межинституциональном соглашении о более совершенном законотворчестве и Лаакенской декларации. Применение мягкого права позволило придать большую гибкость и эффективность сложной системе управления и законотворчества в ЕС.

Достаточно подробно правовая конструкция «сообщения» как акта европейского мягкого права была рассмотрена профессором европейского права Тилбургского и Утрехского университетов Л. Сенден, посвятившей этому вопросу две монолитные статьи: «Мягкое право и его применение для достижения институционального баланса в ЕС» и «Мягкое право, саморегулирование и совместное регулирование: где они встречаются?»

Среди данного вида документов (сообщение) ей выделяются «сообщения, связанные с принятием решений» *(«decisional communication»).* Такие сообщения направлены на надлежащее правоприменение и фактически раскрывают, каким образом институт Союза, в частности, Еврокомиссия, будет использовать свои дискреционные полномочия при принятии решений в соответствующей сфере[210].

Сообщение наполняет смысловым содержанием абстрактно сформулированные правовые нормы, обеспечивает их корректное и наиболее рациональное применение в интересах всего ЕС, более быструю и удобную правоприменительную практику[211]. То есть реализуется пост-законодательная *(post-law)* функция мягкого права. Рассматриваемая нами Стратегия торговой политики Евросоюза как раз может быть классифицирована таким образом. Посредством издания подобных документов создается прочная основа для

---

[210] См. подробнее: Senden L. Soft law and its implication for institutional balance in the EC. // Utrecht Law Review. – 2005. – Vol. 1. №2. Pp. 79 – 99. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.utrechtlawreview.org/articles/10.18352/ulr.9 (дата обращения: 21.02.2022); Senden L. Soft Law, Self-Regulation and Co-Regulation in European Law: Where Do They Meet? // Electronic Journal of Comparative Law. – 2005. – Vol. 9. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ejcl.org (дата обращения: 21.02.2022).

[211] Kovacs A., Torh T., Forgacs A. The Legal Effects of European Soft Law and Their Recognition at National Administrative Courts. // Loyola University Chicago International Law Review. – 2016. – Vol.14. №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lawecommons.luc.edu/lucilr/vol14/iss1/2 (дата обращения: 23.02.2022).

формирования правовой определенности.

На примере торговой стратегии ЕС представляется крайне полезным, с одной стороны, провести оценку влияния мягкого права на реализацию международной правосубъектности интеграционного объединения, а с другой, рассмотреть приоритетные направления деятельности Евросоюза на внешнем контуре.

Стратегия торговой политики обобщает имеющиеся вызовы и формулирует механизмы реакции на них со стороны ЕС. Отправными точками называются растущая международная напряженность и стремление к одностороннему (обособленному развитию); негативные эффекты глобализации и технологического развития, которые ведут к чрезмерным мерам государственного вмешательства в экономику и изоляционизму; ускоренное развитие Китая, усиливающего мировую экспансию, в том числе посредством нерыночных механизмов государственного управления национальной экономикой; изменение климата и ухудшение природных условий; необходимость цифровой трансформации; последствия пандемии COVID-19.

Отдельный раздел документа посвящен торговой политике как инструменту реализации геополитических интересов ЕС. Планируется продвигать подходы, направленные на снижение международной напряженности, и обновить систему международной торговли. ЕС хочет модернизировать односторонние инструменты торговой защиты для более эффективного отстаивания собственных интересов. Прямо и недвусмысленно фиксируется: торговая политика и торговые соглашения являются средством продвижения европейских ценностей и интересов.

Отмечена традиционная опора на трансатлантический вектор. Отдельного упоминания удостоилось и тесное сотрудничество с администрацией Президента США Дж. Байдена в рамках реформирования ВТО. ЕС будет формировать политические альянсы с разделяющими ценности ЕС партнерами, в том числе путем заключения торговых сделок.

В части взаимодействия с Китаем подчеркивается важность торгового и инвестиционного партнерства. Напомним, что на подготовку Всеобъемлющего инвестиционного соглашения между ЕС и КНР ушло 7 лет, однако на выходе

его все равно заблокировал Европейский парламент[212]. Взаимодействие ЕС с КНР в торговой стратегии ЕС в целом подается с явной оговоркой о противоречивом характере двусторонних отношений как таковых. Неоднократно говорится о необходимости вовлечения Китая в многосторонние договоренности и получения гарантий соблюдения им принятых обязательств, а также прямого противодействия негативным эффектам от государственного управления экономикой в данной стране.

Мягкое право традиционно активно используется в Евросоюзе в целях реализации энергетической и климатической повесток. Сначала закрепляются общие ориентиры, государства берут на себя односторонние обязательства, имеющие сугубо политическую природу, однако потом добровольные односторонние обязательства унифицируются и закрепляются в качестве жесткого права, а созданные таким образом нормативные предписания активно «предлагаются» третьим сторонам в качестве определенного шаблона. В связи с этим, обратим внимание на заявленную среди среднесрочных приоритетов торговой политики ЕС инкорпорацию «Европейской зеленой сделки» *(«European Green Deal»)* в торговую стратегию Евросоюза. В начале работы текущей каденции Еврокомиссии климатическая повестка была закреплена одной из ключевых стратегических тем: 11 декабря 2019 года представлен амбициозный пакет мер по обеспечению «зеленой» трансформации ЕС[213], а 14 июля 2021 года объявлено о планируемом введении трансграничного углеродного налога на импорт (так называемого механизма трансграничного углеродного регулирования –

---

[212] MEPs refuse any agreement with China whilst sanctions are in place. // European Parliament Official Website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210517IPR04123/meps-refuse-any-agreement-with-china-whilst-sanctions-are-in-place (дата обращения: 08.03.2022).

[213] Communication from the Commission to the European parliament, the Council, the European economic and Social Committee and the Committee of the Regions «The European Green Deal» № COM (2019) 640 final, dispatched on 11 December 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:b828d165-1c22-11ea-8c1f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 12.10.2021).

CBAM)[214]. На практике декарбонизация «превращается не только в стержень внутренней и внешней политики ЕС – Европа намерена сделать её лейтмотивом мирового экономического развития»[215]. Реализация данных положений предполагается как на двустороннем (включение этих вопросов в проекты обсуждаемых соглашений), так и на многостороннем уровнях (их инкорпорации в проекты предлагаемых многосторонних сделок, вынесение для обсуждения на международных площадках ВТО, ООН и так далее).

Для «чистоты эксперимента» отметим, что официальные лица ЕС заявляли о климатическом, а не тарифном характере данного инструмента, и его полном соответствии требованиям Парижского соглашения и обязательствам ЕС в ВТО[216]. Однако риски и возможные негативные эффекты для третьих сторон представляются однозначными и существенными, ведь, например, в совокупном внешнем товарообороте ЕАЭС на страны ЕС приходилось в 2021 году доля в более чем 38%[217], основная часть которой как раз представляла собой подпадающие под CBAM товарные группы – металлы, удобрения, строительные материалы, углеводородная продукция и сырье.

Ввиду существенного изменения геополитической и, как следствие, экономической ситуации в европейском регионе и в мире в целом в феврале-марте 2022 года, многие европейские политики высказываются об ускоренной

---

[214] Communication from the Commission to the European parliament, the Council, the European economic and Social Committee and the Committee of the Regions «Fit for 55': delivering the EU's 2030 Climate Target on the way to climate neutrality» № COM (2021) 550 final, dispatched on 14 July 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0550&from=EN (дата обращения: 12.10.2021).

[215] Братерский М.В., Энтина Е.Г., Энтин М.Л. Как Евразии подготовиться к европейскому зеленому курсу. // Россия в глобальной политике. – 2021. – №4. – С. 205 – 218.

[216] Посол ЕС – РБК: «Озеленение» наших отношений — шаг к их стабилизации». // РБК.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/interview/politics/08/10/2021/615ec6999a79473db7670633 (дата обращения: 12.10.2021).

[217] По данным официальной статистики ЕЭК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2020_180/E202012_2_1.pdf (дата обращения: 12.03.2021).

реализации энергоперехода ЕС[218]. Однако, по мнению аналитиков Goldman Sachs, в ближайшей перспективе Евросоюз столкнется с невиданными ранее рисками энергетической безопасности[219], что в итоге может привести к отказу от реализации климатической повестки в среднесрочной перспективе.

В разных разделах торговой стратегии ЕС неоднократно делается отсылка к вопросам неэкономического порядка, среди которых аспекты прав человека, социальных гарантий, завуалированные трудовыми отношениями, и так далее. Это укладывается в складывающуюся в последнее время практику заключения Евросоюзом всеобъемлющих соглашений о свободной торговле нового поколения, не только создающих зону свободной торговли с ее участниками, но и направленных на сближение правового регулирования в смежных областях. К их числу относятся, например, подобного рода соглашения с Канадой[220] и Японией[221]. Чтобы дать ЕС возможность преодолеть многочисленные внутренние и внешние вызовы и помочь государствам – членам без потерь справиться с их последствиями, последние наделили его новыми далеко идущими полномочиями в финансовой и энергетической сферах, а также, что наиболее важно, дали добро на форсированное развитие ОВПБ.

Одним из ключевых посылов Стратегии торговой политики Евросоюза является построение модернизированной международной торговли, основанной на заново определенных правилах и долгосрочных договоренностях. Как

---

[218] См., например: REPowerEU: Joint European action for more affordable, secure and sustainable energy. // European Commission Official Website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_1511 (дата обращения: 08.03.2022).

[219] Squaring Russia's missing barrels. Goldman Sachs Report. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.goldmansachs.com/insights/pages/gs-research/squaring-russias-missing-barrels/report.pdf (дата обращения: 08.03.2022).

[220] EU-Canada Comprehensive Economic and Trade Agreement. Signed on 30 October 2016, entered into force provisionally on 21 September 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/trade/policy/in-focus/ceta (дата обращения: 15.07.2021).

[221] EU-Japan Economic Partnership Agreement. Signed on 21 December 2018, entered into force on 1 February 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/trade/policy/in-focus/eu-japan-economic-partnership-agreement (дата обращения: 15.07.2021).

упоминалось ранее, ЕС в течение длительного времени взаимодействует со Всемирной торговой организацией в качестве полноправного члена. При этом стоит отметить двойственный характер применения норм соглашений ВТО в Евросоюзе. В своих решениях Суд ЕС неоднократно исходил из того, что их нормы не обладают прямым действием, а могут рассматриваться лишь как «предварительное условие» при изучении Судом ЕС законности актов ЕС. Соглашения ВТО обязательны для ЕС, но они не являются «нормой права» согласно ст. 263 ДФЕС и действуют лишь косвенно[222].

По мнению Еврокомиссии, ВТО сыграла важнейшую роль в создании устойчивой и предсказуемой основы для международной торговли, однако на сегодняшний день ее потенциал исчерпан, а сама организация переживает кризис. Среди основных причин называется комплекс факторов, в том числе особый акцент сделан на размывании наднационального регулирования и негативных эффектах присоединение Китая к ВТО в 2001 году. Европейская бюрократия полагает, что Китай открыл свой рынок несоразмерно занимаемой им роли в мировой экономике, а также злоупотребляет государственным регулированием национальной экономики в ущерб обязательствам в рамках ВТО.

ЕС активно продвигает реформу организации. Предложен конкретный перечень мер, среди которых:

- реформирование системы разрешения споров;
- усиление роли ВТО по мониторингу исполнения членами организации своих обязательств и повышение эффективности переговорной площадки ВТО;
- скорейшее завершение переговоров по вопросам рыболовных

[222] См. подробнее: Ануфриева Л. П. Право ВТО: теория и практика применения: Монография / Под ред. Ануфриевой Л.П. Пар. 2.1 «Право ВТО и право ЕС». – М, 2018. – 528 с.; Гуляева Т.К. Соотношение «права ВТО» и национального права государств-членов. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Гуляева Татьяна Константиновна. – Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. – Москва, 2016. – 237 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://msal.ru/common/upload/Dissertatsiya_Gulyaeva_T.K..pdf (дата обращения: 09.03.2022).

субсидий;

− одобрение «первого пакета» реформы, в который будут включены вопросы участия ВТО в повестке устойчивого развития и зеленой трансформации экономики;

− разработка новой регуляторики в отношении промышленных и сельскохозяйственных субсидий, а также по вопросам цифровой торговли, услуг и инвестиций;

− создание механизма включения уже заключенных двусторонних и многосторонних соглашений между отдельными членами организации в право ВТО;

− устранение дисбалансов в специфических обязательствах членов организации по доступу на рынок товаров и услуг.

Изложенные положения предполагалось сделать своего рода переговорной позицией Евросоюза, его членов, а также их союзников в рамках 12 Министерской конференции ВТО, запланированной к проведению в конце ноября-начале декабря 2021 года. Однако ее проведение было перенесено уже во второй раз ввиду распространения пандемии COVID-19[223].

Какие выводы и предложения представляется целесообразным сформулировать?

1. Торговая стратегия ЕС отражает комплексный и в полной мере междисциплинарный характер внешних действий ЕС, предлагая широкий инструментарий механизмов реализации международной правосубъектности. Представленные методы и механизмы работы относятся не только к вопросам наднациональной компетенции Союза в широком понимании, но и затрагивают аспекты ОВПБ.

2. Инструменты мягкого права на сегодняшний день эффективно дополняют классический правовой инструментарий ЕС в сфере внешних действий и могут

[223] General Council decides to postpone MC12 indefinitely. // WTO Official Website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news21_e/mc12_26nov21_e.htm (дата обращения: 08.03.2022).

рассматриваться как механизмы опосредованной реализации международной правосубъектности ЕС в трех измерениях:

– мягкое право устанавливает детально описываемый порядок реализации правовых норм более высокого порядка, служащих его юридической основой;

– фиксирует основные содержательные установки для единообразного применения в рамках международных, в первую очередь торговых переговоров, и принятия юридически значимых решений на многосторонних площадках;

– создает необходимый уровень правовой и политической определенности как для государств – членов ЕС, так и для внешних партнеров.

3. Реализуя «внешние» полномочия и международную правосубъектность ЕС, Еврокомиссия зачастую действует *ultra vires*. Может возникнуть закономерный вопрос, не вызывает ли такая ситуация нарушение внутреннего баланса в правовой и институциональной системах Евросоюза?

В истории имели место схожие прецеденты. Например, в 1997 году Европейский парламент указал на необходимость заменить сообщение Комиссии по вопросу «золотой акции» законодательной инициативой, посчитав, что вопрос является существенно важным и не может быть единолично рассмотрен Еврокомиссией. Тогда ЕК не согласилась с представленными доводами и не последовала рекомендациям Европарламента[224].

В отношении торговой стратегии ЕС каких-либо опасений либо замечаний со стороны других институтов ЕС высказано не было. По нашему мнению, это свидетельство позитивной практики применения концепции «Лучшего управления» *(«Better regulation»),* основы которой были заложены еще в рамках Эдинбургского саммита 1992 года[225]. С одной стороны, Еврокомиссия – основной

---

[224] Senden L. Soft law and its implication for institutional balance in the EC. // Utrecht Law Review. – 2005. – Vol. 1. №2. Pp. 79 – 99. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.utrechtlawreview.org/articles/10.18352/ulr.9 (дата обращения: 21.02.2022).

[225] См. подробнее: Better Regulation: why and how. // European Commission Official Website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/law/law-making-process/planning-and-proposing-law/better-regulation-why-and-how_en (дата обращения: 08.12.2021); Dunlop C.A., Radaelli C. M. Better Regulation in the European Union. The Handbook of Regulatory Authorities. Edited by: M. Maggetti, F. Di Mascio, A. Natalini.–2022. [Электронный

переговорщик по торговым соглашениям и представитель ЕС в ВТО. С другой стороны, ЕК выступает фактически «наднациональным правительством», обеспечивая оперативное управление внутренними вопросами функционирования ЕС. Поэтому в руках ЕК сосредоточен необходимый ресурсный и кадровый потенциал, а процедуры ее формирования и деятельности проверены временем и заслуживают доверия государств-членов. В своей работе ЕК использует те правовые средства и инструменты, которые наилучшим и наиболее быстрым образом способствуют достижению поставленной цели, а не тратит время и ресурсы на прохождение сложных бюрократических законодательных процедур. Решения нужно вырабатывать и принимать быстро и переходить к их непосредственной реализации. Действующая институциональная и правовая системы ЕС содержат все необходимые «сдержки и противовесы», которые позволяют уже на этапе реализации обеспечить согласованность принятия решений как на межинституциональном, так и на межгосударственном уровнях. Такая модель в полной мере отражает истинную «наднациональность» в ЕС, о чем говорит американский исследователь Дж. Вайлер и с чем соглашается российский профессор М.В. Стрежнева[226].

Однако, другая ситуация складывается, по нашему мнению, в тех случаях, когда ЕК тяготится к тем полномочиям, которые исконно и исключительно относятся к вопросам Совета и имеют ярко выраженную политическую составляющую, прежде всего в сфере ОВПБ. Напомним, что хоть в пост-Лиссабонской реальности и была обеспечена единая правосубъектность ЕС, а также конвергенция внешних компетенций Евросоюза и ОВПБ, ряд вопросов, например, наложение санкций на третьи страны, предусматривают исключительно процедуру консенсусного принятия на основе межправительственного рассмотрения в Совете (в соответствии с разделом «Ограничительные меры» части

ресурс]. – Режим доступа: http://protego-erc.eu/wp-content/uploads/2021/11/Dunlop-Radaelli-for-Di-Mascio-version05-July-2021-CLEAN.pdf (дата обращения: 08.03.2022).

[226] Стрежнева М.В. Наднациональность и принцип субсидиарности в ЕС и за его пределами. // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т.60. №6. – С. 5-14.

5 ДФЕС)[227]. В то же время именно ЕК взяла их на вооружение в период острой геополитической напряжённости в Европе и в мире в целом в феврале-мае 2022 года (в лице не только уполномоченного по должности Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля, но и Председателя Еврокомиссии У. фон дел Ляйен). Конечно, это результат фактически исключительной монополии ЕК на законодательную инициативу в том числе в рассматриваемой сфере и формальные юридические процедуры нарушены не были, однако, речь может идти о смещении того самого институционального баланса, что является своего рода «Дамокловым мечом» для будущего ЕС, и, по нашему мнению, должно получить соответствующую оценку для последующего недопущения. Как вариант, законодательный процесс в ЕС может быть подвержен соответствующей корректировке.

4. Осуществление совместного регулирования международной, преимущественно внешнеэкономической, деятельности Евросоюза происходит посредством описанных как в §3.1, так и в §3.2 настоящей главы механизмов реализации международной правосубъектности. Без них обеспечить целостность интеграционного контура, внутреннюю консолидацию и развитие ЕС не представляется возможным.

Следовательно, обладание такой особой правосубъектностью и практическое применение ее действенных механизмов, связанные с выражением собственной воли интеграционного объединения, может толковаться как один из его (интеграционного объединения) важнейших квалифицирующих признаков.

По мнению итальянского юриста М. Кремона, ЕС является лабораторией и моделью современных интеграционных процессов. Интеграционные процессы в Европейском союзе беспрецедентны в истории, они копируются

[227] Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (with amendments by the Treaty of Lisbon. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

интеграционными группировками государств других частей света[228].

Данная формулировка не бесспорна. Конечно же, раньше ЕС представлял собой однозначную «историю успеха». Однако, ввиду изменения международной обстановки, целей и задач развития, моделей действий объединения на внешнем контуре в поле зрения экспертов оказались не только его свершения, но и ошибки, упущения[229]. В итоге европейская модель наднациональности не получила существенного распространения в региональных интеграционных организациях, большинство из которых последователи тренду «нового регионализма» (распространен, в первую очередь, в Азиатско-Тихоокеанском регионе), основанного на менее амбициозных интеграционных стандартах (без наднациональных институтов, дорогостоящей международной бюрократии, уступок суверенитета)[230].

В свою очередь, Евразийский экономический союз принадлежит к той же группе объединений, что и ЕС, то есть предполагает построение так называемой «наднациональной интеграции» по примерно одинаковым принципам и законам. Несмотря на наличие многих схожих черт между ЕС и ЕАЭС, модель последнего, исходящая из несколько иного политико-правового обустройства, в большей степени учитывает особенности современного миропорядка.

Обладая большим потенциалом для дальнейшего развития, Евразийский союз может не только опираться на уже апробированный Евросоюзом инструментарий (при этом заимствования должны носить точечный и выверенный характер), но и в обязательном порядке учитывать совершенные ошибки, в том числе в работе на международной арене[231].

---

[228] Cremona M. The Union as a Global Actor: Roles, Models, Identity. // European Foreign Policy Review. – 2004. – Vol. 4L. – Pp. 533-565.

[229] Войников В.В. Энтина Е.Г., Энтин М.Л. Перспективы, потребности и подводные камни конституциолизации ЕС и ЕАЭС. // Полис. Политические исследования. – 2019. №4. – С. 89-103.

[230] Стрежнева М.В. Наднациональность и принцип субсидиарности в ЕС и за его пределами. // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. №. 6. – С. 5-14.

[231] Войников В.В. Энтина Е.Г., Энтин М.Л. Перспективы, потребности и подводные камни конституциолизации ЕС и ЕАЭС. // Полис. Политические исследования. – 2019. №4. – С. 89-103.

При эффективной и комплексной реализации прогрессивного сценария развития Евразийский союз имеет все возможности уже в обозримом будущем стать узловым звеном новой модели международных экономических отношений в формате Большого Евразийского партнерства (далее также – БЕП), в чем, по мнению Министра иностранных дел России С.В. Лаврова, заключен «мощный консолидирующий потенциал»[232].

Рассмотрим перспективные подходы к построению БЕП сквозь призму реализации международной правосубъектности Евразийского экономического союза в заключительной главе диссертационного исследования.

[232] Лавров С.В. О праве, правах и правилах. // Россия в глобальной политике. – 2021. – №4. – С. 8-20.

Глава 4. Правовые контуры Большого Евразийского партнерства сквозь призму реализации международной правосубъектности Евразийского экономического союза.

Стратегической целью Евразийского экономического союза является углубление региональной интеграции и создание на ее основе обновленной архитектуры международных экономических отношений, в основе которой лежит идея Большого Евразийского партнерства[233].

Концепция БЕП была озвучена Президентом России В.В. Путиным в ходе пленарного заседания Петербургского международного экономического форума в 2016 году: «предлагаем подумать о создании Большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран. И конечно, имею в виду наших партнёров по СНГ, других заинтересованных государств и объединений… Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования такого более широкого интеграционного контура»[234].

Представленная парадигма развития является весьма закономерной. Идея взаимосвязанности Евразии восходит к Великому шелковому пути, веками связывавшему Китай, Среднюю Азию и Европу сухопутными и морскими путями. Здесь постоянно возникали различные инфраструктурные проекты и интеграционные инициативы: от строительства Транссибирской магистрали на рубеже XIX и XX веков, до создания в 1989 году Азиатско-Тихоокеанского

---

[233] Лекция Председателя Коллегии ЕЭК М.В. Мясниковича в МГИМО МИД России «ЕАЭС: эффективность – ответы на вызовы и угрозы». // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/speech/lekciya-predsedatelya-kollegii-eek-mv-myasnikovicha-v-mgimo-mid-rossii-eaes-effektivnost--otvety-na-vyzovy-i-ugroz (дата обращения: 23.03.2022).

[234] Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 17 июня 2016 года. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/52178 (дата обращения: 27.03.2022).

экономического сотрудничества и в 1996 году Форума «Азия-Европа»[235]. Однако на протяжении истории все евразийские государства рассматривали свой собственный регион не стратегически, а исключительно утилитарно, предпочитая решать узкие внешнеполитические задачи. Коренные изменения в мировой экономике, связанные с объективным перемещением экономической активности на восток[236], стали надежной предпосылкой для формирования новых подходов.

Необходимо для начала определиться с тем, что такое евразийский макрорегион. По мнению экспертов, его нельзя рассматривать как «простую сумму» современных Европы и Азии или их отдельных частей, а следует говорить о сформированном в течение многих веков пространстве, едином континенте, связанном общими историческими, культурными, географическими[237] и, что не менее важно, экономическими и торговыми факторами. Ведь в регионе Большой Евразии проживает около 59% населения мира, при этом здесь же производится более 60% от всего мирового ВВП[238].

Наличие большого количества многосторонних форматов, зачастую строящихся вокруг отдельных регионов и региональных группировок (в первую очередь, вокруг США и их союзников либо КНР), способствует политической и институциональной разделенности евразийского региона[239]. Отмечается отсутствие долгосрочных договоренностей в торгово-экономической сфере, а существующие носят фрагментарный, разрозненный и неуниверсальный характер[240].

---

[235] Носов М. Г. Россия в контексте китайского проекта «Один пояс – один путь». Статья первая. // Современная Европа. – 2020. – № 5(98). – С. 33-45.

[236] Quah D. The Global Economy’s Shifting Centre of Gravity. // Global Policy. – 2011. – Volume 2. Issue 1. – Pp. 3-9.

[237] Entin M., Entina E. The New Role of Russia in the Greater Eurasia. // Strategic Analysis. – 2016. – № 40(6). – Pp. 590-603.

[238] Мясникович М.В., Ковалёв В.С. Миссия ЕАЭС-2025: региональный центр экономического развития и опора Большой Евразии. // Наука и инновации. – 2021. – № 1(215). – С. 4-11.

[239] Новиков Д.П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России. // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13. № 3. – С. 82-96.

[240] Мясникович М.В., Ковалёв В.С. Миссия ЕАЭС-2025: региональный центр экономического развития и опора Большой Евразии. // Наука и инновации. – 2021. – № 1(215). – С. 4-11.

По мере того, как ЕАЭС трансформировался из теоретического концепта в ежедневную экономическую реальность его государств-членов и заметный субъект на мировой карте, на повестке дня встал логичный вопрос: каким видится будущее евразийского мегапроекта[241]?

Пандемия COVID-19 стала настоящим катализатором глобальных проблем, наглядно продемонстрировав, насколько неустойчива существующая модель мировой экономики и торговли. Еще больше усилились системные признаки кризисных тенденций, такие как нарастание протекционизма, стремление перехода от кооперационной повестки к обособленному развитию. В таких условиях «отстроить» новый миропорядок в Большой Евразии вполне по силам именно Евразийскому союзу.

Надлежащий торгово-экономический фундамент уже подготовлен. За последнее время произошли существенные корректировки торговых балансов ЕАЭС: объемы товарооборота между ЕАЭС и странами АТЭС и его доля в торговом обороте постоянно увеличиваются, в то время как показатели взаимной торговли с Европейским союзом стабильно падают. Для примера, по итогам 2021 года объемы торговли с двумя ключевыми партнерами были примерно схожи (ЕС – 38,99%, АТЭС – 35,59%), хотя еще в 2015 году разница составляла более 19% в пользу ЕС[242]. При этом отдельно растет торговля ЕАЭС с Китаем: ее доля увеличилась более чем на 6% по сравнению с 2015 годом (19,73% против 13,61%)[243], что сопоставимо с суммарными показателями по трем ключевым европейским партнерам (Германия, Нидерланды, Италия). Рост торговли с КНР в абсолютных цифрах составил 87,6 млрд долл. (или 131%)[244]. Таким образом,

---

[241] Entin M., Entina E. The New Role of Russia in the Greater Eurasia. // Strategic Analysis. – 2016. – № 40(6). – Pp. 590-603.

[242] По данным официальной статистики ЕЭК. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2021/12/E202112_2_1.pdf (дата обращения: 21.03.2022).

[243] Там же.

[244] Там же.

Евразийский союз получил равноценные торговые балансы с ключевыми экономическими полюсами. И эта тенденция будет все больше смещаться, очевидно, именно в пользу азиатского вектора. На долю стран СНГ, не входящих в ЕАЭС, приходится, в свою очередь, 5,07% от внешнего товарооборота Союза[245].

На сегодняшний день под БЕП понимается сеть диалогов между ключевыми игроками в Евразии не только из числа крупнейших национальных экономик, но и региональных экономических объединений, выстроенная путем сопряжения транспортно-логистических, энергетических, цифровых комплексов, совместных инфраструктурных и производственно-инновационных проектов и институтов.

В этой связи ЕАЭС обладает очевидным потенциалом для масштабирования в рамках БЕП накопленного опыта и собственного видения дальнейшего развития, являясь одним из наиболее продвинутых с институциональной точки зрения объединением.

В то же время углубление евразийской интеграции требует постоянного совершенствования внутренней правовой системы ЕАЭС, что возможно только в том случае, если она будет оставаться в определенной степени открытой и восприимчивой к тенденциям окружающего правового мира. Решение данной задачи видится в создании в рамках Большого Евразийского партнерства сбалансированной регуляторной модели.

Такая модель может быть создана на базе внутреннего и внешнего правового регулирования Союза как трансрегиональное право, представляющее собой взаимодополняющую комбинацию национального, наднационального (права ЕАЭС) и международного права, базирующуюся на принципе интегрированности. Это позволит избежать возможных противоречий и коллизий разноуровневых правовых порядков, создав более прогрессивный правовой режим. Эффективным инструментом его создания как раз и является международная правосубъектность

---

[245] По данным официальной статистики ЕЭК. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2021/12/E202112_2_1.pdf (дата обращения: 21.03.2022).

ЕАЭС, посредством реализации которой может быть создано ядро трансрегионального права.

Евразийский экономический союз уже достиг вполне заметных измеряемых успехов в правовом и организационном конструировании Большого Евразийского партнерства.

С одной стороны, сформирована и продолжает формироваться сеть соглашений о свободной торговле и торгово-экономическом сотрудничестве, формализованы отношения с отдельными странами Евразии (например, Грецией, Монголией, Камбоджой, Сингапуром, Бангладеш, Иорданией, Таиландом, Индонезией) в формате меморандумов[246]. Данный вопрос был весьма детально рассмотрен нами во второй главе диссертации, сформулированы соответствующие предложения.

С другой стороны, выстраивается и правовой фундамент взаимодействия с ключевыми многосторонними организациями и объединениями региона (ШОС, АСЕАН, СНГ), обеспечивается сопряжение евразийской интеграции и китайской инициативы «Один пояс, один путь».

[246] Глазьев С.Ю. Как построить Большое евразийское партнерство? // ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика. – 2021. – №15(3). – С. 9-14.

§ 4.1. Правовой каркас БЕП: ЕАЭС – АСЕАН (АТР) – ШОС – СНГ.

Горизонтальное взаимодействие на треке «ЕАЭС – АСЕАН – ШОС» получило полномасштабную политическую поддержку. В Совместном заявлении, принятом по итогам IV Саммита Россия – АСЕАН 28 октября 2021 года, отмечено намерение сторон «изучать возможности практического сотрудничества по представляющим взаимный интерес вопросам между АСЕАН, Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Шанхайской организацией сотрудничества; признавать важное значение, которое Россия придает укреплению трансрегионального партнерства в Евразии, как предусмотрено инициативой Большого Евразийского партнерства»[247].

ЕАЭС-АСЕАН (АТР)

Важнейшим вектором создания архитектуры Большой Евразии представляется правовая синхронизация евразийской интеграции и процессов регионализации в динамичном Азиатско-Тихоокеанском регионе, ключевым многосторонним форматом которого в течение длительного времени является Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

Между Евразийской экономической комиссией и АСЕАН установлено взаимодействие посредством меморандума[248], идет реализация совместного план действий до 2025 года.

Именно вокруг ядра АСЕАН происходит дальнейшее развитие интеграционных процессов в АТР. Так, несмотря на COVID-19, в 2020 году были завершены переговоры о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли – Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), объединившего 10 стран АСЕАН, а также Австралию, КНР, Новую Зеландию,

---

[247] Совместное заявление 4-го саммита Россия – АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона от 28 октября 2021 года. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/supplement/5725 (дата обращения: 30.03.2022).

[248] Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества. Подписан 14 ноября 2018 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01519988/ms_22112018 (дата обращения: 28.03.2022).

Республику Корея и Японию. Соответствующее соглашение заработало с 1 января 2022 года[249]. Суммарное ВВП участников ВРЭП составляет порядка 26 трлн долл. (около 30% мирового ВВП), доля в мировой торговле превышает 25%, а общий рынок охватывает более 2,3 млрд чел.[250], что оставляет далеко за спиной все существующие интеграционные объединения и торговые союзы, включая ЕС, USMCA (обновленная версия НАФТА), Меркосур, Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (далее также – ВПТТП).

Большой потенциал ВРЭП связан и с принципиально новым форматом консолидации ключевых игроков[251]. Его основная цель – создать условия для наращивания внутрирегиональной торговли и промышленной кооперации, повысить конкурентоспособность производимых товаров на внешних рынках[252].

Анализируя текст самого соглашения, можно сделать вывод о том, что ВРЭП представляет собой классическую зону свободной торговли, лишенную каких-либо элементов более продвинутого интеграционного проекта:

– Наибольшее значение имеет унификация правил определения страны происхождения товаров. Это ключевой фактор создания новых цепочек добавленной стоимости в регионе.

– В течение 20 лет будут снижены тарифы примерно на 92% всех оборачиваемых товаров. Большинство участников ВРЭП уже имеют действующие торговые соглашения друг с другом. Поэтому либерализация в основном затронет пары Китай – Япония, а также Япония – Республика Корея,

---

[249] RCEP Agreement enters into force. // ASEAN Official Website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asean.org/rcep-agreement-enters-into-force (дата обращения: 28.01.2022).

[250] По данным статистики Всемирного банка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://data.worldbank.org (дата обращения: 14.10.2021); По данным информационный базы UN Comtrade. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://comtrade.un.org/data (дата обращения: 14.10.2021).

[251] Entin M., Galushko D., Kovalev V. New Trade and Economic Regionalism: a Space of Opportunities in Greater Eurasia. // InterEULawEast. – 2021. – № 8 (2). – Pp. 161-174.

[252] Flach L., Hildenbrand H., Teti F. The Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement and Its Expected Effects on World Trade. // Intereconomics. – 2021. – V. 56. № 2. – Pp. 92-98.

которые ранее не имели подобных соглашений между собой, но при этом являются значимыми партнерами.

– ВРЭП покрывает 65% видов услуг согласно классификатору ООН. Откатиться к прежнему уровню защиты того или иного сектора будет невозможно после принятия мер по его либерализации.

– Гармонизация и взаимное признание соответствия СФС-мер и технических стандартов обеспечат транспарентность рынка. В частности, импортирующая сторона должна будет признать эквивалентным требования экспортера, если они отвечают тем же целям и задачам, что и меры импортера.

– Отдельное внимание уделено упрощению таможенных процедур, режима инвестиций, защиты интеллектуальной собственности и электронной коммерции (переход на безбумажное взаимодействие с таможенной администрацией и широкое использование электронной цифровой подписи).

– Отсутствуют требования по защите окружающей среды и трудовых прав, а также какое-либо регулирование деятельности госпредприятий[253].

Теперь постараемся ответить на вопрос, в чем интерес Евразийского союза к ВРЭП и какую добавленную стоимость проекту Большой Евразии может принести синергия двух достаточно разных объединений.

Начнем с того, что сегодня на долю стран-участниц ВРЭП приходится почти треть всей внешней торговли ЕАЭС[254].

Во-вторых, уже наработана определенная нормативно-правовая база сотрудничества (имеем в виду рассмотренные выше соглашения с Вьетнамом, КНР, Сингапуром, прорабатываемое соглашение с Индией, Индонезией, меморандум с АСЕАН). Следовательно, переход на всеобъемлющий характер

---

[253] Entin M., Galushko D., Kovalev V. New Trade and Economic Regionalism: a Space of Opportunities in Greater Eurasia. // InterEULawEast. – 2021. – № 8 (2). – Pp. 161-174.

[254] По данным официальной статистики ЕЭК. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2021/12/E202112_2_1.pdf (дата обращения: 21.03.2022).

отношений, который покроет уже существующие форматы и позволит расширить и углубить их, является потенциально выгодным.

Однако нужно заранее просчитать все «узкие места». Например, по различным оценкам, в случае заключения преференциальной сделки ЕАЭС – ВРЭП спад выпуска внутри Союза может наблюдаться в таких отраслях, как машиностроение (автотранспортные средства и запчасти), легкая промышленность (текстиль, одежда, изделия из кожи), химическая промышленность (химические, резиновые и пластиковые изделия), пищевая промышленность[255]. Это нужно учитывать и играть на опережение.

Полагаем, что наиболее перспективным является зонтичный подход к формализации отношений со всем Азиатско-Тихоокеанским регионом, включая ВРЭП и другой региональный гигант – Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (здесь пока еще нет Китая и Республики Корея, но есть, например, Мексика, Перу и Чили). ВПТТП в большей степени направлено на разработку стандартов высокого уровня, в том числе в неохваченных ВРЭП сферах. Например, в данном соглашении содержаться нормы, применимые к трудовым отношениям и природоохранным вопросам. Предложен независимый арбитражный механизм разрешения торговых споров, высокие стандарты применяются к охране интеллектуальной собственности[256].

В данном случае только с учетом обнуления тарифных и снижения нетарифных барьеров ВВП России может, по различным экспертным оценкам, в долгосрочной перспективе вырасти от 0,74% до 1,32%, а ВВП Казахстана – от 0,92 до 1,72 процентных пунктов. Эффекты для армянской, белорусской и кыргызстанской экономик также будут иметь место[257].

---

[255] См., например: Изотов Д.А. Влияние торговых мегаформатов в АТР на российский экспорт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. – 14. – № 1. – С. 41-55.

[256] Entin M., Galushko D., Kovalev V. New Trade and Economic Regionalism: a Space of Opportunities in Greater Eurasia. // InterEULawEast. – 2021. – № 8 (2). – Pp. 161-174.

[257] См., например: Мониторинг актуальных событий в области международной торговли № 29 от 22 мая 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vavt-imef.ru/analytics/monitoring/current-events-in-the-field-of-international-trade-№29 (дата обращения: 21.10.2021); Кнобель А.Ю., Седалищев В.В. Риски и выгоды для ЕАЭС

Однако совсем иного эффекта масштаба можно достичь при построении всеобъемлющей зоны свободной торговли (ЗСТ+). В рамках данной работы крайне важно исходить из следующих постулатов:

1. Обеспечить продвижение собственных евразийских подходов, по которым уже наработана позитивная практика внутри Союза: таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, а также техническое регулирование, СФС-меры и так далее. Это позволит достичь бесшовности торговли на понятных и комфортных для евразийского бизнеса принципах, развить экспортный потенциал ЕАЭС.

Пока что доля внешней торговли ЕАЭС составляет только около 2% от мировой, а ЕАЭС является торговым партнером №1 для Узбекистана, входит в топ-3 во внешней торговле Турции, Финляндии, Литвы, Сербии, Эстонии, Азербайджана, Монголии, Грузии, Молдовы. В то же время, например, ЕС является торговым партнером №1 для 74 стран мира, Китай – для 66, США – для 31[258].

2. Предусмотреть в рамках соглашения необходимую базу для сотрудничества в сфере промышленной кооперации, инфраструктурных и логистических проектов, а также механизмы их финансирования. То есть не замыкаться исключительно на торговле, а планировать полномасштабное экономическое сотрудничество как минимум на среднесрочную перспективу.

3. Реализовать на практике предложенные нами во второй главе диссертационного исследования новации правового регулирования внешнеэкономической деятельности Союза.

Например, расширить внешнеторговую компетенцию ЕАЭС до вопросов торговли услугами, установления режима инвестиций, климатической повестки.

от различных сценариев интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. // Экономическая политика. – 2017. – Т. 12. № 2. – С. 72–85; ЕАЭС и АСЕАН: открывая новые горизонты сотрудничества: Аналитический доклад / Т.М. Алиев, М.А. Баева, К.Н. Боргоякова, Е.С. Гущин, П.А. Доронин, О.Д. Исмагилова, А.Ю. Кнобель, О.В. Пономарева, К.А. Прока, М.Г. Пташкина, Н.С. Пыжиков, А.Н. Соколянская, Н.В. Стапран, Т.А. Флегонтова. Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России – М., 2017. – 229 с.

[258] Мясникович М.В., Ковалёв В.С. Практические результаты и новые горизонты евразийской интеграции. // Международная жизнь. – 2021. – № 11. – С. 4-15.

Все ключевые многосторонние торговые сделки сегодня включают в свой контур данные позиции.

При этом действовать нужно оперативно, ведь осязаемый интерес к АТР уже проявляют как Евросоюз, так и, например, Великобритания, а параллельно с экономической интеграцией в регионе набирает обороты инициируемое США сотрудничество в политической сфере и в области безопасности (например, AUKUS, QUAD, «Five Eyes», «Blue Dot Network»), призванное сдерживать растущее влияние новых центров силы[259].

Следует повысить роль Евразийской экономической комиссии, которая должна стать основным переговорщиком по предложенному всеобъемлющему соглашению, обеспечивая тем самым баланс интересов государств-членов и Союза и реализуя закрепленную за ним международную правосубъектность.

В случае заключения предложенного соглашения созданный им правовой режим станет практическим примером евразийского трансрегионального права. С одной стороны, в его основе будет лежать международный договор. С другой стороны, его содержание будет представлять собой комбинацию наднационального права (правовой режим ЕАЭС), национального права государств ВРЭП и ВПТТП и международного права (на основе которого созданы данные торговые форматы).

ЕАЭС-ШОС

17 сентября 2021 года на полях юбилейного Саммита глав государств Шанхайской организации сотрудничества в г. Душанбе подписан Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Секретариатом ШОС.

Данный документ направлен не только на торговое измерение сотрудничества, но и предполагает кооперацию в сфере транспорта, цифровизации и информационно-коммуникационных технологий, таможенной политики,

[259] Entin M., Galushko D., Kovalev V. New Trade and Economic Regionalism: a Space of Opportunities in Greater Eurasia. // InterEULawEast. – 2021. – № 8 (2). – P. 161-174.

энергетики, промышленного и агропромышленного комплекса, финансов и другое[260]. По словам Президента России В.В. Путина, «это, безусловно, идёт в русле реализации российской идеи создания Большого Евразийского партнерства…Стыковка различных интеграционных процессов, развивающихся в Евразии, и формирование в этом огромном регионе общего пространства, открытого, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества отвечает интересам всех наших стран» [261].

Обратим внимание на то, что мандат ШОС существенно выходит за рамки экономического сотрудничества, предполагая в том числе взаимодействие по вопросам безопасности, культуры и гуманитарным вопросам. В структуре ШОС функционирует Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС.

Посредством работы с ШОС ЕАЭС в перспективе открывает для себя определенные международные возможности для развития новых сфер экономической кооперации, таких как образование, здравоохранение, спорт, туризм, что предусмотрено Стратегией-2025, а также может вести диалог по вопросам экономической безопасности.

Весьма актуальным представляется возможный перевод сотрудничества на более высокий уровень путем заключения в будущем экономического соглашения между ЕАЭС и ШОС по вопросам валютно-финансового партнерства, что станет еще одним примером евразийского трансрегионального права. В данном документе могли бы найти свое отражение аспекты взаиморасчетов и ценообразования на биржевые товары в национальных валютах, создания евразийской платежно-расчетной системы, и, как результат, единого платежного пространства. Данные вопросы затрагивались на встрече Председателя Коллегии

---

[260] Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества. Подписан 17 сентября 2021 года.

[261] Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Совета глав государств – членов ШОС 17 сентября 2021 года. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/66706 (дата обращения: 27.03.2022).

ЕЭК М.В. Мясниковича и Генерального секретаря ШОС Чжан Мина 19 мая 2022 года[262]. Не оставляют их без внимания и представители научного сообщества[263].

Обратим внимание на то, что на сегодняшний день упомянутые вопросы не входят в круг непосредственной компетенции ШОС, однако в Стратегии развития ШОС до 2025 года содержатся положения о намерении государств-членов организации продолжить «укрепление взаимовыгодного сотрудничества в банковско-финансовой сфере, обмениваться передовым опытом и информацией, прилагать усилия в целях формирования благоприятных условий для развития рынка финансовых услуг и привлечения инвестиций, совершенствования платежно-расчетных и иных финансово-экономических отношений в рамках ШОС»[264].

В свою очередь, в Евразийском экономическом союзе утверждена Концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС[265], создание которого предполагается завершить к 2025 году. Представляется, что при проведении данной работы следует учитывать и перспективное объединение потенциалов общих финансовых рынков с заинтересованными международными партнерами. В этих целях уже сегодня целесообразно принять решения о создании своего рода консультативной группы по данным вопросам в формате ЕАЭС-ШОС.

Стоит напомнить, что еще в 2006 году Первый Президент Казахстана – Елбасы Н.А. Назарбаев назвал тремя составляющими будущего евразийства, наравне

---

[262] Михаил Мясникович провел встречу с Генеральным секретарем ШОС Чжан Мином. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/mikhail-myasnikovich-provel-vstrechu-s-generalnym-sekretarem-shos-chzhan-minom-/ (дата обращения: 20.05.2022).

[263] См., например: Панова Г.С. Финансовая интеграция стран ЕАЭС – ШОС. // Постсоветский материк. – 2018. – №3 (19). – С.71-83; Глазьев С.Ю. Как построить Большое евразийское партнерство? // ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика. – 2021. – №15(3). – С. 9-14.

[264] Стратегия развития Шанхайской Организации Сотрудничества до 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sco-russia.ru/load/1013640805 (дата обращения: 21.05.2022).

[265] Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза. Утверждена решением Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 года №20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dofp/Documents/Концепция%20ОФР.pdf (дата обращения: 21.05.2022).

с ЕврАзЭС *(прим. – предшественник ЕАЭС)* ШОС и СВМДА *(прим. – Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии)*[266]. С последней структурой ЕАЭС также уже приступил к правовой формализации отношений[267].

ЕАЭС-СНГ

В текущих условиях важным направлением является активизация взаимодействия ЕАЭС и СНГ в рамках действующих механизмов. Необходимо обратить внимание и на то, что в рамках СНГ функционирует зона свободной торговли, созданная посредством подписания соответствующего договора 18 октября 2011 года и объединяющая как государства-члены ЕАЭС, так и, например, Молдову, Таджикистан и Узбекистан.

Между ЕЭК и Исполнительным комитетом СНГ действует меморандум об углублении взаимодействия[268], который предусматривает сотрудничество в сферах таможенного регулирования, прослеживаемости и маркировки товаров средствами идентификации, государственных закупок, защиты прав потребителей, цифровой экономики, внешней торговли, конкурентной политики и антимонопольного регулирования, а также санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер.

---

[266] Лекция Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в Евразийском Национальном Университете им. Л.Н. Гумилева «К экономике знаний через инновации и образование 26 мая 2006 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30056564&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения: 28.03.2022).

[267] ЕЭК и Секретариат Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии намерены заключить Меморандум о взаимодействии. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/eek-i-sekretariat-soveshchaniya-po-vzaimodeystviyu-i-meram-doveriya-v-azii-namereny-zaklyuchit-memor (дата обращения: 22.03.2022).

[268] Меморандум об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств. Подписан 27 ноября 2018 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01520290/ms_20122018 (дата обращения: 21.01.2022).

В его развитие реализуется план соответствующих мероприятий[269]. В апреле 2021 года создана рабочая группа по сопряжению права ЕАЭС и договорно-правовой базы СНГ[270]. Данная работа позволит исключить возникновение правовых коллизий и будет содействовать углублению нормотворческого сотрудничества двух объединений, что также представляет собой инструментарий конструирования единой трансрегиональной правовой системы в Евразии, важнейшей характеристикой которой является непротиворечивость.

Помимо этого, необходимо уделять внимание и работе ЕАЭС с отдельными странами СНГ, не входящими в Союз. Практический интерес для них может представлять статус государства-наблюдателя при Союзе, которым уже обладает Узбекистан. Евразийская экономическая комиссия проводит соответствующую работу, например, на Азербайджанском и Таджикистанском направлениях[271].

---

[269] ЕЭК и Исполком СНГ подписали план сотрудничества на 2021–2022 годы. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/05-02-2021-07.aspx (дата обращения: 21.01.2022).

[270] Мясникович М.В., Ковалёв В.С. Практические результаты и новые горизонты евразийской интеграции. // Международная жизнь. – 2021. – № 11. – С. 4-15.

[271] Лекция Председателя Коллегии ЕЭК М.В. Мясниковича в МГИМО МИД России «ЕАЭС: эффективность – ответы на вызовы и угрозы». // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/speech/lekciya-predsedatelya-kollegii-eek-mv-myasnikovicha-v-mgimo-mid-rossii-eaes-effektivnost--otvety-na-vyzovy-i-ugrozy (дата обращения: 23.03.2022)

§ 4.2. Сопряжение евразийской интеграции и китайской инициативы «Один пояс, один путь».

Важным компонентом построения Большого Евразийского партнерства можно назвать полноценное сопряжение евразийского интеграционного проекта с китайской инициативой «Один пояс, один путь» (далее также – ОПОП).

Проект «Новый Шелковый путь», позднее переименованный в «Один пояс, один путь» был объявлен Председателем КНР С. Цзиньпином в сентябре 2013 года, а на XIX съезде Компартии КНР в 2017 году окончательно укоренился как ключевой элемент китайской внешней политики – многовекторная, многоуровневая и многомерная дипломатическая концепция[272].

В рамках ОПОП КНР уделяет большое внимание инвестиционному компоненту. Для целевого финансирования созданы Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового Пути. Организуются субфонды с местными структурами для финансирования региональных программ, привлекается частный бизнес.

Несмотря на то, что китайское руководство не ставило задачи достижения правовой интеграции в рамках проекта «Один пояс, один путь», участие в нем предполагает подписание таких документов, как, например, меморандум о намерениях, совместное заявление или декларация о сотрудничестве с китайской стороной. Данные документы не являются юридически обязательными, а в большей степени имеют политическое значение.

Из всех государств-членов ЕАЭС только Казахстан подписал с КНР декларацию о сотрудничестве в рамках ОПОП в 2015 году. Российская Федерация, в свою очередь, продвигает сопряжение Евразийского союза и «Одного пояса, одного пути» в интеграционном формате взамен двустороннему треку. Такой подход был изложен, как отмечено нами во второй главе диссертации, в Совместном заявление Российской Федерации и Китайской Народной

[272] Носов М. Г. Россия в контексте китайского проекта «Один пояс – один путь». Статья первая. // Современная Европа. – 2020. – № 5(98). – С. 33-45.

Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 года.

Схожей позиции придерживается и Республика Беларусь. В рамках II Форума международного сотрудничества «Пояс и путь», состоявшегося в КНР в апреле 2019 года, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко заявил: «Если мы хотим расширить наше экономическое сотрудничество, придать мощный импульс развитию экономик, нам необходимо более результативно работать над устранением всех видов барьеров. Но делать это только на территории отдельно взятого государства – все равно что в большом городе на одном перекрёстке ликвидировать автомобильную пробку. Ты просто быстрее доедешь до следующей. Наша общая задача – координация действий стран на всём протяжении Пояса и Пути… Сильный преодолеет преграду, мудрый – весь путь».

Правовой основой сопряжения евразийской интеграции и ОПОП является подписанное 17 мая 2018 года Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с КНР. Как отметил академик РАН С.Ю. Глазьев, «сопряжение ЕАЭС и ОПОП – это сочетание единого экономического пространства и общих проектов инфраструктурного строительства, институтов развития, совместных программ торгово-экономического, научно-технического, производственного и гуманитарного сотрудничества, совместных инвестиций в целях устойчивого и гармоничного развития участвующих государств в интересах роста благосостояния и процветания их народов. С конкретно практической точки зрения сопряжение также можно трактовать как деятельность по интеграции ЕАЭС и ОПОП посредством реализации совместных инвестиционных проектов, расширения взаимной торговли, соединения платежных систем, стыковки транспортной, энергетической, информационной инфраструктуры, по формированию общего рынка товаров и услуг посредством гармонизации норм его регулирования, устранению трансграничных торговых барьеров и валютных ограничений, развитию производственной и научно-технической кооперации, созданию совместных производств, организации общих институтов и коридоров развития.

Сопряжение ЕАЭС и ОПОП строится на основе норм международного права, уважения национальных суверенитетов, общих интересов и взаимовыгодного сотрудничества»[273].

К сожалению, на сегодняшний день взаимодействие ЕАЭС и КНР слабо трансформируется в реальные межгосударственные проекты. В этой связи ЕЭК выдвинуты предложения о создании управляющих компаний[274] (или консорциумов[275]) по оптово-распределительным и логистическим проектам, общим энергетическим рынкам и так далее.

Одним из приоритетных вопросов сопряжения является интенсификация инвестиционной составляющей. Это требует усиления евразийских институтов развития, они должны стать реальной движущей силой интеграции внутри Союза и инструментом продвижения союзных инициатив в регионе. Полезным было бы и подключение крупных государственных и частных корпораций и компаний, инвестиционных фондов. Софинансирование совместных проектов со стороны финансовых институтов ОПОП и ЕАЭС будет иметь конкретный положительный эффект[276].

Изложенный проектный подход требует дальнейшего нормативно-правового оформления. В этой связи полагаем весьма актуальной инициативу создания единой евразийской торговой платформы[277]. Для ее проработки можно было бы

---

[273] Глазьев С.Ю., Архипова В.В., Агеев А.И., Ершов М.В., Митяев Д.А., Нагорный А.А., Вэнь В., Цинцин Я., Росс Д., Чжаоюй Г., Тинтин Ч. Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс – один путь» в представлениях Китая и России. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – №3. – С. 13-30.

[274] Мясникович М.В., Ковалёв В.С. Практические результаты и новые горизонты евразийской интеграции. // Международная жизнь. – 2021. – № 11. – С. 4-15.

[275] Глазьев С.Ю. Как построить Большое евразийское партнерство? // ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика. – 2021. – №15(3). С. 9-14.

[276] Мясникович М.В., Ковалёв В.С. Миссия ЕАЭС-2025: региональный центр экономического развития и опора Большой Евразии. // Наука и инновации. – 2021. – № 1(215). – С. 4-11.

[277] Мясникович М.В., Ковалёв В.С. Практические результаты и новые горизонты евразийской интеграции. // Международная жизнь. – 2021. – № 11. – С. 4-15.

задействовать потенциал совместной комиссии в рамках действующего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве с КНР.

Такая платформа может предполагать структурированный набор сервисов по имплементации действующей регуляторики (заключение договоров в цифровом формате (смарт-контракты), электронный обмен юридически значимыми документами и информацией с учетом вовлечения уже реализуемых в ЕАЭС направлений работы в сфере таможенного сотрудничества, электронной торговли, цифровой повестки Союза и так далее.

Разработку проекта открытого международного договора о евразийской торговой платформе вполне могла бы взять на себя в инициативном порядке Евразийская экономическая комиссия. Это стало бы примером зрелости наднационального института и его готовности к более активной самостоятельной роли в контексте реализации международной правосубъектности ЕАЭС.

К согласованному и апробированному на первом этапе в двустороннем формате «ЕАЭС – КНР» проекту могли бы затем присоединиться и другие заинтересованные партнеры, например, из числа тех, с кем ЕАЭС сейчас ведет торговые переговоры. Это стало бы прообразом региональной торговой системы и значительным вкладом в создание трансрегионального права в рамках идеи Большого Евразийского партнерства.

Текущее взаимодействие ЕАЭС с АСЕАН, ШОС, СНГ, а также работа по сопряжению ЕАЭС и ОПОП на основе заключенных посредством реализации международной правосубъектности Союза документов представляет собой весомый вклад в построение первичного правового каркаса Большого Евразийского партнерства. Однако все это напоминает в большей степени, говоря дипломатическим языком, «протоколы о намерениях», чем конкретные решения.

В дальнейшей работе следует обеспечить скорейшее достижение юридически обязательных договоренностей и начать их практическую реализацию. Работать нужно с теми, кто уже готов и согласен. В случае создания первого примера трансрегиональной регуляторики на евразийском пространстве присоединение

к ней новых участников будет опосредовано конкретными выгодами данного проекта и мультипликационным эффектом.

Эксперты отмечают, что «ценности Большого Евразийского партнерства соответствуют краеугольным нормам и принципам международного права, что имеет существенное значение, так как действия отдельных стран в последние годы бросили серьезный вызов самим международно-правовым устоям современного миропорядка»[278].

Идеологическим стержнем БЕП является создание условий для максимально равноправного и демократичного участия всех заинтересованных стран и объединений от Атлантики до Тихого океана, включая и Европейской союз. А предложенная в рамках настоящей главы модель трансрегионального права, создание которой опосредованно действующими и перспективными механизмами реализации международной правосубъектности ЕАЭС, способна в полной мере придать столь необходимое новое звучание современному международному праву, которое находится в очевидном кризисе[279].

[278] Барский К. М., Красильников С. Р., Михневич С. В. Продвигая инициативу Большого Евразийского партнерства: совпадение интересов государств, бизнеса и международных институтов. // Международная жизнь. – 2021. – № 10. – С. 1-19.

[279] Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Обратное в юридическое средневековье? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – №2. – С.35-43.

Заключение.

В рамках диссертационного исследования достигнуты следующие результаты:

1. Выявлено, что различия в правовой природе международной (межправительственной) организации и международного (межгосударственного) интеграционного объединения связаны с возлагаемыми на них задачами и характером их полномочий.

Международные организации обеспечивают сотрудничество между своими государствами-членами и для этого наделяются дополнительными (не входящими в государственные) полномочиями. Следовательно, отношения между этими государствами продолжают осуществляться исключительно на основе норм международного права.

Интеграционные объединения выступают едиными образованиями и с этой позиции регулируют не только вопросы своего внутреннего функционирования, но и взаимодействие с третьими странами, иными интеграционными структурами или международными организациями. В этих целях в их адрес государства-члены передают часть сугубо внутригосударственных полномочий, что предполагает их реализацию как внутри объединения (непосредственно на территории государств-членов), так и на внешнем контуре на основе собственной воли. Международное право (посредством соответствующего международного договора) в данном случае только создает интеграционные объединения. Отношения же в рамках них по переданным на наднациональный уровень предметам ведения начинают регулироваться совместно создаваемым правом, постепенно вытесняющим право национальное.

2. Доказано, что правосубъектность классических международных организаций и интеграционных объединений строится на формально схожих основополагающих критериях, но разительно отличается с точки зрения своего содержания: задачами, для решения которых происходит наделение интеграционных объединений международной правосубъектностью, и механизмами ее реализации.

Основная функциональная нагрузка международных организаций приходится на решение уставных задач, находящихся в территориальных пределах данной организации. В целях обмена опытом и информацией международные организации взаимодействуют и с иными субъектами международного права, однако это является их не основной, а «факультативной» задачей. Как результат, правосубъектность международных организаций нацелена на обеспечение сотрудничества входящих в них государств по заданному предмету ведения.

Основной задачей, которую решают интеграционные объединения посредством переданной им правосубъектности, является совместное регулирование взаимодействия с третьими сторонами и создание тем самым условий для укрепления внутреннего потенциала таких объединений. Учитывая тот факт, что интеграционные объединения имеют в своей основе первоочередную цель синхронизации экономических потенциалов их государств-членов, то и на внешнем контуре речь преимущественно идет о совместном регулировании внешнеэкономической деятельности с третьими сторонами.

Основной механизм – юридически обязывающие соглашения по данному предмету, а также юридически значимые действия в рамках многосторонних площадок. Ключевая роль по их подготовке, реализации и имплементации при этом отводится наднациональным институтам. А возникающие в результате обязательства относятся к интеграционному объединению в целом.

3. Установлено, что интеграционные процессы ведут к созданию особой конструкции, сочетающей в себе как отдельные свойства международной организации, так и в большем количестве признаки национального государства, и характеризующейся рядом критериев, среди которых:

– обособленная система управления, опирающаяся на наднациональные органы, принимающие независимые решения прямого действия и не только на основе «консенсуса», но и путем альтернативного голосования;

– собственная правовая система и единое юрисдикционное пространство, функционирование которых обеспечивается единым правоприменением и тесным сотрудничеством наднационального и национальных судов;

– широкий круг компетенции, переданный на наднациональный уровень, предполагающий реализацию соответствующих полномочий как внутри объединения, так и на внешнем контуре во взаимодействии с третьими сторонами на основе собственной воли и другие.

В совокупности данных критериев речь идет о конституционализации и, как следствие, переносе конституционных теорий с национального уровня на наднациональный. Это ведет к трансферту элементов государственного суверенитета в целях формирования у интеграционного объединения особого свойства или характеристики – прообраза «интеграционного суверенитета».

В свою очередь, международная организация не может возвышаться над суверенными государствами и, следовательно, никакие её полномочия не могут превосходить суверенные полномочия входящих в нее государств.

4. Аргументировано, что сегодня наблюдается фактическая трансформация ЕАЭС из международной организации в интеграционное объединение, на что указывают четкие элементы наднациональности в его правовой природе (собственная правовая система, в рамках которой совместно создаваемое право вытесняет национальное право государств-членов в переданных на союзный уровень регулирования сферах; наличие наднациональных институтов (ЕЭК, Суд ЕАЭС); существенный объем наднациональной компетенции в рамках внутреннего функционирования, а также по ряду международных вопросов).

Правосубъектность Союза исходит исключительно из нормативного закрепления в Договоре о ЕАЭС и не предполагает использования концепции «подразумеваемых полномочий» в силу особенностей институциональной и правовой системы.

Среди механизмов реализации международной правосубъектности ЕАЭС можно выделить как относящиеся исключительно к практике интеграционных

объединений международные договоры (торговые соглашения), так и классические инструменты международных организаций (заключение меморандумов). При этом предоставление статуса государств-наблюдателей третьим странами и деятельность на многосторонних площадках в одинаковой степени свойственны и тем, и другим. Все это еще раз указывает на динамичный этап развития (трансформацию из международной организации в интеграционное объединение) Евразийского экономического союза.

На текущем этапе в ЕАЭС механизмы реализации международной правосубъектности уже предусматривают совместное регулирование внешнеэкономических отношений с третьими сторонами на основе собственного волеизъявления Союза. Промежуточный либо динамический характер трансформации ЕАЭС характеризуется тем, что, во-первых, самостоятельное волеизъявление Союза все еще ограничено весьма узкими полномочиями в международной сфере, а, во-вторых, реализуется параллельно с волеизъявлением его государств-членов (например, стороной внешнеторговых соглашений Союза являются и его государства-члены, страны Союза самостоятельно заключают соглашения, регулирующие вопросы торговли услугами и режима инвестиций, а также всеобъемлющие соглашения).

Дальнейшее развитие Евразийского экономического союза безусловно должно быть связано с углублением и укоренением наднациональных начал в его деятельности как на внешнем, так и на внутреннем контуре.

Предложено совершенствовать инструментарий международной правосубъектности Евразийского союза посредством следующих действий:

– расширения международной компетенции ЕАЭС (включая вопросы торговли услугами и режима инвестиций, климатической повестки);

– повышения роли наднациональных институтов ЕАЭС в проводимой работе (например, наделение «наднациональной части» ЕЭК – Коллегии Комиссии – правом инициирования заключения международного договора Союза с третьей стороной);

– устранения фрагментарности правового регулирования внешнеэкономической деятельности государств-членов и Союза в целом (путем поэтапных действий, начиная с введения обязательной нотификации двусторонних соглашений государств ЕАЭС с третьими странами в ЕЭК, а также закрепления за ЕЭК полномочий по подготовке ежегодных отчетов о соответствии данных документов Договору о ЕАЭС и праву Евразийского экономического союза в целом, предусмотрев последующее включение в Договор о ЕАЭС поправок, согласно которым в случае несоответствия положений соглашений государств-членов с третьими странами, заключаемых самостоятельно, положениям, установленным Договором о ЕАЭС и правом Союза в целом, применению подлежат именно последние. Полномочия по принятию окончательного решения целесообразно передать Суду Союза);

– расширения применения механизмов мягкого права, опосредующих правовое регулирование внешнего взаимодействия Союза;

– приобретения самостоятельного статуса ЕАЭС в международных организациях и многосторонних соглашениях (например, Генассамблея ООН, ВТамО, РКИК).

Соответствующие направления развития позволят Евразийскому союзу выйти на новый организационно-правовой уровень, а именно завершить трансформацию из международной организации в интеграционное объединение, что укрепит Союз как снаружи, так и изнутри. Реальное положение дел затем может быть закреплено формально путем внесения изменений в ст. 1 Договора о ЕАЭС.

5. Отмечено, что целостность и эффективность внутреннего рынка – фундамента Евросоюза – обеспечивается двойной системой правового регулирования: внутренний контур закрывается учредительными договорами и вторичным правом Евросоюза, а внешний – международными соглашениями, создающими внешние правовые режимы как интегральную часть внутреннего европейского права. В данных сферах совместное правовое регулирование преимущественно вытеснило одностороннее национальное.

Международная правосубъектности Европейского союза и его предшественников – Европейских сообществ – исходит как из прямого указания учредительных актов, так и из подразумеваемых полномочий, которые следуют из необходимости достижения целей таких актов.

Одним из наиболее действенных механизмов международной правосубъектности ЕС является возможность заключать торговые сделки, что также является и политическим инструментом для продвижения принципов и ценностей Евросоюза. Внешнеторговая политика ЕС отражает междисциплинарный характер внешних действий, предлагая широкий инструментарий механизмов реализации международной правосубъектности. Они относятся не только к вопросам наднациональной компетенции Союза в широком понимании, но и затрагивают аспекты ОВПБ. Особого внимания в контексте его международной правосубъектности заслуживает самостоятельный статус ЕС в международных организациях.

Комплексные походы изложены в новой Стратегии торговой политики ЕС, подготовленной Еврокомиссией и опубликованной в форме сообщения, адресованного Европейскому парламенту, Совету ЕС, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов, то есть акта мягкого права.

Вступая во взаимоотношения с Евросоюзом на тех же условиях и в тех же форматах, что и с независимыми государствами, международное сообщество признает не просто функциональную международную правосубъектность ЕС (как у международной организации), но и наличие у него нечто большего – определенного свойства – прообраза «интеграционного суверенитета», что предоставляет ему возможность полноценно и активно участвовать в международных отношениях и характеризует его как особый субъект международного права, что одновременно становится и фактором внутренней консолидации интеграционного объединения.

6. Выявлено, что инструменты мягкого права на сегодняшний день эффективно дополняют классический правовой инструментарий ЕС в сфере внешних действий и могут рассматриваться как механизмы опосредованной реализации международной правосубъектности ЕС в трех измерениях:

– мягкое право устанавливает детально описываемый порядок реализации правовых норм более высокого порядка, служащих его юридической основой;

– фиксирует основные содержательные установки для единообразного применения в рамках международных, в первую очередь, торговых переговоров и принятия юридически значимых решений на многосторонних площадках;

– создает необходимый уровень правовой и политической определенности как для государств – членов ЕС, так и для внешних партнеров.

В ЕАЭС инструменты мягкого права, как в рассматриваемой сфере, так и в целом, пока еще не получили надлежащего применения. Соответствующий механизм может активнее использоваться в правовой системе Евразийского союза при его «донастройке» с учетом особенностей и актуального этапа развития права ЕАЭС.

7. Отмечено, что Евразийский экономический союз является узловым звеном формирующегося Большого Евразийского партнерства. Представляя собой одно из наиболее продвинутых с институциональной точки зрения объединений, ЕАЭС обладает потенциалом для масштабирования в рамках БЕП накопленного опыта.

При этом углубление евразийской интеграции требует постоянного совершенствования внутренней правовой системы ЕАЭС, что возможно только в том случае, если она будет оставаться в определенной степени открытой и восприимчивой к тенденциям окружающего правового мира.

Решение данной задачи предложено путем создания в рамках Большого Евразийского партнерства открытой и сбалансированной регуляторной модели.

Такая модель может быть создана на базе внутреннего и внешнего правового регулирования Союза как трансрегиональное право, представляющее собой взаимодополняющую комбинацию национального, наднационального и

международного права. Это позволит избежать возможных противоречий и коллизий разноуровневых правовых порядков, создав более прогрессивный правовой режим. Эффективным инструментом создания данной модели является международная правосубъектность ЕАЭС, посредством реализации которой может быть создано ядро трансрегионального права.

В качестве практического примера трансрегионального права предложено заключение всеобъемлющего торгово-экономического соглашения (ЗСТ+) между ЕАЭС, Всесторонним региональным экономическим партнерством и Всеобъемлющим и прогрессивным транстихоокеанским партнерством. С одной стороны, в его основе будет лежать международный договор. С другой стороны, его содержание будет представлять собой комбинацию наднационального права (правовой режим ЕАЭС), национального права государств ВРЭП и ВПТТП и международного права (на основе которого созданы данные интеграционные форматы).

Другими примерами могут стать заключение экономического соглашения между ЕАЭС и ШОС по вопросам валютно-финансового партнерства, а также разработка открытого международного договора о создании единой евразийской торговой платформы в рамках сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь». Немаловажное значение с точки зрения конструирования евразийской трансрегиональной регуляторики должно быть отведено сопряжению права ЕАЭС и договорно-правовой базы СНГ.

В дальнейшей работе следует обеспечить скорейшее достижение юридически обязательных договоренностей и начать их практическую реализацию. В случае создания позитивных новаторких примеров трансрегиональной регуляторики присоединение к ней новых участников будет опосредовано конкретными выгодами данного проекта и мультипликационным эффектом.

Большое Евразийское партнерство предполагает создание условий для максимально равноправного и демократичного участия всех заинтересованных стран и объединений от Атлантики до Тихого океана, включая и Европейской союз. А предложенная модель трансрегионального права, создание которой

опосредованно действующими и перспективными механизмами реализации международной правосубъектности ЕАЭС, способна в полной мере придать столь необходимое новое звучание современному международному праву, которое находится в очевидном кризисе.

Таким образом, в результате диссертационного исследования в полной мере удалось установить источники, содержание и механизмы реализации международной правосубъектности ЕАЭС и ЕС, роль ЕАЭС и ЕС как субъектов международного права в современных условиях, а также выработать перспективные подходы регулирования соответствующей сферы в Евразийском экономическом союзе.

Список использованных источников.

Нормативно-правовые акты и иные документы Евразийского экономического союза:

1. Соглашение о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями. Подписано 14 мая 2018 года, вступило в силу 16 декабря 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417799/itia_16052018 (дата обращения: 18.12.2021).

2. Аналитический доклад «О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов «зеленой» экономики и концептуальных подходах в Евразийском экономическом союзе». // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/939/Doklad_Zelenaya_ekonomika_PDF_sayt.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

3. Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны. Подписано 17 мая 2018 года, вступило в силу 27 октября 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Interim%20Agreement%20EAEU-Iran_final.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

4. Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 18.02.2022).

5. Заявление об экономическом сотрудничестве государств-членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/966/Zayavlenie-ramka-.pdf (дата обращения: 16.02.2021).

6. Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза. Утверждена решением Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 года №20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dofp/Documents/Концепция%20ОФР.pdf (дата обращения: 21.05.2022).

7. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества. Подписан 17 сентября 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01430126/ms_20092021 (дата обращения: 21.03.2022).

8. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества. Подписан 14 ноября 2018 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01519988/ms_22112018 (дата обращения: 28.03.2022).

9. Меморандум об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств. Подписан 27 ноября 2018 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01520290/ms_20122018 (дата обращения: 21.01.2022).

10. Основные направление международной деятельности ЕАЭС на 2022 год. Утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 10 декабря 2021 года №20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01431074/err_21012022_20 (дата обращения: 18.03.2022).

11. Положение о Евразийской экономической комиссии. Приложение №1 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года,

вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 18.02.2022).

12. Положение о статусе государства – наблюдателя при Евразийском экономическом союзе. Утверждено Решением Высшего Евразийского экономического совета от 14 мая 2018 года №9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417792/scd_16052018 (дата обращения: 18.03.2022).

13. Порядок осуществления Евразийским экономическим союзом международной деятельности. Утвержден Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года №99. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635551006672796548.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

14. Рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Республикой Сингапур. Подписано 1 октября 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%a1%d0%b8%d0%bd%d0%b3%d0%b0%d0%bf%d1%83%d1%80/EAEU-Singapore%20Framework%20Agreement.pdf (дата обращения: 18.02.2022).

15. Распоряжение Коллегии ЕЭК № 150 «О рабочей группе высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств – членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки». Принято 28 сентября 2021 года, опубликовано 30 сентября 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01430200/err_30092021_150 (дата обращения: 21.01.2022).

16. Рекомендация Коллегии ЕЭК №34 «О развитии мультимодальных и транзитных перевозок в рамках Евразийского экономического союза». Принята 29 декабря 2020 года, опубликована 31 декабря 2020 года. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428313/err_31122020_34 (дата обращения: 18.07.2021).

17. Рекомендация Коллегии ЕЭК №7 «О Методических рекомендациях по разработке программ государств – членов Евразийского экономического союза в области защиты прав потребителей». Принята 1 марта 2021 года, опубликована 9 марта 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428716/err_09032021_7 (дата обращения: 18.07.2021).

18. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 10 декабря 2021 № 21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01231077/err_21012022_21_doc.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

19. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 10 декабря 2021 № 21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01231077/err_21012022_21_doc.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

20. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года №13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428322/err_12012021_13 (дата обращения: 18.12.2021).

21. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года №14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428324/err_12012021_14 дата обращения: 18.12.2021).

22. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 14 мая 2018 года №9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01217708/scd_16052018_9_doc.pdf (дата обращения: 18.12.2021).

23. Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербия, с другой стороны. Подписано 25 октября 2019 года, вступило в силу 10 июля

2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%a1%d0%b5%d1%80%d0%b1%d0%b8%d1%8f/Agreement.pdf (дата обращения: 15.07.2021).

24. Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны. Подписано 29 мая 2015 года, вступило в силу 5 октября 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%92%d1%8c%d0%b5%d1%82%d0%bd%d0%b0%d0%bc/EAEU-VN_FTA.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

25. Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны. Подписано 1 октября 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%a1%d0%b8%d0%bd%d0%b3%d0%b0%d0%bf%d1%83%d1%80/EAEU-Singapore%20FTA_Main%20Agreement.pdf (дата обращения: 18.02.2022).

26. Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербией, с другой стороны. Подписано 25 октября 2019 года, вступило в силу 10 июля 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%a1%d0%b5%d1%80%d0%b1%d0%b8%d1%8f/Agreement.pdf (дата обращения: 18.01.2022).

27. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и КНР, с другой стороны. Подписано 17 мая 2018 года, вступило в силу 25 октября 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашени

e%20c%20Китаем/Текст%20русский%20%28EAEU%20alternate%29%20final.pdf (дата обращения: 03.02.2022).

28. Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики. Подписано 6 июня 2019 года, вступило в силу 21 ноября 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01522104/iatc_17062019 (дата обращения: 03.02.2022).

29. Статут Суда Евразийского экономического союза. Приложение №2 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Подписан 29 мая 2014 года, вступил в силу 1 января 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 18.02.2022).

30. Стратегические направления развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года. Утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета №12 от 11 декабря 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12 (дата обращения: 18.12.2021).

Нормативно-правовые акты и иные документы Европейского союза:

31. Agreement on extradition between the European Union and the United States of America. Signed on 25 June 2003, entered into force on 1 February 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22003A0719(01)&from=EN (дата обращения: 13.05.2022).

32. Agreement on mutual legal assistance between the European Union and the United States of America. Signed on 25 June 2003, entered into force on 1 February 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22003A0719(02)&from=EN (дата обращения: 13.05.2022).

33. Better Regulation: why and how. // European Commission Official Website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/law/law-making-process/planning-and-proposing-law/better-regulation-why-and-how_en (дата обращения: 08.12.2021).

34. Communication from the Commission concerning the consequences of the judgment given by the Court of Justice on 20 February 1979 in case 120/78 ('Cassis de Dijon'), dispatched on 3 October 1980. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31980Y1003(01)&from=EN (дата обращения: 08.03.2022).

35. Communication from the Commission to the European parliament, he Council, the European economic and Social Committee and the Committee of the Regions «The European Green Deal» № COM (2019) 640 final, dispatched on 11 December 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:b828d165-1c22-11ea-8c1f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 12.10.2021).

36. Communication from the Commission to the European parliament, the Council, the European economic and Social Committee and the Committee of the Regions Trade Policy Review – An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy. №COM (2021) 66 final, dispatched on 18 February 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:5bf4e9d0-71d2-11eb-9ac9-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 08.12.2021).

37. Communication from the Commission to the European parliament, the Council, the European economic and Social Committee and the Committee of the Regions «Fit for 55': delivering the EU's 2030 Climate Target on the way to climate neutrality» № COM (2021) 550 final, dispatched on 14 July 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-

content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0550&from=EN (дата обращения: 12.10.2021).

38. Comprehensive and enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part. Signed on 24 November 2017, entered into force on 1 March 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22018A0126(01)&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

39. Consolidated version of the Treaty on European Union (with amendments by the Treaty of Lisbon. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 08.01.2022).

40. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (with amendments by the Treaty of Lisbon. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

41. Court of Justice of the European Union Press Release N192/21. Luxembourg, 27 October 2021 Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2021-10/cp210192en.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

42. Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Kazakhstan, of the other part. Signed on 21 December 2015, entered into force on 1 March 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22016A0204(01)&from=EN (дата обращения: 08.05.2022).

43. EU-Canada Comprehensive Economic and Trade Agreement. Signed on 30 October 2016, entered into force provisionally on 21 September 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/trade/policy/in-focus/ceta (дата обращения: 15.07.2021).

44. EU-Japan Economic Partnership Agreement. Signed on 21 December 2018, entered into force on 1 February 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/trade/policy/in-focus/eu-japan-economic-partnership-agreement (дата обращения: 15.07.2021).

45. Opinion 1/94. 15.11.1994. Competence of the Community to conclude international agreements concerning services and the protection of intellectual property – Article 228 (6) of the EC Treaty. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:3568c114-591b-4373-bb72-53523ffd70ce.0002.03/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 12.01.2022).

46. REPowerEU: Joint European action for more affordable, secure and sustainable energy. // European Commission Official Website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_1511 (дата обращения: 08.03.2022).

47. The New European Consensus on Development «Our World, Our Dignity, Our Future». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/european-consensus-on-development-final-20170626_en.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

48. Treaty establishing the European Atomic Energy Community. Signed on 25 March 1957, entered into force on 1 January 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11957A/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

49. Treaty establishing the European Economic Community. Signed on 25 March 1957, entered into force on 1 January 1958.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:11957E/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

50. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community. Signed on 13 December 2007, entered into force on 1 January 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12007L/TXT&from=EN (дата обращения: 08.01.2022).

51. Completing the internal market: white paper from the Commission to the European Council № COM (1985) 310 final, dispatched on 14 June 1985. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51985DC0310&from=EN (дата обращения: 08.03.2022).

Нормативно-правовые акты и иные документы международных организаций и отдельных государств:

На русском языке:

52. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 23 июня 2021 года №427-СФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://council.gov.ru/media/documents/pdf/1lnocTF5Nwf0QFlBeZOZpD6AFpLfzAbk.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

53. Совместное заявление 4-го саммита Россия – АСЕАН: построение мирного, стабильного и устойчивого региона от 28 октября 2021 года. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/supplement/5725 (дата обращения: 30.03.2022).

54. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015

года. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 15.03.2022).

55. Стратегия развития Шанхайской Организации Сотрудничества до 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sco-russia.ru/load/1013640805 (дата обращения: 21.05.2022).

56. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 года. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1 (дата обращения: 06.10.2021).

На иностранных языках:

57. Joint Statement on Aggression by the Russian Federation against Ukraine with the Support of the Republic of Belarus. WT/GC/244 15 March 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/244.pdf (дата обращения: 18.04.2022).

58. Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations, International Court of Justice, Advisory Opinion of April 11th, 1949. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/4/004-19490411-ADV-01-00-EN.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

59. Rules of Procedure for Sessions of the Ministerial Conference and Meetings of the General Council. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/L/161.pdf (дата обращения: 11.01.2022).

Учебные и научные издания, монографии:

На русском языке:

60. Ануфриева Л. П. Право ВТО: теория и практика применения: Монография / Под ред. Ануфриевой Л.П. – М, 2018. – 528 с.

61. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. – М., 1950. – 368 с.

62. Британия после брекзита = The United Kingdom after brexit: [монография] / [отв. ред. К.А. Годованюк]. – М., 2021. – 184 с.

63. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. – М, 2015. – 1006 с.

64. Европейское право. Отрасли права Европейского Союза и Евразийского экономического союза: учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. – М.,2021. – 416 с.

65. Интеграционное право в современном мире. Сравнительно-правовое исследование: монография. // Под ред. С.Ю. Кашкина. – М.,2015. – 416 с.

66. Калиниченко П. А. Принципы прямого действия и верховенства в праве ЕС. // Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая: Коллективная монография к 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / Под общей редакцией В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – М., 2021. – С. 356-374.

67. Капустин А.Я. Европейский союз: интеграция и право. – М., 2000. – 436 с.

68. Кашкин, С.Ю. Основы интеграционного права: учеб. пособие / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков; отв. ред. С. Ю.Кашкин. – М., 2015. – 224 с.

69. Ковлер А.Н. Антропология права. – М., 2002. – 480 с.

70. Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. – М., 1974. 264 с.

71. Лукашук И.И. Глобализация. Государство. Право. XXI век. – М., 2000. – 280 с.

72. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – М., 2005. – 432 с.

73. Международное право в 2 ч. Часть 1: учебник для академического бакалавриата / под. ред. А. Н. Вылегжанина. – 3-е изд. перераб. и доп. – М., 2016. – 290 с.

74. Международное публичное право: учебник / под ред. К.А. Бекяшева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1999. – 640 с.

75. Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза: монография. К.А. Бекяшев, Д.К. Бекяшев, С.Ю. Кашкин, Е.Г. Моисеев, Т.В. Сулейманов; ред. Е.Г. Моисеев. – М., 2014. – 174 с.

76. Нефедов Б.И. Катехизис аспиранта кафедры международного права: учебное пособие / Б.И. Нефедов; отв. ред. А.Н. Вылегжанин. МГИМО МИД России. – М, 2018. – 462 с.

77. Оппенгейм Л. Международное право / пер. с англ. Т. 1. – М., 1948. – 407 с.

78. Право внешней политики и политики безопасности Европейского союза / Е. Ф. Довгань, П. А. Калиниченко, Н. О. Мороз [и др.]. – Минск, 2020. – 204 с.

79. Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. – М., 1993. – 295 с.

80. Шумилов В.М. Международное право: учебник.3-е изд., испр. и доп. – М., 2016. – 530 с.

81. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 2004. – 384 с.

82. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. В поисках партнерских отношений – XI: Россия и Европейский Союз в 2021 – первой половине 2022 годов: Научная монография. – М., 2022. – 470 с.

На иностранных языках:

83. Brownlie I. Principles of Public International Law, 6th edition. – Oxford, 2003. – 784 p.

84. Eeckhout P. EU External Relations Law. – Oxford, 2012. – 622 p.

85. Kelsen H. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts. – Tübingen, 1928. – 320 S.

86. Klabbers J. An Introduction to International Institutional Law. 2nd ed. – Cambridge, 2009. – 393 p.

87. Kuijper P.J. [et al.]. The Law of EU External Relations. – Oxford, 2013. – 1092 p.

Научные и иные статьи, аналитические материалы:

На русском языке:

88. Ануфриева Л.П. ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении. // Московский журнал международного права. – 2016. – №4. С. 48-62.

89. Ануфриева Л.П. О некоторых теоретических подходах к праву евразийской интеграции и ее институционализации. // Lex russica (Русский закон). – 2017. – №9. – С. 116-126.

90. Артамонова О.Ф. Международная правосубъектность Европейского союза. // Журнал российского права. – 2002. №8. – С. 143-151.

91. Барский К.М., Красильников С.Р., Михневич С.В. Продвигая инициативу Большого Евразийского партнерства: совпадение интересов государств, бизнеса и международных институтов. // Международная жизнь. – 2021. – № 10. – С. 1-19.

92. Безбородов Ю.С. Международно-правовая интеграция: подходы к пониманию феномена. // Российский юридический журнал. – 2012. – № 1. – С. 62-67.

93. Безбородов Ю.С. Интеграция как международно-правовой метод правовой конвергенции. // Lex russica (Русский закон). – 2017. – №12. – С. 124-132.

94. Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К. Правовая природа международных интеграционных объединений. // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 199-207.

95. Берлингуэр А. «Мягкое право» против «жесткого права» в Европейском союзе. // Современное право. – 2012. – №12. – С. 119-124.

96. Боклан Д.С. Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 223-236.

97. Бордачёв Т.В. Суверенитет и интеграция. // Россия в глобальной политике. – 2007. – Т. 5. № 1. – С. 65-77.

98. Бордачев Т.В., Пятачковой А.С. Концепция «Большой Евразии» в повороте России на Восток. // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13. №3. – С. 33-51.

99. Братерский М.В., Энтина Е.Г., Энтин М.Л. Как Евразии подготовиться к европейскому зеленому курсу. // Россия в глобальной политике. – 2021. – №4. – С. 205-218.

100. Вельяминов Г.М. Международная правосубъектность // Советский ежегодник международного права. 1986. – М, 1987. – С. 77-97.

101. Войников В., Энтин М., Энтина Е. Углубление интеграции и институциональная трансформация. // Международные процессы. – 2020. – Т. 18. № 4(63). – С. 6-35.

102. Войников В.В., Энтина Е.Г., Энтин М.Л. Перспективы, потребности и подводные камни конституциализации ЕС и ЕАЭС. // Полис. Политические исследования. – 2019. – №4. – С. 89-103.

103. Воронцова Н.А. Либерализация торговли в рамках Евразийского экономического союза (на примере Соглашения ЕАЭС-Вьетнам). // Московский журнал международного права. – 2015. – № 4. С103-115.

104. Глазьев С.Ю. Как построить Большое евразийское партнерство? // ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика. – 2021. – №15(3). – С. 9-14.

105. Глазьев С.Ю., Архипова В.В., Агеев А.И., Ершов М.В., Митяев Д.А., Нагорный А.А., Вэнь В., Цинцин Я., Росс Д., Чжаоюй Г., Тинтин Ч. Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс – один путь» в представлениях Китая и России. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – №3. – С. 13-30.

106. Губарец Д.П. Евразийский экономический союз: современный взгляд на феномен наднациональности. // Право и экономика. – 2018. – №10. – С. 117-124.

107. Гуреев С.А. Субъекты международного права. // Московский журнал международного права. – 2012. – №1. – С. 29-48.

108. Данильцев А.В., Глазатова М.К. ЕАЭС как субъект мировой торговли и торговой политики: между новым регионализмом. // В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС. / Под науч. ред. Т.А. Мешковой. – М., 2020. – С. 32-46.

109. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» «Евразийская экономическая интеграция: между абсолютными и относительными выгодами». Бордачев Т., Лихачева А., Королев А., Малашенкова О., Сафранчук И., Малютина Д. – М.,2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.valdaiclub.com/files/26831 (дата обращения: 24.12.2021).

110. Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность. // Международное правосудие. – 2017. – №3 (23). – С.76-95.

111. ЕАЭС и АСЕАН: открывая новые горизонты сотрудничества: Аналитический доклад / Т.М. Алиев, М.А. Баева, К.Н. Боргоякова, Е.С. Гущин, П.А. Доронин, О.Д. Исмагилова, А.Ю. Кнобель, О.В. Пономарева, К.А. Прока, М.Г. Пташкина, Н.С. Пыжиков, А.Н. Соколянская, Н.В. Стапран, Т.А. Флегонтова. Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России – М., 2017. – 229 с.

112. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл., к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апр. 2019 г. / Т. В. Бордачев, К. О. Вишневский, М. К. Глазатова и др.; отв. ред. Т. А. Мешкова. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2019. – 123 с.

113. Егорова Е.Н. Правосубъектность Европейского союза и международное трудовое право. // Московский журнал международного права. – 2013. – №1. – С. 142-151.

114. Иванов Д.В. Левина М.М. Международно-правовое сотрудничество Евразийского экономического союза с региональными комиссиями ООН: современный этап. // Московский журнал международного прав. – 2020. – №2. – С. 22-39.

115. Изотов Д.А. Влияние торговых мегаформатов в АТР на российский экспорт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. – 14. – № 1. – С. 41-55.

116. Ищенко Н.Г. К вопросу о подразумеваемых полномочиях Европейского союза. // Закон и право. – 2019. – №11. – С. 25-31.

117. Кашкин С.Ю. Понятие международной образовательной интеграции: социальные и правовые аспекты. // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2016. – № 3. – С. 26-28.

118. Кнобель А.Ю., Седалищев В.В. Риски и выгоды для ЕАЭС от различных сценариев интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. // Экономическая политика. – 2017. – Т. 12. № 2. – С. 72-85.

119. Колос Д. Г. Оспаривание международных договоров в Суде Евразийского экономического союза: теоретический анализ. // Правоведение. – 2019. – Т. 63. № 3. – С. 412-428.

120. Лавров С.В. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. – 2021. – №4. – С. 8-20.

121. Лифшиц И.М. Членство Европейского союза в международных организациях в контексте его правосубъектности. // Московский журнал международного права. – 2019. – №1. – С. 54-67.

122. Лихачев М.А. Понимание международной правосубъектности в ракурсе иных, смежных категорий. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – №33(214). – С. 74-81.

123. Мещерякова О.М. Суверенитет и интеграционное сообщество: теория и практика // Государства и право. – 2014. – №8. – С. 59-64.

124. Мониторинг актуальных событий в области международной торговли № 29 от 22 мая 2019 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vavt-imef.ru/analytics/monitoring/current-events-in-the-field-of-international-trade-№29 (дата обращения: 21.10.2021).

125. Мысливский П.П. Исполнение решений и консультативных заключений Суда Евразийского экономического союза. // Московский журнал международного права. – 2021. – №3. – С. 78-97.

126. Нешатаева Т. Н. Интеграция и наднационализм. // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. – 2014. – Вып. 2 (24). – С. 243-248.

127. Новиков Д.П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России. // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13. № 3. – С. 82-96.

128. Носов М. Г. Россия в контексте китайского проекта «Один пояс – один путь». Статья первая. // Современная Европа. – 2020. – № 5(98). – С. 33-45.

129. Осветимская И.И. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2017. – № 2. – С. 150-168.

130. Павельева Э. А. Формирование международной правосубъектности Европейского союза. // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 2(53). – С. 129-132.

131. Панова Г.С. Финансовая интеграция стран ЕАЭС – ШОС. // Постсоветский материк. – 2018. – №3 (19). – С.71-83

132. Пименова О.И. Правовая интеграция в Европейском союзе и в Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ. // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14. №1. – С. 76-93.

133. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. // Известия. – 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/news/502761?page=2 (дата обращения: 12.12.2021).

134. Соколова Н.А. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права. // Lex russica (Русский закон). – 2017 – №11. – С. 47-57.

135. Стоякин С.Г. Международная интеграция и государственный суверенитет // Право и государство: теория и практика. – 2018. – №10 (166). – С.74-79.

136. Стрежнева М.В. Наднациональность и принцип субсидиарности в ЕС и за его пределами. // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т.60. №6. – С. 5-14.

137. Турланов Д.А., Турланова И.М. Международно-правовые аспекты внешнеторговой политики Евразийского экономического союза. // Московский журнал международного права. – 2021. – №3. – С. 63-76.

138. Чайка К.Л. Конституционализация как тенденция развития интеграционных объединений. // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. № 5. – С. 145-161.

139. Шумилов В.М., Боклан Д.С., Лифшиц И.М. Правовые новеллы договора о Евразийском экономическом союзе. // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – №4. – С. 88-100.

140. Энтин Л.М. XXI век и судьба суверенного государства (Тезисы). Космополис. Альманах. – М, 1999.

141. Энтин М.Л. «Конституционно-правовые» основы международной деятельности ЕС и практическая политика. // Ежемесячное интернет-издание «Вся Европа». – 2008. – №3 (20). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://alleuropa.ru/?p=2485 (дата обращения: 12.02.2022).

142. Энтин М.Л. Правовые основы внешней политики Европейского Союза. // Московский журнал международного права. – 2003. – №4. – С. 86-116.

143. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Обратное в юридическое средневековье? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоводения. – 2018. – №2. – С.35-43.

На иностранных языках:

144. Butler W.E., Entin M.L., Entina E.G., Torkunova E.A. Greater Eurasia: In Search of a Legal Order. // Polis. Political Studies. – 2020. – №. 4. – P. 9-23. (In Russ.).

145. Cagnin C., Muench S., Scapolo F., Stoermer E., Vesnic Alujevic L. Shaping and securing the EU`s Open Strategic Autonomy by 2040 and beyond. – Publications Office of the European Union. – Luxembourg, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC12599 (дата обращения: 28.02.2022).

146. Collins R. The League of Nations and the Emergence of International Administration: Finding the Origins of International Institutional Law. // Revista Española de Derecho Internacional – 2019. – Vol. 71. № 2. – Pp. 285-294. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.revista-redi.es/wp-content/uploads/2019/09/13_foro_collins-1.pdf (дата обращения: 23.02.2022).

147. Cremona M. The Union as a Global Actor: Roles, Models, Identity. // European Foreign Policy Review. – 2004. – Vol. 4L. – Pp. 533-565.

148. De Gucht K. The Common Foreign and Security Policy (CFSP): Is There Room for New Perspectives in the Aftermath of Maastricht? // Studia Diplomatica. – 1997. – Vol. 50. №2. – Pp. 49-83.

149. De Micco P. When Choosing Means Losing: The Eastern Partners, the EU, and the Eurasian Economic Union. // Study. Directorate-General for External Policies. European Parliament. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/549026/EXPO_STUD%282015%29549026_EN.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

150. de Schoutheete P., Andoura S. The Legal Personality of the European Union. – Egmont European Affairs Publication, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aei.pitt.edu/9083 (дата обращения: 24.02.2022).

151. Dunlop C.A., Radaelli C. M. Better Regulation in the European Union. The Handbook of Regulatory Authorities. Edited by M. Maggetti, F. Di Mascio, A. Natalini. – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://protego-erc.eu/wp-content/uploads/2021/11/Dunlop-Radaelli-for-Di-Mascio-version05-July-2021-CLEAN.pdf (дата обращения: 08.03.2022).

152. Eeckhout P. The European Union and the International Law under the Treaty of Lisbon. // Blog of the European Journal of International Law. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ejiltalk.org/the-european-union-and-international-law-under-the-treaty-of-lisbon (дата обращения: 10.01.2022).

153. Entin M., Entina E. The New Role of Russia in the Greater Eurasia. // Strategic Analysis. – 2016. – № 40(6). – Pp. 590-603.

154. Entin M., Entina E., Torkunova E. In bk.: Current issues of international law and comparative law. Kaliningrad, 2022. – Ch. 6. – P. 77-102.

155. Everling U. Reflections on the Structure of the European Union. // Common Market Law Review. – 1992. – Vol. 29. № 6. – Pp. 1053-1077.

156. Flach L., Hildenbrand H., Teti F. The Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement and Its Expected Effects on World Trade. // Intereconomics. – 2021. – V. 56. № 2. – Pp. 92-98.

157. Hickey J. E. Jr. The Source of International Legal Personality in the 21st Century. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scholarlycommons.law.hofstra.edu/faculty_scholarship/563 (дата обращения: 23.02.2022).

158. Klabbers J. Sui Generis? The European Union as an International Organization. // A Companion to European Union Law and International Law. Ed. By D. Patterson, & A. Södersten. –Wiley Blackwell, 2016. – Pp. 1-15.

159. Klamert M. The Autonomy of the EU (and of EU Law): Through the Kaleidoscope. // European Law Review. – 2017. – Vol. 42. №. 6. – Pp. 815-830.

160. Kovacs A., Torh T., Forgacs A. The Legal Effects of European Soft Law and Their Recognition at National Administrative Courts. // Loyola University Chicago International Law Review. – 2016. – Vol.14. №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lawecommons.luc.edu/lucilr/vol14/iss1/2 (дата обращения: 23.02.2022).

161. Myths and misconceptions in the debate on Russia. How they affect Western policy, and what can be done? // Chatham House Report. – 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2021-05/2021-05-13-myths-misconceptions-debate-russia-nixey-et-al_0.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

162. Quah D. The Global Economy's Shifting Centre of Gravity. // Global Policy. – 2011. – Volume 2. Issue 1. – Pp. 3-9.

163. Senden L. Soft law and its implication for institutional balance in the EC. // Utrecht Law Review. – 2005. – Vol. 1. № 2. Pp. 79-99. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.utrechtlawreview.org/articles/10.18352/ulr.9 (дата обращения: 21.02.2022).

164. Senden L. Soft Law, Self-Regulation and Co-Regulation in European Law: Where Do They Meet? // Electronic Journal of Comparative Law. – 2005. – Vol. 9. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ejcl.org (дата обращения: 21.02.2022).

165. Snyder F. Soft Law and Institutional Practice in the European Community. // EUI Working Papers in Law. – 1993. – №5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cadmus.eui.eu/handle/1814/101 (дата обращения: 08.12.2021).

166. Squaring Russia's missing barrels. Goldman Sachs Report. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.goldmansachs.com/insights/pages/gs-research/squaring-russias-missing-barrels/report.pdf (дата обращения: 08.03.2022).

167. Vermeulen G. A. EU conventions enhancing and updating traditional mechanisms for judicial cooperation in criminal matters. // Revue internationale de droit penal. – 2006. – №1-2 (Vol. 77). – P. 59-95.

168. Wessel R.A. The legal dimension of European foreign policy. // Handbook of European Foreign Policy. Edited by Aarstad Å.K., Drieskens E., Jørgensen K.E., Laatikainen K. Tonra B. – London, 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ris.utwente.nl/ws/portalfiles/portal/5598731/wessel103.pdf (дата обращения: 08.03.2022).

Диссертации:

169. Безбородов Ю.С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Безбородов Юрий Сергеевич. – Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург, 2019. – 31 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/78056/1/urfu2058.pdf (дата обращения: 05.03.2022).

170. Гуляева Т.К. Соотношение «права ВТО» и национального права государств-членов. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Гуляева Татьяна Константиновна. – Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. – Москва, 2016. – 237 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://msal.ru/common/upload/Dissertatsiya_Gulyaeva_T.K..pdf (дата обращения: 09.03.2022).

171. Жбанков В. А. Эволюция компетенции Европейского Союза и ее отражение в европейском праве. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Жбанков Владимир Александрович. – Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина. – Москва, 2009. – 25 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eulaw.edu.ru/informatsiya/avtoreferaty-po-pravu-evropejskogo-soyuza/zhbankov-v-a-evolyutsiya-kompetentsii-evropejskogo-soyuza-i-ee-otrazhenie-v-evropejskom-prave (дата обращения: 04.03.2022).

172. Мысливский П.П. Международно-правовое регулирование создания Евразийского экономического союза и способа разрешения споров. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Мысливский Павел

Петрович. – Российский государственный университет правосудия. – М., 2015. – 34 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rgup.ru/rimg/files/_Автореферат_П.П.Мысливский.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

Статистические публикации:

173. Информационная база UN Comtrade. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://comtrade.un.org/data (дата обращения: 14.10.2021).

174. Официальная статистика ЕЭК. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx (дата обращения: 21.03.2022).

175. Статистика Всемирного банка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://data.worldbank.org (дата обращения: 14.10.2021).

Иные материалы:

На русском языке:

176. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в рамках II Форума международного сотрудничества «Пояс и путь» 29 сетнября 2019 года. // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/uchastie-v-mezhdunarodnom-forume-pojas-i-put-20957 (дата обращения: 18.12.2022).

177. Выступление Президента России В.В. Путина на заседании Высшего Евразийского экономического совета 19 мая 2020 года. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/63367 (дата обращения: 18.07.2021).

178. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 17 июня 2016 года. // Официальный сайт Президента Российской Федерации.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/52178 (дата обращения: 27.03.2022).

179. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Совета глав государств – членов ШОС 17 сентября 2021 года. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/66706 (дата обращения: 27.03.2022).

180. ЕАЭС занял 2-е место после Евросоюза по уровню институциональной интеграции. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-zanyal-2-e-mesto-posle-evrosoyuza-po-urovnyu-institutsionalnoj-integratsii (дата обращения: 21.10.2021).

181. ЕАЭС и Иран провели второй раунд переговоров по соглашению о свободной торговле. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-iran-proveli-vtoroy-raund-peregovorov-po-soglasheniyu-o-svobodnoy-torgovle (дата обращения: 21.03.2022).

182. ЕАЭС изучит возможность активизации экспорта в рамках ЗСТ с Вьетнамом. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-izuchit-vozmozhnost-aktivizatsii-eksporta-v-ramkah-zst-s-vetnamom (дата обращения: 15.03.2022).

183. ЕЭК и Исполком СНГ подписали план сотрудничества на 2021–2022 годы. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/05-02-2021-07.aspx (дата обращения: 21.01.2022).

184. ЕЭК и Секретариат Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии намерены заключить Меморандум о взаимодействии. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/eek-i-sekretariat-

soveshchaniya-po-vzaimodeystviyu-i-meram-doveriya-v-azii-namereny-zaklyuchit-memor (дата обращения: 22.03.2022).

185. ЕЭК создала рабочую группу по взаимодействию со Всемирной таможенной организацией. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/eek-sozdala-rabochuyu-gruppu-po-vzaimodeystviyu-so-vsemirnoy-tamozhennoy-organizatsiey (дата обращения: 30.03.2022).

186. Лекция Председателя Коллегии ЕЭК М.В. Мясниковича в МГИМО МИД России «ЕАЭС: эффективность – ответы на вызовы и угрозы». // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/speech/lekciya-predsedatelya-kollegii-eek-mv-myasnikovicha-v-mgimo-mid-rossii-eaes-effektivnost--otvety-na-vyzovy-i-ugrozy (дата обращения: 23.03.2022).

187. Лекция Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в Евразийском Национальном Университете им. Л.Н. Гумилева «К экономике знаний через инновации и образование 26 мая 2006 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30056564&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения: 28.03.2022).

188. Межправсовет поддержал участие Узбекистана в работе по отдельным проектам ЕАЭС. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/mezhpravsovet-podderzhal-uchastie-uzbekistana-v-rabote-po-otdelnym-proektam-eaes (дата обращения: 17.03.2022).

189. МИД Молдавии: статус страны в ЕАЭС как наблюдателя был неправильно юридически оформлен. // Информационное агентство ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12949287 (дата обращения: 18.12.2021).

190. Михаил Мясникович провел встречу с Генеральным секретарем ШОС Чжан Мином. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/mikhail-

myasnikovich-provel-vstrechu-s-generalnym-sekretarem-shos-chzhan-minom-/ (дата обращения: 20.05.2022).

191. Посол ЕС – РБК: «Озеленение» наших отношений — шаг к их стабилизации». // РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/interview/politics/08/10/2021/615ec6999a79473db7670633 (дата обращения: 12.10.2021).

192. Правовой клинч во взаимоотношениях Варшавы и Брюсселя. // ИМЭМО РАН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imemo.ru/special-rubrics/eu-current-trends/text/legal-clinch-in-relations-between-warsaw-and-brussels (дата обращения: 27.02.2022).

193. Премьер-министры стран ЕАЭС одобрили реализацию совместного проекта «Евразийский агроэкспресс». // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/premer-ministry-stran-eaes-odobrili-realizatsiyu-sovmestnogo-proekta-evraziyskiy-agroekspress (дата обращения: 15.03.2022).

194. Раздел «Международное сотрудничество» официального сайта Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo (дата обращения: 18.12.2021).

195. Санду: законность получения Молдавией статуса наблюдателя в ЕАЭС необходимо уточнить. // Информационное агентство ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10129755 (дата обращения: 18.12.2021).

На иностранных языках:

196. EU finally launches rule-of-law probe against Hungary. EUobserver. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://euobserver.com/rule-of-law/154672 (дата обращения: 27.04.2022).

197. EU warns Serbia to cancel free trade pact with Russia if it wants to join bloc. // Euronews. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.euronews.com/2019/08/28/eu-warns-serbia-to-cancel-free-trade-pact-with-russia-if-it-wants-to-join-blo (дата обращения: 15.07.2021).

198. General Council decides to postpone MC12 indefinitely. // WTO Official Website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news21_e/mc12_26nov21_e.htm (дата обращения: 08.03.2022).

199. Kazakh official: We will not risk being placed in the same basket as Russia. // Euractiv. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.euractiv.com/section/central-asia/interview/kazakh-official-we-will-not-risk-being-placed-in-the-same-basket-as-russia (дата обращения: 31.03.2022).

200. MEPs refuse any agreement with China whilst sanctions are in place. // European Parliament Official Website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210517IPR04123/meps-refuse-any-agreement-with-china-whilst-sanctions-are-in-place (дата обращения: 08.03.2022).

201. RCEP Agreement enters into force. // ASEAN Official Website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asean.org/rcep-agreement-enters-into-force (дата обращения: 28.01.2022).

202. Types of EU trade agreement. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/negotiations-and-agreements (дата обращения: 12.04.2022).